

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр ЛОНС

бирюзовый глаз

Александр Лонс Бирюзовый Глаз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35741043

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11920-8

Аннотация

Ключи от иной реальности, даже если это чужие ключи, делают привычной повседневной рутиной все причуды и необычности этого странно-изменчивого, прекрасно-уродливого мира. То, что способно свести с ума сознательного пришельца или случайного туриста, постоянными обитателями и регулярными посетителями воспринимается в порядке вещей. Здесь правит искривленная геометрия сознания и нелинейная логика поведения. Содержит нецензурную брань.

Александр Лонс

Бирюзовый Глаз

История одного алмаза

Пролог

Древняя цивилизация давно освоила планеты вокруг своего солнца, организовав жизнь так, как было удобно им – разумным обитателям. На очереди стояли другие миры, но неожиданно пришла беда. Стало известно, что с огромной скоростью к ним летит блуждающая нейтронная звезда, которая через пару поколений разнесет звездою систему и погубит центральное светило, тем самым уничтожив их мир. Выход остался один – бежать. За оставшееся время была построена армада колоссальных космических кораблей, призванных унести цвет цивилизации к иным планетам, и там, в чужих звездных системах, начать то, что погибло на родине. Звездный флот разделили на триплеты – по три корабля направились к тем солнцам, вокруг которых вращались подходящие миры. Когда один из триплетов прибыл к рядовой желтой звезде, с пригодной для жизни третьей планетой располагающей спутником-планетоидом, оказалось, что там уже имеется разумная жизнь. Небольшая популяция аборигенов, зажатая между рифтовой долиной и огромным океаном, очутилась на грани вымирания. Звездные скитальцы

остались на орбите планеты, чтобы пронаблюдать ход естественного процесса. Но разумные аборигены нашли в себе силы и выжили. Экипаж одного из кораблей решил дать знания новому разуму. Остальные не поддержали своих коллег, предлагая уничтожить нарождающихся конкурентов перед тем, как занять их мир. Произошел раскол и война между тремя кораблями. Два сгорело, один получил неустраняемые повреждения, и экипаж оказался вынужден десантироваться на поверхность планеты. Пришельцы научили аборигенов искусству добывать металлы, передавать знания, и подарили возможность получать ту информацию, что привезли с собой. Скитальцы хранили свои записи в кристаллах твердого, устойчивого материала, однако новая среда оказалась последним обиталищем пришельцев. Они жили несравнимо дольше аборигенов, но утратили способность воспроизводить себе подобных, потеряв необходимые технологии и оборудование на погибших кораблях. Все дальше и дальше отделялись они от аборигенов, стараясь продлить личное существование собственных тел, однако неумолимое время брало свое. Все меньше оставалось их, скрывавшихся высоко в горах и стерильных пустынях. Наконец, в живых остался один. Последний, что уже умирая, попытался передать доверенным аборигенам личные знания, опыт и систему ценностей.

Постепенно аборигены забыли, как считывать записанные в кристаллах сведения, но сохранили память, что в

этих сверкающих камнях заключена неведомая сила. Камни обожествляли, бережно сохраняли и применяли, как умели. Множество кристаллов потом погибло в невежественных руках, часть была спрятана и забыта, остальные впоследствии сделались ювелирными украшениями, затерявшись в массе обычных обработанных минералов.

* * *

Прошло много тысячелетий.

Аборигены сделались людьми, построили индустриальную цивилизацию и привели свой мир к порогу экологической катастрофы.

* * *

Мегаполис, безобразно расплзшийся город, уже подернутый сизым одеялом смога, жил обычной напряженной жизнью. Дневное светило подползало к высшей точке своего пути. По скрытым от глаз каналам связи неслись могучие потоки информации, что подобно джиннам арабских сказок, исполняли всевозможные человеческие желания: в воде, в еде, в сексе, в интеллектуальных развлечениях и даже в малодоступном праве на экологически чистую среду обитания. По тротуарам двигались пешеходы, по улицам ползли потоки машин, работало метро, уходили и приходили поезда. Все занимались повседневными делами. Люди трудились, прогуливались, отдыхали, учились, читали, куда-то спешили, стояли

в автомобильных пробках. В городских парках играли дети, бабушки сидели на лавочках, а в островках зелени каркали вороны. Неожиданно разбогатевший мелкий бизнесмен никак не мог придумать способ продажи украденного им пятидесятикаратного бриллианта. Где-то далеко за границей города набирал темп скоростной экспресс Москва – Санкт-Петербург, а в аэропортах взлетали и садились самолеты, помогая людям успевать за безумным бегом своего существования. Стремительно работали миллионы жестких дисков, ускоряя и разгоняя темп жизни, давно уже похожий на бешеный информационный галоп, почему-то называемый прогрессом. Казалось, безостановочному движению материи и байтов нет ни конца, ни края, а гигантский город абсолютно безразличен к проблемам каждого из своих обитателей.

На участке одной из главных магистралей города возник затор. Этот кусок улицы отличался от других таких же лишь тем, что оказался в слепой зоне дорожных видеокамер. Два незримо связанных между собой жителя мегаполиса ждали в обычной автомобильной пробке. Первый, водитель серебристого городского джипа прошлогодней модели, старался побыстрее успеть домой, и лениво размышлял о предстоящей вечерней встрече с прекрасной девушкой, любовь которой он собирался купить посредством крупного голубого алмаза. Мужчина понятия не имел, что мыслей ему оставалось меньше чем на минуту. Второй участник затора, скрытый за черным кожаным комбинезоном и тонированным шлемом мо-

тоциклист, расстегивал молнию на груди и старался отключить поток сознания вместе с посторонними размышлениями.

За считанные секунды до открытия движения, мотоциклист придвинулся вплотную к левой передней двери серебристого внедорожника, плавным движением извлек из-за пазухи бесшумный пистолет, дважды выстрелил сквозь стекло автомобиля и тут же разжал пальцы правой руки, уронив оружие на асфальт. Ранения оказались абсолютно несовместимы с жизнью не оставив водителю джипа ни единого шанса.

Остальные виновники пробки безучастно отнеслись к происшествию. Из соседних рядов вообще ничего не заметили, а стоящие спереди и сзади увидели, но никак не среагировали. Находящийся впереди водитель черного внедорожника торопился к своему хозяину, директору департамента одного из министерств, поэтому постарался забыть, что видел в зеркале заднего обзора. Жгучая брюнетка, сидящая за рулем стоявшего сзади красного хетчбэка, сначала вообще ничего не поняла. А как только осознала происходящее, то настолько перепугалась, что посчитала полезным не обращать внимание на событие, ни с кем не делиться и не обсуждать впечатления об увиденном.

Мотоциклист, игнорируя все мыслимые правила дорожного движения, пробрался меж стоящих машин, пересек газон, рванул поперек тротуара и стремительно скрылся за

ближайшим углом жилого дома.

Книга первая

Чужие ключи

1. Личное сообщение

Утро буднего дня.

Звонок на мобильный.

Ответить не успел, поскольку не имел такой дурной привычки – везде таскать с собой телефон по утрам, даже в душ и в сортир. Вызов замолк, никто не перезванивал, и только потом, в середине рабочего времени, я вспомнил и зачем-то решил проверить номер. Неизвестный какой-то. Обычно в таких случаях никак не реагирую, а тут надумал перезвонить: ждал важного для меня вызова, а связаться могли и с незнакомого телефона. Ответили сразу:

– Алло? – спросил твердый уверенный баритон.

– Добрый день, вы сегодня утром звонили мне на этот номер, – как мог убедительнее прояснил ситуацию я.

– Добрый... может быть... не помню... работа такая... – в неожиданном замешательстве промямлили с той стороны.

Выжидательная пауза. Ну? И что теперь? Кто первый?

Первым не выдержал я, и разрешил себе прервать молчание:

– Спасибо. Значит, это ошибка, – высказал свое мнение неизвестному собеседнику, а поскольку он никак не отреагировал, пришлось отсоединиться.

Не помнит он. Если бы звонил именно мне, то не забыл бы. Небось, сидит какой-нибудь тунеядец и названивает всем подряд. Работа у него, видите ли, такая. Вот правильно учили великие умы: никогда не перезванивай по незнакомым номерам. В лучшем случае – никакого от них проку.

Кто-то мне уже говорил, что я брюзга и зануда. И не поспоришь ведь. Впрочем, вы спокойно можете пропустить эту первую главу, если она покажется вам скучной, и начать сразу со второй. Хулы не будет.

Последняя неделя апреля, неожиданно свалившееся на город почти летнее тепло. День обещал быть хорошим и солнечным, а запомнился еще и тем, что прорезался один старинный друг, пославший мне *личное сообщение* через социальную сеть: «Привет! Как насчет махнуть на майские ко мне на дачу?» Сам я обычно редко пишу в эту сеть: ресурс затертый, общеизвестный, только ленивый туда не записан. Но читаю. Иногда. Занятно бывает узнать, что у кого новенького. У друзей настоящих и бывших. У знакомых. У временных приятелей. А сам пишу так редко, что можно считать, и не пишу вовсе. Но аккаунт поддерживаю, дабы пообщаться, если что. А тут решил ответить, чего, как правило, не делаю: «Привет! На дачу хочу. Удачная мысль».

Стоило мне появиться в этой сети, как сразу же на емейл

поступило письмо от робота:

Давненько мы Вас не видели!

Уделите пару минут, чтобы настроить Сеть под себя. Наш совет прост: читайте больше людей. Да-да, все верно. Ваша лента строится на тех, кого вы читаете. Только так вы получите истинную радость от использования Сетью. Собрав в своей ленте тех, кто вам близок по духу и разделяет ваши интересы, вы увидите, как Сеть превратится в неотъемлемую часть вашей жизни.

Рекомендуем Вам...

Далее рекомендовали каких-то личностей, которых я не видел, не знал и не имел хотения знакомиться. Да уж, социальные сети ведут себя крайне навязчиво.

Позже прорезался и сам друг. Письмо выглядело развернутым, но начиналось почти так же, как и прежнее сообщение в соцсети. Моего ответа там он или не увидел, или просто прочитать не успел.

Привет! У меня идея. Как насчет того, чтобы на праздники махнуть ко мне в Федосеевку, в Тверскую область? На дачу? По-моему ты у меня еще не был. Капитальный коттедж, все городские удобства в наличии. Оттянемся по полной, не пожалеешь. Отвечай сразу, а то надо рассчитать количество мест. Если надумаешь – прихвати себе спальный

мешок. Лучше – двухспальный! Шучу. Выезд в эту пятницу вечером, где встречаться сообщу после твоего согласия.

Стэн

P.S. С ответом особо не тяни – места ограничены, а желающих много. Будут интересные люди, да и с тобой кое-кто хотел познакомиться.

Интересные люди? Для кого это? Для меня что ли? И какая, спрашивается, зараза хотела познакомиться со мной? Стэн что, решил устроить пьяную оргию на природе? Знал я подобные вечеринки. Сомневаюсь, что получится так уж интересно. Не нужно объяснять, что на таких сборищах может происходить: посвященные знают и так, а кто не в курсе, тем лучше оставаться в неведении. Но в данном случае компанию собирал мой старинный, многократно проверенный приятель, Стэн Якин, а для своих аспирантов – Станислав Витальевич. Я ему верил и откровенного дерьма для себя не ожидал. В общем, ничего срочного тогда не предвиделось, намеченные планы могли подождать, и, слегка заинтригованный, я согласился. Зря согласился. Знать бы заранее, во что это потом выльется, ни за что не ввязался бы.

В ту пору мне приходилось решать разные компьютерные проблемы для тех, кто может за это заплатить, а параллельно – изображать из себя кого-то вроде частного сыщика. Вернее, мне удобно было о себе так думать, чтобы не захламлять мозг лишними понятиями. Искал пропавших лю-

дей и тех, кто не очень-то хочет, чтобы его нашли. Собирал самые разные сведения. Восстанавливал последовательность тех или иных событий... Бывали и неудачи, а у кого их нет? Но обычно почему-то добивался успеха. Возможно, просто везло, а может еще и потому, что мне всегда было наплевать на мнение окружающих. Я не белый и не пушистый. Не хожу на модные спектакли, не закончил ни музыкальную, ни театральную школу, да и коллекций с записями концертов не держу. Учился, правда, в художественной школе, но это было так давно... Ненавижу проблемы и серьезные отношения к сокровенным целям жизни. У меня нет черного пояса по карате-до, я не увлекаюсь коллекционированием старинной бронзы, зато – люблю спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. А кто не любит? Не выношу ни гнева, ни зависти, ни злости. Самыми худшими пороками почитаю ложь и предательство. В общем – ничего оригинального, и если меня приглашали совершить двухдневную поездку в соседнюю область, то на это хотелось взглянуть философски. Как на увлекательное концептуальное приключение.

На встречу успел почти вовремя. Когда попал на место, то сразу заметил оживленную группку дядек, кучкующихся около двух крутых внедорожников с блестящими кенгурятниками на капотах и пузатыми багажными боксами на крышах. Мужики выглядели одетыми добротно, но неброско, и нельзя сказать, чтобы уж очень элегантно. Так обычно облачаются обеспеченные горожане на загородном отдыхе. Эти

люди не гонятся за последней модой, ценят в первую очередь личное удобство, а не гламур. Стэн тоже присутствовал. Его плешивая голова блестела лысиной где-то на периферии небольшой толпы. Я подошел к приятелю и поздоровался. Якин с облегчением ответил на приветствие, кратко представил меня присутствующим, после чего дал команду рассаживаться:

– Ну? Все в сборе? Тогда чего стоим? – риторически спросил Стэн. – По машинам, и поехали, поехали. Время, время, господа...

Поскольку Стэн представил меня как «литератора», пришлось поправить его и в двух словах объяснить, что работаю фрилансером. Свободным компьютерщиком по найму, а литературой занимаюсь исключительно для развлечения, снятия стрессов и локализации внутренних конфликтов.

Оказалось, ждали одного меня. Хорошо хоть недолго. Присутствующие как-то сразу решили называть друг друга «на ты» и по именам. Мне помогли кое-как распахать багажники, и мы тронулись. Собрались все девять приглашенных плюс сам Стэн, и оба транспорта забились под самую завязку. Так уж вышло, что я оказался во второй машине, первую наш хозяин вел самолично, как знающий дорогу владелец имения, основной спонсор и устроитель мероприятия.

По пути мы, ехавшие во втором джипе, перезнакомились. Машиной правил ее владелец – Костя – жилистый сухо-

ватый брюнет с очень короткой стрижкой густых волос. Рядом, на «месте смертника», восседал Сергей – плотный, скорее даже полный, невысокий бритый налысо крепыш. Физиономией он походил на сказочного Колобка, если того разместить на округлых плечах короткого туловища с сильными конечностями. На заднем сидении мы расположились в следующем порядке. Я – у левой двери. В середине – откликавшийся на имя Дмитрий пепельно-блондинистый парень. Справа оказался какой-то мускулистый шатен с крутым подбородком на нордическом лице. За время дороги он издал всего пару реплик, одной из которых было имя – Степан. Второе слово вырвалось у него невзначай, на полпути, и слово это не принято употреблять в приличном женском обществе. Как выяснилось по прибытии, Степан с большим трудом переносил тряску на заднем сидении, и это в современной машине! Он забыл свои таблетки, поэтому всю дорогу сильно страдал от укачивания и тошноты. Попросить остановиться и зайти в аптеку почему-то постеснялся, посчитал неудобным. Вскорости оказалось, что он вообще был очень застенчивый человек, несмотря на вполне голливудский облик.

По дороге Дмитрий рассказал о деревне, куда двигался наш небольшой караван. Собственно саму историю он услышал от Стэна, предки которого, по слухам, происходили как раз откуда-то из этих мест.

«Деревня», где владел домом Якин, представляла собой

пяток железобетонных и кирпичных коттеджей современной архитектуры, расположенных друг от друга на расстоянии чуть ли не выстрела. Дома напоминали ожившие иллюстрации глянцевого каталога фирмы-застройщика, что всучили мне на недавней строительной выставке.

Когда-то давно деревня Федосеевка была большой и соединялась с шоссейной трассой хорошей торной дорогой. Некогда здесь имелась даже небольшая барская усадьба, которую крестьяне вместе с застреленным из дробовика хозяином сожгли в восемнадцатом году прошлого столетия.

С тех пор, по слухам, на месте сгоревшего имения некоторыми ночами можно видеть убитого хозяина поместья. Барин появляется ровно в двенадцать, а потом до рассвета его труп лежит на ступенях сгоревшего дома. Утром, с первыми лучами солнца призрачный труп с такой же усадьбой тает без следа. До следующего удачного раза.

В девяностых же годах того же века в деревне постоянно проживала единственная одинокая старушка. Все иные дома оказались практически разрушены. Некогда гравийная дорога совсем разъездилась, местами заросла, искривилась и заглинилась. Только настоящие внедорожники, квадроциклы и прочие экстремальные виды транспорта могли преодолеть ее.

Рассказывали, что Федосеевка была названа в честь боярыни Федосии Белозубцевой, проживавшей в XVII веке в нескольких километрах западнее, в своем усадебном имении

– в селе Белозубцево. Все земли вокруг принадлежали ей же. Боярыня разрешала выгнанным за неуплату налогов со своих старых мест крестьянам бесплатно селиться на своих землях. Вот благодарные селяне и назвали деревню по имени боярыни – Федосеевка.

Похоронена боярыня, по слухам, возле своей усадьбы, но от места захоронения знаменитой землевладелицы видимых следов давно уже не осталось. Разве что археологические раскопки могли помочь. Ныне Федосеевка «возродилась». Развалины прежних деревянных изб как-то сразу и неожиданно сгорели без следа. Была произведена другая разметка участков, и новые, каменные дома выросли в значительном отдалении друг от друга. Невеликое «население» деревни теперь состояло из обеспеченных москвичей и питерцев, приезжающих на лето, да и то не всегда и ненадолго. Исключение составлял лишь один москвич-дауншифтер, что сидел тут практически безвылазно в крайнем от въезда доме. Дорога же так и осталась разбитой грунтовкой, с ямами, ухабами и буграми, превращаясь сырой погодой в череду луж.

В ближайшее село Белозубцево можно было проехать или по заросшему труднопроходимому проселку с другой стороны «деревни» через лес вдоль линии электрических столбов, или вернуться на магистраль, сделать при этом немалый крюк и свернуть на другую дорогу, ведущую прямо на село.

Белозубцево своей судьбой оказалось в чем-то похоже на Федосеевку. Правда – со значительными отличиями.

В конце прошлого века в селении кроме нескольких еще жилых домов сохранился дом культуры (бывшая неведомо как уцелевшая усадьба), сельская библиотека, фельдшерско-акушерский пункт, почтовое отделение, сельсовет и разрушенная до основания церковь, взорванная еще в довоенные времена. Ныне ничего этого уже не осталось. С принятием закона «О местном самоуправлении» и указа «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления» жизнь Белозубцевского сельсовета была досрочно прекращена. Впоследствии областная дума постановила уведомить Правительство Российской Федерации об упразднении, в числе прочих, Белозубцевского сельсовета. Но вскоре село отстроилось за счет тех же понаехавших из Москвы, Питера и Твери дачников и отважных «дауншифтеров», многие из которых обитали тут круглый год, а не только летом.

Постепенно жизнь налаживалась. Через Сеть, посредством интернет-магазина «Платипус», можно было заказывать продукты и разные прочие необходимые в жизни товары, новая скважина обеспечивала хорошей водой, поговаривали даже о восстановлении на старом фундаменте разрушенного советскими властями храма.

Сейчас, что для жителей было особенно важно, в Белозубце находилась и активно функционировала электроподстанция, от которой на обычных деревянных столбах провода тянулись вдоль проселка напрямиком в Федосеевку.

Как это часто бывает в подобных случаях, наш Сусанин забыл дома навигатор, бортовой компьютер машины не настроил должным образом и понадеялся на собственную память. Зря он так поступил. Завел маленькую автомобильную колонну совсем не туда, пропустив нужный поворот. Пришлось ехать до разворота, возвращаться назад до другого разворота и снова искать нужный съезд. Он, кстати, оказался совсем неприметным. Затем следовал разбитый асфальт, быстро сменившийся разъезженной грунтовкой, потом проехали мимо каких-то огромных, как в железнодорожном депо ворот, миновали еще пару владений и, наконец, прибыли.

2. Гости

Дача Стэна оказалась упрятым за высоким забором добротным кирпичным домом с цоколем из натуральных булыжников. В пределах ограды ничего примечательного не наблюдалось. Наш хозяин, похоже, не утруждал себя такими умозрительными понятиями, как садоводство и ландшафтный дизайн, поэтому растил на своей территории нечто случайное, от дикой герани и цветущего чертополоха до молодых березок и каких-то колючих низкорослых кустов. Получился беспорядочно заросший участок с выложенной искусственным камнем дорогой от ворот к самому крыльцу. Помнится, не так давно московский мэр приказал замостить тротуары именно такой брусчаткой. У самого дома дорожка рас-

ширяться, что позволяло развернуться и поставить машину в укрытие – часть двускатной крыши дома, выступала слева и опускалась почти до земли. Но вторая машина туда уже не влезала, и ее пришлось постановить сразу перед домом.

Нас провели в обширную гостиную с камином, стеллажом, заставленным какими-то разными предметами и длинным столом, уже сервированным под всю компанию. Большие окна открывались на три стороны света. С потолка на цепях свисал дизайнерский светильник, стилизованный под колесо телеги.

Первоначально обстановка казалась несколько напряженной. Как скоро выяснилось, практически все присутствующие ранее знакомы не были. Каждый знал лишь Стэна, а с другими встретился первый раз в жизни. Теперь я имел возможность хорошо разглядеть остальных. То была очередная «гениальная» идея Якина – собрать незнакомых «друзей» (исключительно мужиков – без жен и подруг) и посмотреть, что из этого выйдет.

Все гости расселись, выпили предложенный для разогрева джин-тоник и стали о чем-то оживленно говорить, видимо продолжая начатые по дороге темы. Потом наш хозяин, не выпуская из руки бокал с коктейлем, представил друг другу присутствующих. Так уж получилось, что разместились мы в соответствии с машинами, в которых ехали.

В джипе, ведомом Якиным, оказались: он сам, Станислав Якин или, для друзей – Стэн, мой старинный приятель, идей-

ный вдохновитель и организатор сборища. Хозяин дома. Сотрудник научно-исследовательского института со смешным названием;

Макс – худощавый, слегка сутулый, но широкоплечий, с резкими, порывистыми, немного суетливыми движениями. Он никогда не оставался спокойным, все время переминался с ноги на ногу, оглядывался по сторонам. Что-то вертел в руках. То незажженную сигарету, то мобильник, то любой попавший под руки предмет. Вообще, казался каким-то нервным. Играл в некоей малоизвестной музыкальной группе, для которой сам же писал музыку;

Николай – главный менеджер по работе с корпоративными клиентами некоей коммерческой фирмы. Худой и долговязый, с длинной шеей, отлогими плечами и впалой грудью;

Павел – ничем не примечательный среднестатистический парень в очках. Типичный хипстер. По профессии – инженер-электронщик и программист по совместительству. Работал в каком-то вяло умирающем издательстве;

Владислав – начальник отдела охраны одного из закрытых ночных клубов. Сильный, крепко сбитый тридцатилетний мужик, явно хорошо отслуживший в армии, в связи с чем обладавший несколько деформированным состоянием личности. Шутки его носили специфически-казарменный характер, а любой разговор сводился к теме значимости русской нации и опасности «ползучей оккупации» со стороны азиатских народов. Стэн почему-то упорно звал его «Изя».

Как я уже говорил, во второй машине ехали, а теперь кучно сидели: Константин, хозяин и водитель машины – невысокий, но стройный подтянутый брюнет с крадущейся кошачьей походкой. Жесты мягкие и какие-то «округлые». Вообще, на первый взгляд он казался спокойным и расслабленным, но что-то мне подсказывало – впечатление обманчиво. О своей работе ничего не сообщил, очень ловко уйдя от ответа;

Сергей – лысый толстоватый «колобок» с заметным пузом и круглыми, слегка грустными глазами. Представился просто – бизнесмен;

Дмитрий – чем-то напоминающий Джулиана Ассанжа в ту пору, когда того еще не преследовали за антиамериканскую деятельность – пепельный вяловатый блондин лет тридцати с небольшим. Банковский служащий;

Степан – похожий на скандинава мускулистый шатен с крупным подбородком. На вид лет двадцати восьми – тридцати или чуть больше. Реально жил тем, что сдавал квартиры, доставшиеся ему по наследству, причем не скрывал этого обстоятельства. Представился как художник-граффитист и дизайнер;

Ну и я, скромный свидетель всего произошедшего. Помните старую поговорку – «встречают по одежке»? Поскольку пригласили на дачу, то и оделся в «дачную» одежду: старые стираные джинсы, такая же куртка и неведомо как попавшая ко мне майка с круглым логотипом какой-то поза-

прошлогодней сатанинской тусовки на Хэллоуин. Сам я даже не очень запомнил, кто из гостей во что был одет. Помню только, что выглядел в этой компании как дворник-любитель на общественном субботнике. Так уж сложилось в человеческом обществе, что одежда – главный источник информации о статусе, социальном положении и роде занятий. Правда, бывают исключения. У нас тогда как раз произошел такой вот исключительный случай – слишком уж характерно и поразному выглядели гости. Между ними, казалось, не было ничего общего.

Минут через пятнадцать уже заметно принявший на грудь Стэн поднялся, и, призывая ко всеобщему вниманию, классически звонко постучал по рюмке:

– Друзья мои, мы собрались здесь, в этом историческом месте, чтобы снова воспроизвести в памяти романтические события наших совместных деяний...

Я снова осмотрел присутствующих за столом людей и окружающий интерьер, но ничего особо исторического как-то не заметил. Наоборот, интерьер столовой выглядел вполне ново и даже минималистично. Ну, разве что светильник под потолком безуспешно подделывался под старину. Все присутствующие гости сидели с глупыми рожами, явно не постигая глубин мысли нашего оратора.

– ...все знают, что я неоднократно участвовал в великих делах, – пафосно продолжал тем временем Стэн. – Мне приходилось не раз защищать наш институт, и один раз даже ка-

федру, но на старте карьеры я был простым наемником-орком. Начинаясь обычным лаборантом и помощником преподавателя в университете, а прекрасные аспирантки-эльфийки умудрялись смотреть на меня свысока, несмотря на рост...

Вот этому охотно верилось. В образе лаборанта-орка Якин, если скинуть ему годков, смотрелся бы весьма колоритно.

– ...но я работал, не покладая рук. Спасал от несправедливого наезда нашу кафедру и раз пять защищал институт, – застенчиво улыбнувшись, повторил свои заслуги Стэн. – Я верю, что злая судьба, которая вскоре придет за нами, сохранит в памяти незабываемые впечатления и войдет в число лучших деяний нашего поколения. И вот теперь, покидая родное отечество...

– Слушайте, мужики, а по какому собственно поводу банкет? – не выдержав этого бреда, бестактно прервал я затянувшийся спич нашего хозяина. – Чего отмечаем-то? Мне, конечно, все равно, но интересно же! А то, наверно, я единственный здесь такой несведущий. Сижу и даже не знаю, на какую тему пьем.

– И я не знаю, – буркнул Дмитрий.

– Я тоже как-то не в курсе, – заявил Изя.

– Думал, что один тут некомпетентный, – признался Степан. – Стеснялся спросить.

Довольно быстро выяснилось, что никто не знает причины сбора, и у каждого имелись идеи на сей счет.

– Сволочь ты, такую речь испоганил, – с уже нетрезвой горечью в голосе изрек Стэн, укоризненно поглядев на меня. – Но раз уж так, то скажу. Все очень просто. Я пригласил вас, господа...

– ...чтобы сообщить пренеприятное известие? – неоригинально встрял бестактный Костя.

– Хм, не дождетесь, – хмыкнул Стэн, выливая в себя из рюмки какую-то жидкость похожую по цвету и прозрачности на крепкий чай. – Наоборот. Я получил официальное письмо из университета Айовы и через неделю улетаю в Штаты. Курс лекций в Колледже свободных искусств и наук буду читать в качестве приглашенного профессора.

– Про что курс? – без особого интереса спросил все тот же Костя.

– Спецкурс по нашей новейшей истории и современным реалиям российской жизни. Ну, уеду, и что? Здесь это обстоятельство вряд ли кого может озаботить, а вот повод встретиться и посидеть вполне достойный получился.

Я знал о его предстоящем отъезде, только не думал, что так скоро. Был такой трехлетний проект – «Двадцать первый век: культурная динамика России и сопредельных стран». В нем участвовали пять исследовательских групп из разных университетов Европы и Америки, включая аспирантов, профессоров и нашего дорогого Стэна. Дело в том, что после девяностых годов научный интерес на Западе, особенно в США, к России сильно увял. Уменьшалось финансирование

соответствующих областей, что было очевидной ошибкой. В какой-то момент, после всем известных событий, американцы вдруг сообразили, что ничего нового о современной Раше не знают. Вот тогда-то и решили наверстать упущенное. Что особо удивительно, – никакие санкции не коснулись этого проекта.

Почти разом все принялись довольно активно обсуждать новость Стэна. Потом быстро увлеклись локальными беседами и разбились на группки. Некоторое время еще сохранялось разделение по машинам, в которых ехали, но после уже хорошего количества спиртного, языки у большинства совсем развязались, и обстановка разрядилась окончательно. Разговоры этих, в общем-то незнакомых людей интересовали меня чрезвычайно. Я старался никого больше не перебивать и внимательно слушал.

– ...испанский сейчас учу, – рассказывал похожий на Колобка лысый Сергей. – Купил, понимаешь, квартиру на Тенерифе. За два миллиона рублей. Рублей! Ну, в переводе на евро, естественно. Квартира-студия, сорок квадратных метров с балконом. В Москве за такие деньги ничего близкого не купишь, взял не глядя. Зимой на Канарах градусов девятнадцать – двадцать, а летом – градусов двадцать пять – двадцать шесть. Море, правда, не теплее двадцати, и это летом. Холодная Атлантика, не случайно тюлени там живут.

– И во сколько обходится такое удовольствие на Канарах? – осведомился кто-то из гостей.

– Примерно тысячу евро в год. Это на все про все. Сейчас мотаюсь туда-сюда. Месяц там, месяц тут. Как владелец недвижимости, сразу же вид на жительство получил. Скоро, думаю, совсем валить отсюда. А что? Круглый год тепло и не жарко, снега нет, мне нравится. Своим агентством я отовсюду могу руководить, а жить там не в пример приятнее. Там уже много наших, и местным это очень даже нравится, что интересно. Почему? А потому, что раз я, будучи иностранным гражданином, живу в собственной квартире, значит, не безработный, не беженец из Африки, не сижу на дотации, и все оплачиваю из собственного кармана: еду, воду, Интернет и медицину. Да вообще все услуги.

– Почем жизнь? – запоздало заинтересовался я.

– По сравнению с Москвой совсем даже недорого, я уже говорил. А местный язык, да, надо знать. Освоишь, и будет тебе счастье.

– Счастье, – перебил все тот же Костя, – это когда у тебя среди приятелей имеются: врач, полицейский, адвокат и наемный убийца. Причем, что немаловажно, все они разные люди. Еще желателен психолог или психиатр, но это уже опционально. Жить сразу как-то понятнее, естественнее, проще делается.

– Может, она и делается проще, – с явным сомнением проговорил Сергей, – оно ведь у каждого по-всякому получается, и бывает так, что ни психолог, ни психиатр не поможет. Вот у меня друг один есть вернее приятель, вы его не знаете,

естественно. Напился он как-то до зеленых ящериц и пропал на неделю. Жена с ума сходила, в полицию уже заявление о пропаже написала, а он взял и через неделю пришел, как миленький. Грязный, весь оборванный, худущий, щетиной зарос. Где семь дней шлялся, с кем – неизвестно, а спрашивать лучше и не надо. Умом мужик тронулся. Нет, так-то он вполне адекватный, вылечили его. Помыли, почистили, отъелся он и здоров как будто. Работать может, и вообще все у него в порядке, рассуждает здраво. Вот только про то исчезновение лучше даже не говорить, сразу слетает с резьбы и начинает молоть чушь. Пришел якобы в какой-то московский кабаk, чего-то там выпил, заказал и съел, а потом очутился в средневековой харчевне. Ну, это он так рассказывал. Вышел, – а вокруг чужой мир. Деревья какие-то незнакомые, небо другого цвета, и дикость полная. Все в какой-то рванине ходят, а изредка верхом проезжают господа – те попрличнее одеты, но тоже хреново. Что делать? Надо как-то жить. Вот он и стал на базаре фокусы показывать, с детства увлекался, умел кое-что. Один ушлый базарный актер взял его в свою бригаду. Бродил он там, короче с этой группой, бродил, – никак не мог отыскать ту самую харчевню из которой появился. Даже деньги кое-какие заработать сумел, но основное бригадир забирал. Нашел, наконец, тот трактир, или как он там. Случайно на него наткнулся. Зашел, а внутри все, как и раньше. Решил мой друг заказать чего-нибудь особенное, очень уж ему уличная еда осточертела. Сразу пива ему подносят –

видят, с деньгами человек. Опрокинул он в себя две кружки, захмелел, и спрашивает что-нибудь повкуснее, мол, пожрать. А что тебе ему отвечают дать? У нас тут что хошь заказать можно. Да, говорит, что хочу? Тогда подайте, говорит, мне вот прямо щас московских беляшей с квасом московского разлива, останкинских пельменей под майонезом и бородинского хлеба. Ну, приколоться решил спьяну. Так приносят ему именно московских беляшей, пельменей, черного хлеба и пластиковую бутылку квасу. Мой друг чуть под стол не свалился от радости. Слопал он это, квасом запил, как раз все деньги вышли на такое удовольствие. Ну, и пошел восвояси, теперь, думает, что дорогу сюда уж точно не забудет. Вышел и оказался в Москве, в центре. Дальше уже неинтересно. Короче, пролечился он в Алексеевской психбольнице, курс галоперидола ему провели, поправился вроде, вполне тихим стал, только пришибленным каким-то. Даже на работу вышел и проблем с начальством не имел, только вот одна странность осталась у него: о том походе в харчевню спрашивать его нельзя. Если начать об этом разговор, – делается не в меру активным, чуть ли не буйным, доктора так и не смогли ничего сделать. До сих пор под наблюдением у врачей. Психиатры только во мнении разошлись, что у него было – острая шизофрения, эндогенный психоз или алкогольный бред? Поставили диагноз острого психического расстройства неизвестной этиологии. Слишком уж симптоматика, говорят, нехарактерная. Вот ведь, какие истории

с людьми бывают.

– Да, не повезло мужику. Кстати, об особенностях некоторых людей, – включился в беседу Дмитрий. – Есть у меня такой товарищ. Программист, байкер, мастер спорта по пулевой стрельбе, водитель мотоцикла БМВ, любитель ездить без правил и просто жуткий раздолбай. Стэн его хорошо знает, он же ему байк продал. Так вот, намедни чуть было не сделали его пешеходом за наклейки на номер, что маскировали циферки для инфракрасного диапазона. Это я не Стэна, а своего товарища имею в виду. Мог бы три месяца пешком ходить, а всего-то пятеркой штрафа отделался. Так еще же и недоволен. Штрафы шлют, суки. Зато на его счету были многократные превышения скорости, езда по встречке, по пешеходке и вообще где нельзя, прочие нехорошие и социально опасные нарушения. Так вот, таких ярких личностей у нас на дорогах довольно-таки много, что становится следствием проявления их индивидуальности. Думаю, на Ютубе вы таких нагляделись. А как только призывают к порядку, что начинается? Вопли, жалобы, обиды на ущемление каких-то личностных прав. А вот «у них» даже мыслей таких не возникает. И еще о разнице между «нами» и «ими». У них: настучал в полицию о противоправном деянии – добропорядочный гражданин. Молодец, хороший парень, все тебя уважают. У нас: сообщил властям – стукач, дятел, запахло и сука. Все тебя ненавидят. Так и живем. Сумасшедшая страна, если подумать.

– Думаешь, страна виновата? Последнее время вообще перестаю понимать окружающих, – снова инициативу в разговоре взял Стэн, почему-то покосившись на меня. – Трудно стало разбираться в человеческих реакциях и поступках. Поэтому и уезжаю, кстати. Люди, мы стремительно деградируем, и понятно, почему столько народу вокруг с ума сходит. Интересно, сам я тоже впадаю в маразм, или только люди вокруг меня? Не понимаю, может быть мое мнение столь субъективно, но бестолковых людей вообще становится больше относительно численности человеческой популяции. Возросло количество откровенно глупой молодежи. Исчезли клопы и тараканы. Не иначе за всем за этим стоит чья-то злая воля... Вот пару недель назад пригласили меня на обед в одно молодое семейство. На вид – нормальные такие ребята, одеваются модно и выглядят хорошо. Беседу поддерживают грамотно, без словесных сорняков и нелепых лексических ошибок. Но самое забавное, что они недавно вступили в некую крайне подозрительную секту, отдающую каким-то махровым сатанизмом. Когда пришел в гости, то на стол подали какое-то неизвестное мясо, но не сказали какое. Это настолько напрягло, что я даже испугался: вдруг человечина?

3. Разговор

Потом как-то незаметно и сама собой тема разговора сме-

стилась на увлечения гостей. Воспользовавшись некоторым замешательством присутствующих, я решил загрузить всех своими неумными думами.

– Сразу скажу, идеи и мысли не мои, – издалека начал я. – Им, мыслям этим, не знаю уж сколько лет, возможно, больше, чем самому человечеству. Но сейчас у меня очередная стойкая ненависть к работе. К самой идее наемного труда. Тот факт, что приходится отдавать треть своей единственной и неповторимой жизни на то, чтоб не дать себе сдохнуть от голода и обеспечить минимальный комплект жизненных благ, вбивает в уныние. Ну, да, еще треть жизни тратится на перезарядку мозга и тела, но у нее хотя бы есть компенсация – сюжетные сновидения, причем без разницы, хорошие или дурные. Таким образом, за удержанием времени на работе и среднего восьмичасового сна остается восемь часов личного времени, минус – дорога, остается шесть часов. При средней продолжительности жизни человек полноценно живет, а не существует, не так уж долго. Детство, беспокойную юность и болезненную старость мы отсекаем. Существенный повод задуматься о бренности бытия.

– Задумался? – на правах хозяина спросил Стэн. – И что ты, батенька, удумал?

– Ничего оригинального. Я же современный раб. У нас наличествует экономическое принуждение к постоянной работе. Нынешний раб вынужден вкалывать без остановки до самой смерти, поскольку средств, заработанных им за месяц,

хватает лишь на оплату жилья, еды, одежды, проезда и необходимых для душевного здоровья забав. А раз денег хватает только на месяц, то оный раб вынужден трудиться всю оставшуюся жизнь. Пенсия является большой фикцией, ведь раб-пенсионер отдает ее без остатка за еду и жилье. У пенсионера уже не остается свободных денег на прочие полезные занятия.

– Ну, идея-то не нова... – вяло встрял кто-то из присутствующих.

– Не нова, но актуальна, – упорствовал я. – Говорю же, что не претендую на копирайт этих мыслей. Но все-таки. Весьма редко бывает, когда человек зарабатывает на жизнь, занимаясь любимым делом. Знаменитых музыкантов, кинозвезд, наследных рантье, монархов и прочих баловней судьбы в расчет не берем. Их менее процента от общего населения. Были еще увлеченные своим делом ученые, но наше дорогое государство решило уничтожить их как класс. За ненадобностью. Большинство людей, переступая через себя, отсекает «блок осознания» своего положения. Я же, поменяв не одно занятие, уразумел, что нет и никогда не будет у меня той работы, что мне бы нравилась. Не люблю ежедневно грузить, копать, таскать и точить всякую фигню. Не переношу монотонный физический труд. Меня тошнит от перспективы улыбаться клиентам, пытаюсь впарить какой-то ненужный хлам и кланяться в ножки начальству за премию. Бесит от сидения в офисе и от медленного протухания, при имитации

своей полезности. Раздражают безнадежно тупые разговоры толстых коллег по офису. Меня задолбало наблюдать и проверять рабочее быдло, которое, вне всякого сомнения, разделяет мои думы об этой работе, при этом ненавидит меня тяжелой черной ненавистью. Мутит даже от удаленной трудовой деятельности, тот же фриланс давно уже омерзителен. Пробовал, знаю. Остается лишь творчество, оно же хобби. Но и тут я решительно против обращения личных обожаемых мною занятий в источник заработка: обжигался на этом, и не раз. Удивительно хреновое чувство, когда то, что мог делать часами и сидеть ночами, превращается в каторгу. В итоге, не привлекает ни инженерия, ни инжиниринг, ни менеджмент, ни даже фриланс.

– Фриланс... расскажи, а как это вообще работает? – вдруг заинтересовался Павел. – Как начинал? За что брался? Где искал?

– Зачем тебе? – не понял я.

– Жена просила. Подумывает об этом в качестве удаленной подработки. Вообще-то у нее диплом дизайнера. Думаю, полезно будет заняться, а то дуреет со скуки и домашней жизни, – в какие-то рукодельные кружки ходит, разных проходимцев слушает, увлекается всякой ерундой. Навыков, правда, у нее маловато – в основном фотошоп, дизайн, переводы. Копирайтинг, конечно же. Может попробовать и что-то другое. Как она любит говорить – «главное, держать себя в руках и не ударяться в постмодернизм».

– Книжка такая есть, – сказал я, – так и называется – «Исповедь фрилансера». Ничего так, один раз прочитать можно. Как раз о жизни по теме, ознакомься на досуге. На обложке, кроме всяких мелочей, кошелек с баксами, крышка от бутылки и разъем ар-джей сорок пять. А вообще, пусть пробует все и сразу. И фотошоп, и дизайн, и переводы текстов... Правда, фотошоперов и дизайнеров сейчас, как мух. Да и переводчиков навалом, особенно – плохих, в частности – с английского, хороших мало. А вообще заниматься можно чем хочешь и чем можешь. Если работать хорошо и вовремя, то неплохого бабла можно поднять. Да, фрилансеров сейчас до фига, но качественных и соблюдающих сроки крайне недостаточно.

– Фуффло это, судя по чужим разговорам.

– За чужие разговоры не отвечаю, – излишне резко пояснил я, – но со всего этого живу, так что не совсем фуффло. Схема примерно такова. Для начала надо как исполнителю зарегистрироваться на соответствующих сайтах, – я сказал, на каких именно. – Выложить картинки свои, портфолио. Можно любую мазню и наработки, чем больше, тем лучше. Можно соврать, что это реальные эскизы, придумай солидных исполнителей. Я, когда начинал, писал, что заказчик – «Ленинградский завод алкогольных напитков имени Кирова», «Издательство "Научная литература"» или «Центральный Индустриальный Банк», ну или какое-нибудь иное вообразимое юридическое лицо. Лучше всего то, что когда-то

уже существовало, но потом было ликвидировано. Обычно, если звучит достоверно, то никто даже не проверяет, а если и проверит, то обломится. Поставь сначала небольшую цену за час работы или за весь проект. Всегда на этих фрилансерных сайтах надо быть в онлайне – достаточно просто иметь отдельный браузер для работы, который всегда открыт. Предлагать свои услуги везде: на форумах для мамаш, на ВКонтакте и даже на форуме для похудения. Не надо стесняться. Может какие-то придурки и будут что-то болтать, – тьфу на них, им делать просто нечего. Через год-полтора, если сохранять вежливость, а главное быстро и качественно работать, можно выйти на приличный уровень. При занятости два-три часа в день можно иметь от тридцати тыр¹ в месяц. А там уж брать работы и передавать их начинающим фрилансерам. И дешевле, и вообще ничего не делая. Шутка.

– Это как тот чувак, что удаленно работая ведущим программистом, за копейки сливал свои заказы индусам и китайцам, а сам какие-то собственные проекты прокручивал? Помнишь, кино такое было?

– Примерно, да. Открою тебе секрет: девяносто процентов известных фрилансеров поступают именно таким образом. Я сам, было дело, тоже за крупные проекты так брался, типа с нуля делал большой портал. Нервная и напряженная работа, особенно если заказчик неадекват или просто дурак, а исполнители раздолбаи. Однако такое, даже при минимальной занятости, солидно денег приносило.

– Да, но начинающие фрилансеры часто фигово работают, или, например, внезапно пропадают – приходится переделывать после них, это валит сроки, за что влетает по башке от заказчика. Или я что-то не так понимаю?

– Все правильно понимаешь, косяки имеются, – кивнул я. – Но цены, цены у начинающих исполнителей просто смешные! Двести рублей в час за администрирование в Один-эс. Пятьдесят-сто рубликов в час за тупое наполнение сайта... Сам если сядешь – полдня потеряешь, а этим пофиг, делают и радуются. А еще если один такой свалил, то можно легко второго найти, третьего... их на любом сайте навалом!

– Это да, но пока их меняешь, сроки все-таки теряются, – возразил кто-то из гостей. – Время идет.

– Есть такая тема, – признал я, – но если результат получается «на отлично», то тебя ценить будут, знакомым рекомендовать. Это, в среднем, более крупные и более дорогие заказы дает. А вообще, сто рублей в час за наполнение сайта – норма, это семнадцать с половиной тыщ в месяц при восьмичасовом дне, я бы больше за такое точно не платил. Вот у меня есть сейчас на руках примерно такой вот проект. Наполнение сайта. Тупая неквалифицированная работа, но, тем не менее, люди нужны адекватные и соображающие. Такой вот парадокс. Самому возиться не хочется, а найти пока никого не могу, хотя дел там часов на десять в неделю. Сравнительно недавно можно было подзарабатывать ре-рейтингом – переписыванием чужих текстов своими слова-

ми или копирайтингом – написанием рекламных и презентационных текстов. Еще неплохо выручали переводы. Цену сам назначаешь. Берешь, бывало, книгу на английском или немецком языке по известной тематике, в которой разбираешься, переводишь на каком-нибудь приличном электронном переводчике, потом грамотно редактируешь, в порядок приводишь, и готово дело. Или статью присылают, чужую, а просят неузнаваемо изменить до уровня текста нового и оригинального. Но, как говорится, было времечко да минуло. Сейчас рерайтинг и копирайтинг малополезны: жуткая конкуренция кругом. Демпинг. Копирайтинг предлагается по тридцать рублей за тыщу знаков, это примерно сто рублей за вордовскую страницу. Дешевых переводчиков опять же видимо-невидимо развелось. Никаких сил не хватит так зарабатывать.

– Я же говорю, что все-таки это фуфло.

– Фуфло, не фуфло, а где-то до следующего года только подобное мне и светит, – пожаловался я, хоть это и не в моем характере. – Очень плохо себя чувствую, когда в очередной раз думаю на эту тему. Надоело, если честно.

– Высказался? – не вытерпел, наконец, моего занудства Стэн. Он явно залился на меня до сих пор. – Так что остается в сухом остатке? В итоге?

– В сухом остатке остается один лишь приемлемый для меня тип существования – паразитизм. Вариант родиться в богатой семье как бы тоже есть, но его нельзя выбрать. Хотя в

подобных семьях случаются такие косяки, что родня прогнет похуже жизни. Надо честно признать: хочу ничего не делать и не прилагать никаких усилий, но чтобы все было. Стать рантье. Сдавать пяток квартир или просто стричь купоны с социума.

– Тоже мне, открытие. Этого каждый хочет. А тебе что-то мешает? – глумливо спросил кто-то из присутствующих.

– Мешает, – признался я. – Я нищ, как церковная крыса. Нет ни богатых родственников, ни лишней недвижимости, ни крупного счета в швейцарском банке. Нет и не будет никогда. Мне снова придется вкалывать, чтобы всегда иметь три пары обуви, пару комплектов белья, приличные джинсы на лето и на зиму, дару сносных курток, ежедневное питание и непромокаемую крышу над головой. На оставшуюся жизнь и до конца дней своих я обречен на работу. Вот дьявол, как же я это все ненавижу!

– В человеческом мире, по-моему, всегда так, – сказал Костя. – Либо продаешь себя, когда талант есть, либо покупаешь для себя, если деньги есть. А так – да, рабство и средневековье какое-то.

– Ага, – кивнул я. – Хорошо было Сэллинджеру, у него и талант был, и деньги, вот и жил себе затворником. Да, кстати, про средневековье. Знаете новость? Один чувак согласился пожить отшельником на подмосковном хуторе. В лесу! Со-всем один! По замыслу устроителей он должен провести в условиях раннего сельского средневековья полгода. Утварь,

обстановка, а также инструменты – соответствующие. Цель эксперимента – реконструкция условий жизни во времена Киевской Руси. Парню запрещено общаться с людьми, но раз в день он наговаривает на видеокамеру новости о своей жизни, а потом те записи попадают к его другу. Тот поселился недалеко от хутора и приглядывает за этим «отшельником» с высокой вышки.

– Эту новость я уже слышал, – отозвался Стэн. – Спонирует проект, скорее всего, Минсоцкультразвития, они сейчас создали такое направление по работе с реконструкторами разных старинных событий.

– Вот любопытно, – заинтересовался я, – а какой-нибудь реконструкторский клуб самостоятельно это в состоянии затеять? Своими силами, или денег не хватит? Все-таки затратное мероприятие.

– Черт их знает, – не стал отрицать такую вероятность Стэн. – Может, и хватит. Я вот только не понял, почему этого бедолагу в одиночестве на хуторе поселили? Без бабы? На полгода? Так и рехнуться недолго. Это специально было задумано, из соображений сугубо мизантропического характера, или из-за недостатка наличных средств?

– Вероятно, для глубины погружения. А почему одного, про это на сайте написано. Типа если он не будет общаться с современными людьми, то круче прочувствует тему. Только вот непонятно зачем тогда все эти дни открытых дверей? В общем, организация данного мероприятия далека от про-

фессиональной, прямо скажем. Ну, это я так думаю.

– Правильно, по-моему, думаешь. Еще вот интересно, как парень на такое длительное время может полностью исчезнуть из реальной жизни? Что с работой? Никто же не отпустит его на столь долгий срок. Скорее всего, он уволился перед началом проекта. Один, без бабы... Ну, не знаю...

– А ты никогда не думал, что человек может вообще не работать? – встрял в наш разговор Макс. – Или трудиться на тот же реконструкторский клуб, что, собственно говоря, он и делает.

– Да? Может быть... – признался я. – Где-то я его понимаю. Несмотря на все эти странности.

– И я, – согласился Изя. – Валить отсюда надо. Подальше валить.

– Точно. Скоро в Москве станет беспокойно.

– Ага, – кивнул хмурый Изя, – уже лет десять этим нас пугают, а воз и ныне там. Всем пофиг.

– Десять? – сыронизировал Стэн. – А двадцать пять не хочешь?

– Ну, в такую глубь истории забираться не будем, – усмехнулся Макс. – Однако тема сваливания в деревню, как мы сейчас видим, популярна среди окружающего контингента, только вот кто тогда в городе останется, а?

– Это как в том анекдоте: – восполнил я, – пройдет много лет, а тут ты такой – дома засиделся, приспичило тусануть как раньше: с друзьями, с блэкджеком и шлюхами. А негде.

Друзья переженились, поумирали, поужезжали черт знает куда...

– ...блэкджек запретили, а шлюхам пора на родительское собрание, – перебил кто-то из гостей. – Знаем, плавали. Но тебе можно позлорадствовать по крайней мере: на собрание не идти, да и мозги никто компостировать не станет.

– Какая неприкрыто печальная истина. Впрочем, я уже морально готов, – сказал я. – Тоже согласился бы куда-нибудь уехать и пожить отшельником на хуторе. Но только не в средневековье. Пусть на этом хуторе будут: железобетонный дом с бронированными дверями и ставнями за забором при стальных воротах; современная сантехника; отопительная система с ресурсом топлива; водопровод или скважина; помповое ружье с зарядами; электричество, Интернет, мобильная связь; симпатичная мне секс-партнерша, согласная разделять такое существование; запас медикаментов на все реально возможные случаи; зона действия «Платипуса» или любого аналогичного интернет-гипермаркета; возможность иметь стабильный финансовый доход или источник средств; ну, и возможность в любой момент свинтить оттуда. Вот. Еще видеонаблюдение желательно. Правда, это получится уже не совсем отшельничество и не совсем хутор...

– А ты, батенька, зажрался, – отметил Степан. – Получится совсем не хутор, а укрепленная вилла. Это ты сейчас мечту девяноста пяти процентов россиян описал, включая мою собственную мечту. Так почти не бывает.

– Не бывает? – упорствовал я. – Почему это?

– Потому и не бывает, что правильно сам же сказал, что будет уже не хутор. На реальном хуторе как потопашь, так и полопашь. Деревенская жизнь напряженная. Если соблюсти все твои желания, то получается что-то из области фантастики.

– Я ж не говорю, что это легкодоступная реальность. Но совсем даже не фантастика, вокруг посмотри. Такое вполне можно осуществить.

– Вообще-то, конечно, можно. Хоть у нас, хоть на Тенерифе у самого синего моря. Вполне реально такое устроить – любой каприз за ваши деньги. Но! Денег потребуются ну очень много, и получится такой же каменный скворечник, – с этими словами он постучал костяшками пальцев о стену, – как и в городе, только индивидуальный. На кой оно вообще тогда надо?

– Как это на кой? Свежий воздух, уединение, отсутствие людей. Опять же от зимних холодов, от перепадов температур уберечься. Это у нас. А у них – от тропических циклонов. Также на случай нападения неизвестных, это в любой местности. Заявятся какие-нибудь отморозки на джипах, квадроциклах или на катерах с пушками в руках, что будешь делать? Вот! А в каменном скворечнике хоть отсидишься, если успеешь спрятаться и полицаев вызвать. Авось приедут. А пока пострелять в воздух можно, для создания общего настроения и ощущения собственной значимости.

Выдав такую сентенцию, я не стал ждать гневных отповедей и разных советов, (да и какие там могли быть советы?) и вышел на балкон за глотком свежего воздуха.

Среди гостей оказался какой-то мужик моего примерно возраста, что не изрек за время беседы ни единого слова. Хотя, нет, вру. Изрек. Когда Стэн представлял всех присутствующих, этот гость отрекомендовался кратко – «сосед». Он был единственным в нашей компании, кто не приехал из Москвы, а просто пришел. Я чуть было не забыл, что зовут его – Леонид. Как-то так получилось, что оба мы оказались на балкончике – я вылез подышать свежим воздухом и посмотреть окрестные пейзажи, а он – покурить.

– Я смотрю, ты человек понимающий, – задумчиво сказал Леонид, указав на круглый рисунок на моей майке. – Кажется, могу тебе поспособствовать, разрешить твои трудности. Правда, временно.

– Да? Каким, интересно, образом?

– Сколько бы ты хотел получать, при отсутствии трат на еду, транспорт, Интернет, телефон и коммунальные услуги?

– При наличии отсутствия упомянутых трат хочу тыщу евро в месяц, – не задумываясь, ляпнул я.

Тем временем погода понемногу начинала портиться. В воздухе чувствовалось напряжение и знакомое многим ощущение надвигающейся грозы, как сказали бы в сентиментальных романах девятнадцатого века.

– Все? – спросил Леонид. – Как там у Высоцкого? «Где

б найти мне такую обитель, чтоб ни баб, ни вина, ни души, никого – только я».

– Это не у Высоцкого.

– Что?

– Это стихи Владимира Туриянского. Пародия на Высоцкого. Так что там про обитель?

– А больше у тебя никаких особых требований и желаний? Может еще что-нибудь эксклюзивное? – ехидно спросил Леонид.

– Ну, есть, конечно, – нахально и в тон ему добавил я, – Надо бы, чтоб не дергали меня, а я мог бы книжки свои спокойно писать, которые никому нафиг не нужны и которые никто, практически, не читает.

– И чем бы ты отплатил благодетелю, который все вышесказанное предложит?

– Ничем, кроме «спасибо» и верной службы.

– Давай.

– Что? – не понял я.

– «Спасибо» твое давай. Правда, кроме «спасибо» потребуется еще кое-что. Я же предоставлю все тобой ранее изложенное. Может и не совсем все, но почти. Ладно, потом обговорим, пошли в компанию, а то там что-то занятное сейчас рассказывают.

Но Леонид ошибся. Ничего особо занятного не рассказывали, просто Стэн ударился в нудные и малоинтересные воспоминания о недавнем разводе со своей молодой женой. Что

ж, ее можно понять. Я был с ней немного знаком. Симпатичная, вполне спортивная молодая женщина и Стэн – пузатый и лысый. К тому же, не столь уж богатый и ничего от будущего не ожидающий. Разве что комплекс сердечно-сосудистых заболеваний и аденому простаты в качестве бесплатного приложения. На что другое рассчитывал Стэн, пару лет назад женившись на своей иногородней аспирантке, можно было только вообразить.

Дальнейший вечер оказался скомкан. Где-то далеко уже начало погромыхивать, гости совсем расслабились, а потом стали откровенно дремать. Стэн объявил вечеринку закрытой, и присутствующие разбрелись по своим раскладушкам – всем жутко хотелось спать.

Как только мы улеглись, где-то рядом ударила ярчайшая молния, а через секунду раздался необычайно сильный гром. Помнится, в сочинениях начальной школы нас доводили выражениями типа «гроза разразилась». Нет, чтобы сказать «грянула» или «ударила», а то непременно «разразилась». Чуть ли не половина класса написала это с ошибками. В ту ночь первая в этом году гроза именно разразилась, ничего иного даже не приходило на ум. Гроза была такой мощной, что проснулся давно забытый животный страх перед этим природным явлением. Казалось, молния вот-вот ударит прямо в крышу и, несмотря на обещанный Стэном громоотвод, подожжет коттедж или разметает его к чертовой бабушке. Начавшийся ливень хлестал, не ослабевая, около часа. По-

том дождь стал понемногу изнемогать, и я, убаюканный его стихающим шумом, незаметно заснул.

4. Убийство

Под самое утро почему-то приснился мне славный город Рио-де-Жанейро. Ну и какого черта? Никогда я там не бывал, и даже не хотел бывать. Знаю, что есть такой город в Бразилии. Знаменитая Капа-Кабана, Атлантика, тропический морской воздух. А еще туда намеревался эмигрировать Остап Бендер, но так и не доехал, по всему судя. Еще с детства помню: «полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах». И вот, ни с того ни с сего – Рио-де-Жанейро. Какие-то широкие проспекты, пальмы, умеренное количество небоскребов, океан вдали, море... или бухта? Никого в белых штанах, правда, не видно. Известная всему миру гора – «Сахарная Голова». А на другой горе огромная фигура Христа Искупителя, растопырившего руки над городом. И какая-то молоденькая изящная сильно темнокожая девушка, с которой я иду по улице, с восторгом доказывает, какой это хороший город – Рио, и как гнусна и отвратительна моя Москва. Потом лежу я с нею на песке пляжа, а «шоколадка» все говорит: «Ну, давай, признавайся, ведь Рио лучше Москвы? Ну, слышишь?» Тут начинаются какие-то тупые толчки, как при землетрясении, а моя темнокожая спутница все никак не понимает: «Ну, давай же, давай! Давай, слышишь?» –

говорила она почему-то грубым мужским голосом. Да что мне Москва? Признаю. «Шоколадка» аж расцветает вся. На том и проснулся. Рядом с моей раскладушкой стоял Стэн и повторял:

– Давай, слышишь? Ну? Вставай! Хорош дрыхнуть. Соседа моего убили, – грубо твердил хозяин дачи, стуча ботинком по ножке моей раскладушки. – Подъем!

– Леонида что ли? – спросонок спросил я.

– Почему обязательно Леонида? Жив и вполне здоров наш Леонид. Другого соседа, его с нами не было вчера. Кличка у него в нашем кругу – «Рио», поскольку иногда он подрабатывал на фирме с соответствующим названием. Поднимайся давай, скоро сюда полиция из района приедет. Ты последний, кто еще не проснулся.

Я встал и кое-как привел себя в порядок. Несмотря ни на что, спать хотелось невероятно.

Оказывается этого Рио, соседа, которого в миру звали Владимир Антонович, во время грозы почти в упор угрохали из, скорее всего, помпового ружья заряженного картечью. Поскольку гром гремел часто, выстрела никто из нас не заметил. А ведь могли бы – все-таки гром, и ружейный залп – звуки разные. Короче, день предвиделся тяжелый и неприятный.

Вся наша невеселая компания собралась в столовой. Говорить категорически не хотелось, а в качестве завтрака Стэн подавлено предложил холодный сок, пухлые булочки и

остатки вчерашней закуси. Ни кофе не было, ни чая.

– Мы не особо дружили, просто здоровались, – зачем-то оповестил своих гостей Стэн. – Он, сосед мой, вообще вел скрытный образ жизни, чем сейчас занимался, на что существовал – никому не говорил. Возможно, даже прописан тут. Свет по ночам у него горел практически всегда. В первом отъезде и крайнем у дороги доме обитал.

Пока ждали ментов, наш хозяин поделился информацией. Проснулся он первым, чуть ли не сразу после рассвета. Оценив похолодание, Якин задумал сделать похмельным друзьям неожиданную приятность: растопить камин. Гости еще пребывали в объятиях Морфея, когда Стэн обшарил все, что можно, но ни спичек, ни жидкости для разжигания каминов так и не обнаружил. Вчера надобности в огне не возникало, – еще сохранялось летнее тепло, ничего зажигать не требовалось, да и в проводах текло электричество. Однако ночная гроза принесла резкое похолодание. В довершении проблем вырубилась подстанция в соседнем селе, электричество пропало, а резервный дизель Стэна не работал в силу отсутствия нужного горючего. Не желая беспокоить гостей, чтобы спросить зажигалку, и даже не пытаясь колдовать с прикуривателем машины, Стэн решил отправиться за спичками к ближайшему соседу по «деревне» – Владимиру по кличке «Рио», мимо ворот которого мы проезжали вчера. Почему он не обратился к тому же Леониду, я не понял, – тоже не

хотел будить, видимо.

Владимира можно было назвать соседом Стэна лишь со значительной долей допуска: между их домами располагались еще два участка. Преодолев мокрую дорогу, наш хозяин подобрался к нужным воротам и офонарел. Что ему сразу же не понравилось, так это распахнутые настежь массивные створки, чего «сосед» категорически не допускал, – ценил уединение и изоляцию от внешнего мира. Стэн подошел к воротам и заглянул во двор. В утреннем свете было отчетливо видно, что тело владельца дома с огромной раной в груди лежало на крыльце в луже крови. Скорее всего, стреляли практически в упор. Кровь подобралась к краю, стекла ступенькой ниже, образовала лужицу поменьше, которая тоже достигла своего края, и протекала еще ниже, расплываясь красным пятном на мокрой дорожке. Даже беглый осмотр из-за ворот показал, что на сырых тротуарных плитках сохранились четкие следы свежей дорожной грязи оставленной незнакомыми протекторами. Складывалось впечатление, что кто-то въехал в ворота, пристрелил владельца и сразу смотался. Вид и положение тела не позволяли надеяться на сохранность в нем жизни. Стэн даже не входил во двор, а тут же вытащил свой мобильник и позвонил в местную полицию.

После того, как мы завалили своего хозяина разными вопросами, Стэн кое-что поведал о погибшем. Характеристика удивляла. Судя по рассказу, покойный был человеком

странным, нелюдимым и малозаметным, слыл убежденным сторонником вегетарианства, сыроядения и пассивного сопротивления любому правительству. Находился в оппозиции ко всякой власти, ввиду своего пацифистского мировоззрения, поддержки всеобщего разоружения и непротivления злу. Говорили, что будучи еще совсем молодым человеком, он отсидел за какие-то антигосударственные дела. В начале девяностых провернул некую аферу, сильно поднялся, а уже в двухтысячных решил удалиться от дел. Потом купил новую дачу и зажил тихой замкнутой жизнью. Жил тихо, незаметно, за счет былых достижений, иногда подрабатывая бизнес-консультантом в компании «Рио», отчего и получил свое теперешнее погоняло. Обычно никуда не выезжал, только изредка наведывался в Москву. Имел хороший дизельный внедорожник. Общался лишь со Стэном и с Леонидом, да и то нерегулярно, от случая к случаю, по необходимости.

Наконец приехали полицейские. Эти спокойные, усталые на вид люди, честно выполняли положенные им по закону обязанности с таким видом, что всякому становилось понятно – занятие им смертельно наскучило. Полиция даже не старалась что-либо искать: менты от нас быстро отстали, никаких подписок не брали и ничего неприятного не требовали. Приятного, кстати, тоже. Заполнив какие-то бумаги и вяло проведя формальный опрос присутствующих, блюстители закона вернулись в свой УАЗик и укатили. Напоследок кто-то из ментов оставил визитку со вписанным от руки ад-

ресом электронной почты.

Короче, ситуация выглядела примерно так: дом в полном порядке, ворота закрыты, а во дворе не видно никаких подозрительных следов. Сам «Рио» в Москве, цел и невредим. Сразу же отозвался на звонок и высказал полное недоумение, когда ему поведали о причине беспокойства.

5. Скверный анекдот

– Слушай, – вдруг спохватился Макс, – раз ты мог ему позвонить, то почему сразу не позвонил?

– Кому? Покойнику? – удивился наш хозяин. – Я ж его на крыльце простреленного видел! Мертвого!

– Утро же совсем было. Солнце низкое, светило прямо в глаза. Чего там вообще от ворот разглядеть можно? Может, у тебя уже «белочка»? Пошли глюки?

– Как-то не очень похоже. Хотя... признавайся, мерзавец, что до нас пил?

– Да вы что, ребята? – всполошился Стэн, – да Бог с вами, мне ж машину вести, какой алкоголь, охренели что ли? Так, принял вчера слегка для порядка.

– Слушайте, народ, а давайте ему морду за это сейчас набьем? – почти серьезно предложил Макс. – Меня сегодняшнее утро конкретно достало.

– Не, ребята, помилосердствуйте, я же реально видел! – взмолился наш общий друг. – Как вас сейчас! Вот сам, сво-

ими глазами!

– Хорошо, что не моими. Черт с ним, пусть небитым остается. Наш гостеприимный хозяин все-таки, а по совместительству еще и общий друг. Но тебе, Стэн, срочно надо принять успокоительного. И нам за компанию – что-нибудь покрепче. Жаль, все выпили. Или осталось еще?

– Откуда? Вы вчера все выжрали подчистую, сволочи. Да еще ржали целый вечер, как идиоты.

– Сам дурак. Мы еще и сволочи, посмотрите на него! – раздраженно сказал я. После утреннего стресса начала подступать головная боль и отвратительное чувство, похожее на тошноту. – То про свои сердечные травмы рассказывает, то виртуальных покойников видит, то ментов на нас напускает.

– Врешь. Не могли мы вчера все выпить, – уверенно возразил нашему хозяину Костя. – Нереально. Масштабы не те.

– Ладно, – вдруг вполне спокойным голосом признался Якин. – Заначка конечно, имеется, только не пожалейте потом. И мороженое еще, в сумке-холодильнике, в багажнике, чуть не забыл... Пойдем.

Сделав столь сенсационное признание, Стэн зацепил Костю за рукав и, как маленького, потащил куда-то из дома.

– А говорил – нету. Дурак ты боцман, и шутки у тебя дурацкие, – вслед нашему хозяину тихо пробурчал Изя.

– Кстати, откуда взялась поговорка? – встрепенулся Макс. – Никто не знает? У кого ни спрашивал – никто не в курсе.

– Вообще-то я в курсе, – неохотно признался Изя. Похоже, шутить ему очень не хотелось: ни желания, ни настроения не было. – Флотский анекдот. Дебильный на редкость, по моему, еще времен Второй мировой войны. Катер, «морской охотник», выслеживает вражескую подлодку, но там замечают его самого, и пускают торпеду. Капитан вызывает к себе боцмана и говорит: «Видишь торпеду? Через пару минут нам всем хана. Чо хошь делай, но паники не допускать!» Боцман, недолго думая, выскакивает на палубу и что есть мочи орет: «Мужики! Вот я сейчас так перну, что катер пополам переломится!» В ответ смех, гиканье матросов. Смотрит боцман, а торпеда вот-вот врежется. Тогда он поднатужился и пукнул что было сил, тут катер и развалился. Ну, барахтаются все среди обломков, а к боцману подплывает капитан и говорит: «Дурак ты боцман, и шутки у тебя дурацкие, торпеда-то мимо прошла!»

– Действительно скверный анекдот, – буркнул Макс. – Зря ты его нам рассказал.

Мы опять перекинулись впечатлениями о произошедшем, и каждый снова погрузился в свои думы. Отдых выглядел окончательно испорченным. Больше об «убийстве» старались не болтать. Будто сговорились. Все, что можно, уже сказали, а визит полиции и допросы всех присутствующих произвели на людей удручающее впечатление.

Тут Стэн с Костей вернулись с какими-то узлами в руках. – Я вас предупреждал, не пожалейте! Осталось только

шампанское, – проворчал наш хозяин.

Мы вскрыли сразу пару бутылок брЮта и разлили по стаканам пенящуюся жидкость. Пили все кроме меня (не хотелось), Стэна и Кости (им еще предстояло садиться за руль). Наша троица пробавлялась соком. Никаких тостов никто не говорил. Видимо от утренних переживаний и бывшего выброса адреналина вино сразу ударило по головам. Все, кто пил, захмелели неожиданно быстро. Через некоторое время разговор, как это часто случается в нетрезвых компаниях, свернул на политику.

– Наши люди меня вообще удивляют, – сокрушался захмелевший Степан. – Разогнали Союз, надавали пинков всем союзным республикам, чтобы пропить богатства Сибири, ни с кем не делясь. Все последующие годы разворовывали свою страну и вывозили капиталы... Куда? А все туда же – в Европу. В итоге и финансово, и экономически зависим от Запада. Но когда наши соседи ложатся под Запад не спросясь Москвы, это почему-то вызывает у нас дикую ревность и неистовую злобу. Ребята, а мы сами-то, чем занимаемся? Мы сами разваливаем свое государство. В таком состоянии никому мы не нужны, а уж нашим соседям тем более. Остальные развалят свои страны и без нашей с вами помощи. А руководство наше совсем совесть потеряло. Теперь вот и Академию Наук разгоняют в угоду зажавшимся церковникам и недоучкам-чиновникам. Мерзко все это. Всем, у кого есть мозги, надо валить из этой страны... чем быстрее,

тем лучше.

– А вот не буду я с тобой спорить, – кивнул трезвый Стэн. – Потому что ты совершенно прав. Ты, приятель, неподъемную тему сейчас приподнять пытаешься. Но у нас общая история, общие корни, от этого никуда не уйти.

– Почему тогда соседние страны от нас в Европу бегут что есть сил, а беженцы из них – к нам? – возмутился похожий на вояку Изя. – Просто так что ли, из-за врожденного мазохизма?

– Понятно, почему. С одной стороны лоск, сытость, респектабельность, может иногда и вполне заслуженная высокомерность, но также и уважение к труду, к разным всяким правам и меньшинствам. С другой – огромная страна с циничной и коррумпированной властью, невнятным политическим режимом и ядерным ракетным оружием. А уровень жизни у этих соседей ниже нашего, отсюда и беженцы. Гражданская война опять же. Возникни такой выбор, что бы предпочел ты?

– Сытость, респектабельность и стабильность, естественно. Но мне вот что интересно, а почему в соседних странах русских партий нет? – никак не успокаивался Изя. – Подходящего народу полно, а партии отсутствуют, даже движухи никакой.

– А где тогда у нас «русская партия»? – риторически спросил Стэн. – Всякие мелкие опереточные маргинальные националистические партийки опустим, как несерьезные.

– Вот ты серьезную и создай! Ну, раз все те, что есть, опереточные и маргинальные, покажи всем, как надо, – обратился Изя к Стэну, – изобрази мастер-класс!

– Нет, не смогу. Злой, нервный я. Буду же к расстрелам и репрессиям призывать. Меня первого и шлепнут, чтоб не вякал. А у меня бывшая жена, дети от первой жены, любовница... и кот. Кота, кстати, я уже у хороших людей пристроил. – Тут Стэн, на правах хозяина и устроителя вечеринки, громко хлопнул ладонью по столу и провозгласил: – Стоп, короче. Хватит о политике, надоело! Предлагаю сменить тему. Мне о здоровье своем в первую очередь думать надо. А то скоро буду, как доктор Хаус. Небритая харя, трость и постоянное брюзжание. Что за фигня? Сначала левая нога болела, теперь ноет правая. Одно радует, левая прошла... так, о чем это я? Да, про нашу жизнь. Видишь ли, все у нас очень уж привыкли врать. Причем без всякого на то основания и нужной причины, просто по привычке. Вот тебе недавний пример. Было время, когда я по разному поводу спрашивал совета у своих друзей-приятелей, и вдруг вспомнилось. Одна хорошая девушка прислала целый список прочитанных ею книг, которым несказанно удивила. Типа друзьям рекомендовала. Никогда не подумал бы, что любовь к подобным текстам в ее характере. Как-то после, в минуту откровенности, она призналась: «Я что, буду тебе правду писать? Про то, что действительно люблю? О романах, которые бессонными ночами до утра читала? Оторваться не могла? Ты бы сразу душой меня

посчитал». Вот и выходит, что просить у кого-то совета дело вполне бессмысленное. Люди о своем имидже больше думают, о маске, что привыкли носить, чем о реальной рекомендации. Очередное вранье, только по-другому называется.

– Реклама называется, – пояснил Константин. – А реклама и самореклама необходима. Всегда было так. Вот о своем имидже люди и пекутся.

– Да, реклама в нашей жизни укоренилась прочно, – опять встрял Стэн, – На каждом углу торчит, на глаза попадает, тихо и хитро, ненавязчиво в уши шепчет. Свои плоды в наших мозгах создает, и уже через две-три недели после знакомства с новым роликом или статьей подсознание полагает разрекламированный предмет своей важной и неотъемлемой частью...

– Ну, ты прям поэт! – восхитился я.

– Я не поэт, а научный писака и гуманитарный профессор. И от этого своего занятия начинаю тихо и постепенно впадать в возрастную мизантропию. Говорят, существует всего четыре стадии взросления человека. Первая, когда он боится фильмов с Фредди Крюгером. Вторая – смеется над фильмами с Фредди Крюгером. Третья – ностальгирует при просмотре фильмов с Фредди Крюгером. И, наконец, четвертая – когда пациент солидарен с Фредди Крюгером. Так вот, боюсь, я уже почти заканчиваю с третьей и скоро перейду в четвертую стадию.

– Да, тебе, похоже, действительно пора уже у психиатра

консультироваться... или вступить в какую-нибудь группировку, использующую непарламентские методы протеста.

– Не хочу я, не мое это, – махнул рукой Стэн. – Да и прибьют, я уже говорил.

– Дорогой мой, – вдруг подал голос Макс, – а ты часом не в курсе, что давным-давно придуманы и приняты на вооружение совсем иные способы протеста и нажима на власть? Мирные и цивилизованные?

– Это какие, интересно? Власть сейчас реагирует только на толпы озверелых людей, готовых умирать за свои идеи. Или убивать за них, что, как вы понимаете, еще хуже. Кто-то из здесь присутствующих пойдет на это? Выйти на улицу и стоять до конца? По-моему, нет. Зато мирные и цивилизованные способы протеста и нажима на власть у нас пока не работают. Не доросли мы еще до таких способов.

– Вы что, – удивился Константин, – реально так думаете? К черту тогда такое общество...

– Что думает? Кто думает? Тут никто ничего не думает, – отчеканил Стэн.

– Гениальная фраза, – излишне радостно восхитился я. – Можно сопру?

– Можно. Кстати, – Стэн ткнул в мою сторону толстым пальцем, при этом окинул всю компанию задумчивым взглядом, – поаккуратнее с ним. Этот тип книжки на досуге пишет, и каждый из вас может потом увидеть свои ненароком оброненные слова напечатанными на белой бумаге под чер-

ной обложкой. Осторожнее с мыслями.

– Пофиг... Пускай... Ну и что?.. – посыпались вялые реплики.

– Правда что ли? – спросил Владислав по кличке Изя.

– Правда, правда...

Вся эта болтовня окончательно уже надоела, я взял мороженое и вышел на балкон в одиночестве подышать свежим воздухом. Постоять и подумать о бренности бытия. Но не получилось, – там уже оказался Леонид.

6. Охотник за привидениями

Когда мы с Леонидом очутились на балконе, то оба неторопливо и безмолвно ели мороженое. Мне досталось шоколадное, а соседу Стэна попался сливочный пломбир. Стэн вдруг заявил, что его термостатированная сумка с сухим льдом долго не выдержит, и мороженое надо срочно «спасать».

– Терпеть не могу людей, что сперва общаются, поддерживают с тобой отношения, а потом находят компанию получше и тебя уже знать не знают. Противно, – вдруг ни с того ни с сего нарушил молчание Леонид.

– Ты это про кого? Про нашего хозяина что ли?

– Да нет, причем тут Стэн... Так просто...

– Говори, мне сейчас можно. Кто-то тебя кинул? —убедительно произнес я, несмотря на легкое раздражение. Я был

заинтригован его идеей насчет «разрешения трудностей», но твердо для себя решил, что первым по этому делу вопросов задавать не буду. Пусть сам расскажет.

– Ну, да. Банально, до тошноты. Женщина меня бросила. Как и нашего гостеприимного хозяина. Ни за что бы никому не сказал, но кто надо и так в курсе, а остальным это вообще до одного места.

– Бывает... Все, наверное, через подобное проходили... и не раз.

– Это, конечно, сколько угодно. Но в юности. А в нашем возрасте, как ты понимаешь, такое переносить тяжело. Мне-то уж точно.

– Помириться можно?

– Абсолютно невозможно. Объяснять не буду, но исключено...

– Тогда заведи новую. Для начала просто так, без планов... чтобы отвлечься. А потом уже по обстоятельствам.

– Да знаю, не маленький. Но что-то сидит вот здесь, – мой собеседник ткнул себя куда-то в область грудной кости, – и не дает отвлечься. Кстати это я подал Стэну идею сугубо мужской вечеринки. Без баб-с. А то он уже совсем было собрался каких-то девок из службы эскорт-сервиса заказывать. Меня в качестве спонсора привлечь намеревался. Ты думаешь, почему он столько мороженого и шампанского накупил? Еще бы пару машин пришлось гонять, и четверым, а не двум соблюдать безалкогольный режим.

– А ты все-таки попробуй на кого-нибудь отвлечься. Только не из эскорт-сервиса, а выбери попроще.

Быстро доев свой пломбир, Леонид закурил сигарету и с наслаждением затянулся.

– В смысле – попроще? – спросил он после картинно выпущенной изо рта струйки дыма.

– Ну, какую-нибудь симпатичную женщину-менеджера, секретаршу или иную подчиненную коллегу по работе, – пояснил я. – Только не модельной внешности, а просто молодую симпатичную женщину, незамужнюю, от двадцати пяти до тридцати, и без постоянного мужика. Моложе двадцати пяти не надо, у таких еще ветер в головах гуляет. Только в постель сразу не волоки, а поводи по концертам-выставкам-ресторанам, свози куда-нибудь, а уж потом... Да чего у тебя учу? Не мальчик, разберешься.

– Спасибо, кэп². Короче, найти еще надо, чтоб хорошую и подходящую. Но идея стоящая, несмотря на очевидность. Странно, как сам не сообразил?

«Издевается, – подумал я, – но хоть не обматерил, и на том спасибо. Я тоже хорош. Пристал к человеку со своим видением. Вправду говорят – “чужую беду руками разведу”».

Чтобы перевести разговор на менее скользкую почву, я спросил:

– А чем ты вообще занимаешься? Я как-то пропустил, когда всех знакомили.

– Не сказал ничего, вот и «пропустил». Бизнес. Спецслуж-

ги.

– Понятно, – сухо ответил я, решив, что мой собеседник или наркодилер, или еще какой криминальный воротила. В самом лучшем варианте – обычный торговец каким-нибудь эксклюзивным барахлом или поставщик девушек по вызову. – Импорт-экспорт?

– Нет, ты неправильно все понимаешь, – улыбаясь, пояснил Леонид. – Все обсуждается, сугубо легально, абсолютно законно и никакого криминала. Кстати, тебе будет интересно.

– Так не бывает, чтобы интересно, – подхватил я. – Здесь, у нас, бизнес без криминала невозможен физически. Если исключить коррупционную составляющую, то всякая деловая активность в нашей стране прекратилась бы. Это что-то типа закона природы.

– Думаешь? – хитро спросил Леонид. – А как быть с такими отраслями народного хозяйства, коими никто не хочет или не может заниматься, а криминал не интересуется?

– Есть такие? Ты это сейчас о чем? Сельская ассенизация и прочистка городских стоков? Да и там все давно схвачено. Потом тебя замучают проверками разные пожарно-санитарные чиновники, а если откажешься платить крупные взятки и возьмешь в помощь хороших грамотных юристов, то напустят на тебя преступную группировку. Или просто ментов. Из твоей ниши тебя выдавят, а на освободившееся место поселят стоворчивого смуглого брюнета из «понаехавших».

Сейчас власти весь бизнес реформируют подобным образом.

– Уверен? – усмехнулся Леонид.

– Полностью, – кивнул я. – Раньше при коммунистах и советской власти что было? Демократический централизм. А теперь у нас что? Бюрократический коррупционизм. Всякого бизнесмена, да и просто любого начальника при желании можно посадить. Всерьез и надолго. Это специально так задумано, чтобы никто особо не возникал и резких безответственных движений не совершал.

– У меня немного не тот случай. Так бы и было, если бы я сейчас занимался продажей джинсов, сшитых китайскими заключенными, платными интим-услугами или торговлей несортовым кирпичом. Продавать сделанное кем-то другим может всякий. Кто угодно. Да и невелика премудрость говнососки по деревням гонять. Но если я из своей ниши уйду, никто другой ее не освоит, слишком особая специфика. Да и сама власть потом прибежит ко мне с просьбой вернуться.

– Так что ты все-таки делаешь? – отважился я на прямую попытку выведать у Леонида область его профессиональных занятий. – Или секрет?

– Никаких секретов. Изгоняю злых духов и осуществляю привлечение добрых, – просто объяснил он. – Более подробно можешь прочитать на нашем корпоративном сайте.

7. Тени

«Опять что ли колдун, – я чуть было не подавился своим мороженым, – вот уж “везет” мне!»

– В смысле? Ты психотерапевт или психиатр?

– Нет, ты не понял, – строго прозвучал его голос, – работаю с потусторонними силами. В прямом смысле, не в переносном.

– Колдун что ли? А как же сибирские шаманы и прочие охотники за приведениями? С ними что делать?

– Идут лесом. С песнями. А потом нервно курят в стороне.

– Что, неужели профессиональным экзорцизмом занимаешься?

– Ужели. Но, не совсем экзорцизмом. Вернее – совсем не экзорцизмом. Ведь что делает классический экзорцист? Как правило, это маг или священник, что при помощи особой процедуры изгоняет «бесов» и других «сверхъестественных существей» из «одержимого» с помощью молитв и обрядов какой-либо религии... или магии. Так? А что делаю я?

– Да, что делаешь ты?

– Работаю только с неодушевленными, обычно недвижимыми объектами. Со зданиями, офисными и жилыми помещениями. Домами, квартирами, различными вещами... земельными участками.

– Как в этих, в «Охотниках за привидениями»? Так что

ли?

– Нет, конечно, – засмеялся мой собеседник. – Эту комедию часто упоминают, когда я рассказываю о своем занятии. Но еще чаще вспоминают одноименную телевизионную программу, а к этим ребятам я не имею никакого отношения. Всячески дистанцируюсь от них. Ведь невыдуманные проблемы требуют длительного расследования. Решить их получается не всегда столь легко и непринужденно, как это делается по телевизору. Началось все с того, что трудился я в риелторском бизнесе. Вначале казалось, что останусь в этом деле надолго, несмотря на моральные издержки. Понимаешь, да? Я сразу организовал несколько сделок для муниципальных структур, и власти меня вроде как оценили, даже зауважали. И вот однажды, появилась очередная клиентка-покупательница – уверенная в себе женщина лет тридцати, руководившая каким-то туристическим агентством. Квартиру она приобретала по ипотеке и подходящий для себя вариант нашла. Первоначально все ее устраивало. Был заключен предварительный договор купли-продажи с передачей задатка продавцу. Вроде бы квартира по ипотеке проходила, но скоро выяснилось, что не была легализована перепланировка. Без некоторой доли лукавства в такой сфере бизнеса не делается ничего. Банк отказывал в кредите, если квартиру не приведут в соответствие плану БТИ. Ну, или пусть оформят перепланировку, что весьма недешево. У клиентки на это просто не оставалось денег, а у продавца – желания. Кли-

ентка уже собиралась все обсудить с владельцем, когда тот начал вести себя подозрительно и странно. Давил на мозги, торопил со сделкой, утаивал, казалось бы, самую невинную информацию, срывал встречи и даже откровенно хамил. Наконец, мне удалось встретиться с ним один на один. Продавец оказался плотным невысоким господином с бегающими узко посаженными глазами и затравленным выражением лица. Мы все обсудили, и компромисс был найден. Но уже на следующий день владелец позвонил клиентке и в грубой форме заявил, что все ранее достигнутые договоренности недействительны. Складывалось ощущение, что заинтересованность в сделке он вообще потерял. Я уж было заподозрил, что тут какое-то малопонятное и сложно организованное «кидалово». Продавец постоянно спрашивал: не хотим ли мы отказаться от этой квартиры? Не передумали ли? Может, отменим сделку? Потом через голову нашей фирмы он в очередной раз связался с клиенткой, о чем-то с ней поговорил, а мне сообщил, что покупательница неплатежеспособна. Я знал, что это откровенное вранье. Половину денег она вносила наличными (и я их видел собственными глазами, даже пересчитал), а остальная сумма – ипотечный кредит, был бы уже одобрен и выдан банком, если б не внезапные обстоятельства в виде незаконной перепланировки. По словам продавца получалось, что риелтор, то есть наша фирма, обманывает и его, и покупательницу квартиры. Ругань и постоянные метания продавца чуть ли не до истерики дове-

ли нашу клиентку. Она уже расхотела покупать эту жилплощадь. Женщина сказала об этом продавцу, но тот вдруг заявил, что задаток не вернет. Когда же клиентка пригрозила, что все переговоры записаны и вопрос будет решаться в суде, продавец пошел на попятную. Согласился привести квартиру в соответствующий плану вид. Квартира в целом клиентку устраивала, но неестественное поведение продавца оказало скверное влияние на сознание женщины.

– Так что же выяснилось, в конце концов? – нетерпеливо спросил я. Меня уже утомил довольно длинный рассказ о цепочке взаимоотношений продавец-риелтор-покупатель. Если честно, я вообще не понял, причем тут риелтор.

– Вот слушай. Все вроде бы закончилось ко всеобщей гармонии, и сделка успешно состоялась. А месяцев через пять-шесть ту же самую квартиру вновь выставили на продажу!

– Почему?

– Наша клиентка, к тому времени уже бывшая, передумала там жить.

– Наверное, всякое бывает, – туманно поделился я своими мыслями. – Соседи, дурная экология, посторонние шумы, ночные звуки. Изменение личных обстоятельств. Мало ли что могло произойти.

– Вот верно соображаешь. В самую точку. Посторонние шумы и ночные звуки, а как следствие – изменение личных обстоятельств. Поскольку в период покупки у меня с клиенткой сложились доверительные деловые отношения, она по-

звонила и попросила посмотреть квартиру, причем вечером. Ничего странного – у всех работа, день занят, а выходные для личного отдыха, не для деловых встреч. Договорились на десять часов. Я принял душ, оделся во все чистое и отправился по знакомому адресу. Только я намеревался жать на звонок у двери, как та вдруг бесшумно открылась. В проеме стояла хозяйка. Я уже собирался поздороваться и еще что-то сказать, но бывшая клиентка, а звали ее, кстати, Наталья, приложила указательный палец к своим губам, и пришлось смолчать. Мы тихо прошли в гостиную и сели на диван. Квартира выглядела только что отремонтированной и эстетически очень привлекательной. Эксклюзивный дизайн, современные технологии, отделка высокого качества. Чувствовалась энергия благополучия и процветания, такое всегда заметно. Было непонятно – зачем Наталья задумала съезжать? Некоторое время ничего не происходило. Сидели молча, и хозяйка время от времени жестом давала понять, чтобы я не издавал никаких звуков и чего-то ждал. Через некоторое время появились странности. Возникло ощущение чужого присутствия, будто в квартире был кто-то помимо нас. Слышались посторонние шаги, чьи-то голоса, легкие движения воздуха. Приглядевшись, я увидел источники чужеродного шума. Сначала они походили на неясные тени, но скоро пришло осознание – это не просто игры света и тьмы, а образы людей, причем людей разных, с яркими индивидуальными чертами. Тогда я назвал их призраками – надо же было

как-то обозначить непонятные явления. Призраки передвигались по квартире, о чем-то переговаривались, смеялись... Сейчас даже не помню, сколько времени мы вот так просидели словно изваяния, слушая каких-то непостижимых обитателей этой ухоженной квартиры. Потом что-то произошло, и звуки разом исчезли, тени – тоже. Стало тихо и темно, только прямоугольник окна давал немного света. Только тут я заметил, что Наталья сидит, вцепившись в меня, точно в спасителя. Ее била дрожь. «Это что было?» – спросил я. «Раз в месяц они приходят и присутствуют тут до трех часов ночи», – шепотом пояснила Наталья. «Кто – они?» – не понял я. «Они. Я называю их – тени. Сегодня они еще тихие, наверное, тебя опасались. Месяц после ремонта жила спокойно, а потом началось...» Наталья включила бра. При свете стало заметно, что она перепугана до ужаса, да и сам я тоже, наверное, выглядел не лучшим образом. Короче, остался я у нее, и все у нас было. Но больше мы не встречались, и на этом наша история закончилась. После, через коллег я узнал, что Наталья все-таки съехала с этой квартиры, даже в другой округ перебралась. Однако моя жена что-то сразу почувствовала или узнала. Она такая, да... измены уже не простила. Пришлось разойтись, но деловые контакты между собой мы сохраняли. Вот именно с этого момента бизнес наш и начал давать сбои. Покатился под горку.

8. Ветеран

Леонид прервался, и некоторое время молча курил, видимо обдумывая, чего можно, а чего нельзя рассказывать дальше. Потом, когда решение было принято, а окурок отправился в положенное ему место, сосед Стэна продолжил свой рассказ.

– Второй случай произошел позже. Уже довольно долго я работал в риелторском бизнесе. Более-менее изучил дело и даже достиг профессиональных успехов. Приходилось постоянно самообразовываться, ведь в России, насколько мне известно, до сих пор еще нет специальных заведений для подготовки агентов по организации сделок с недвижимостью. Существуют лишь краткосрочные курсы, качества обучения не гарантирующие. Обратная сторона ситуации – отсутствие профессиональных навыков у многих российских риелторов. Зачастую им не хватает не только опыта, но даже элементарных знаний действующего законодательства. Кстати, большинство риелторских контор ягоды одного поля. Принципы их деятельности практически одинаковы. Если кто-то начнет тебе втирать про детальную проверку чистоты квартиры и качества сделки, не верь – брехня! Проверка осуществляется стандартно и формально, лазеек для жульничества множество. Это я со всей определенностью как профессионал говорю. Никто ни за что не отвечает, учти. Да, было у нас несколько выигрышей судебных дел у риелторских контор, продавших заведомо «нехорошие» кварти-

ры, но факты единичны. По пальцам пересчитать... причем, одной руки. Для чего реально нужен риелтор, так исключительно для беготни с бумажками на последнем этапе сделки. Это да. Он уже везде был, всех знает, кто, что, кому и скока. Это обязательно. Без этого никак, а клиенты несут как материальный, так и моральный ущерб. Так вот, как-то раз нашу фирму попросили юридически подготовить участок земли под застройку. Вообще-то это дело не совсем наше, вернее, совсем не наше, но иногда приходится заниматься. Оформление участков в собственность – процесс сложный, много-стадийный, связанный со множеством бумаг и проведением разных работ. Судя по плану, там располагался небольшой скверик, по бокам ограниченный старыми домами. С внешней стороны – улица, а с внутренней – дворовый проезд. Застройщик намеревался возвести здесь современное офисное здание. Заключение соответствующий договор, и отправился я собственными глазами взглянуть на тот участок. По личному опыту прекрасно знал, что без посещения объекта нельзя никак. Мало ли что там в реальности может оказаться, по судам потом затаскают. Участок мне понравился. Явно бесхозный, со старыми тополями и дряхлыми деревянными скамейками, никаких объектов и предметов собственности. Согласно кадастру, земля находилась в общественном владении, каких-либо проблем с властями не предвиделось. Жителей предполагалось обработать по стандартной схеме. Организовать собрание, в соседних домах собрать подписи,

и все было бы чики-пуки. Обычно мы поступали так: проводили опрос и сбор подписей на какую-нибудь животрепещущую тему, активно интересующую местных обывателей. Например, закрытие ближайшего пивного бара, шумного молодежного клуба или подпольного общежития гастарбайтеров... или наоборот – недопущение точечной застройки. После организовывали собрание с целью обсуждения вероятности этой самой точечной застройки. Затем печатался протокол собрания, настоящий протокол, со стенограммной и видеозаписью выступлений возмущенных жителей. Обычно мы обещали жильцам всякие новые удобства. Блага и льготы в будущем здании. Доступные магазины, поликлинику, бесплатный для ближайших жителей фитнес-центр. Пенсионерам и ветеранам – скидки. Еще что-нибудь. Кто-то выступал, чего-то говорил, о чем-то протестовал. Но кто-то и поддерживал, высказываясь «за». Таких мы всегда заранее готовили. Правда, по техническим причинам самый конец собрания с процессом голосования на записи обычно не получался, зато присутствовал на стенограмме, из которой явствовало – большинство все-таки высказалось за строительство. Опросные листы прилагались в качестве доказательства согласия жильцов. Короче, дело пошло. И вот, после одного такого собрания, когда я вышел покурить в обреченный скверик, ко мне подошел какой-то старикан с архаическими наградными планками на старом пиджаке.

«Мил человек, – как-то по-свойски и по-деревенски об-

ратился ко мне дед, – не угостишь ветерана папироской?»

«Кури, отец, – сказал я, протягивая свою пачку сигарет. – Бери, сколько нужно».

«Спасибо, уважил старика, – поблагодарил ветеран, извлекая сразу полпачки. – Нельзя здесь ничего строить, се-чешь? Дом тут уже стоит. Только не видно его сейчас, это дом – привидение оно, фантом».

«Чего? – не понял я. – Какой еще фантом?»

«Ничего! – неожиданно обозлился старикан. – Фантом до-ма, говорю. И населяют его фантомы. В войну бомбой пря-мого попадания разбило. Погибли все. Даже те, кто в под-вале, в бомбоубежище сидел. Одно только слово, что бом-боубежище! Мелковат подвал оказался. Никого в живых не осталось. Довольно быстро завалы разобрали и сделали этот вот садик. А если вы тут чего-то построите, то фантомы жи-телей будут ходить по новому дому и свежим обитателям не станет от них ни жизни, ни покоя».

«Слушай, дедусь, ты ничего не путаешь? Может, выпил что? Или уже чего-нибудь не то в себя вкурил? А может ты у нас – того?» – и я выразительно повертел пальцами око-ло своего виска. Практика показывает, что такое открытое хамство часто просто необходимо для прекращения нежела-тельного диалога.

«Я тебе покажу – "того"! Мальчишка! Ты хоть понима-ешь, что здесь происходит? На что вы замахнуться хотите? Вот в полночь на полнолуние сюда приходи и посиди ночку.

Сам все увидишь. Только тихо сиди, и не уходи никуда. Слабо? Забздишь, небось, не придешь ведь. Знаю я современную молодежь, только и можете, что горланить без пользы, да шмалять друг в друга по дурасти. Гнилая порода».

Естественно, я разозлился и пришел. Повод отыскался легко – была у меня в ту пору проблема – Юлю, жену свою вернуть хотел. В смысле именно как жену, а не как партнершу по бизнесу. Все-таки сколько лет вместе, да и потом общим делом занимались. Вот и придумал романтические посиделки под луной, а в качестве места избрал тот самый пятачок между старыми домами. Сначала ни о чем вообще не думал – сидел во дворе на лавочке и ждал, когда Юля подъедет. Но потом стало ясно – зря. Не подъедет. Она всегда высоко ценила личное время, и если не приходила вовремя, значит, – все, о встрече можно забыть. То ли от обиды, то ли от упрямства, вдруг подумалось, что назло проторчу тут до самого утра, и только с рассветом уеду. Решил сидеть до последнего.

Леонид снова замолк, и какое-то время опять безмолвно дымил с задумчивым видом.

– Раздраженно раздумывая о своих с Юлей отношениях, – продолжил он свой рассказ, – я пропустил сам момент появления дома. Просто вдруг понял, что вместо давешнего скверика стоит старый жилой дом, чем-то похожий на своих соседей справа и слева, но чем-то от них отличающийся. Стоит, как ни в чем не бывало. Дом выглядел вовсе не при-

зрачным, как можно было бы подумать, а вполне себе материальным, но каким-то будто мерцающим. То явно есть, вижу его, а то пропадает, и вместо него опять скверик. Наконец, я понял, что дом – вот он, прекрасно виден и абсолютно реален в лунном свете. Сначала показалось, что это какая-то иллюзия, типа голограммы. Но когда я подошел вплотную, и ощупал рукой кирпичную стену, стало жутко. Будто потерял ощущение реальности. Я прошел вдоль стены до входа в подъезд. Дверь оказалась открыта и приперта кирпичом, внутри смутно виднелись ступеньки. Деталей я уже, к великому своему сожалению, не помню. События той ночи почти выветрились из моей памяти. Почему? Не знаю. Вспоминаю только, что я входил в подъезд, освещенный синим светом, поднимался по ступенькам, видел какой-то старый, больших размеров лифт за железной решеткой, причем через зарешеченные окна, в центре обширной кабины виднелась пальма. Явно давным-давно засохшая. Труп этой пальмы, помнится, поразил меня тогда больше всего. Но в то же время, каким-то уголком сознания, я по-прежнему ощущал себя сидящем на лавочке во дворе. Это пугало и раздражало одновременно. Было непонятно. Страшным волевым усилием я отогнал от себя ощущение дома и запретил ему быть. Я осознал, что сижу на лавочке перед тем самым сквериком. Луна уходила за дом справа, небо со стороны востока начало светлеть, а какая-то ранняя птица у фонаря принялась издавать нестройные, но очень мелодичные звуки. Никакого

дома не было и в помине, более того, – потом он уже здесь не появлялся, я проверял. Участок был куплен застройщиком, и на этом месте выросло высокое и узкое железобетонное здание банка. Такие вот, понимаешь, дела.

Тем временем стало совсем холодно. Леонид опять замолчал и с минуту глядел куда-то в сторону соседнего дома.

– Такие вот, понимаешь, дела, – повторил Леонид. – Я потом несколько раз попадал в сходные ситуации. Специально их искал. И окончательно уверился в том, что и заподозрил тогда, около скверика с домом-фантомом. Я умел уничтожать этих призраков своим волевым усилием. Почему, как это получалось, не знаю. Но место очищалось, и никто ничего больше там не видел. Такую же «чистку» я устроил в квартире принадлежавшей Наталье. Она тогда все-таки не продала ее, но сдавала, только вот жильцы часто там менялись. После моих усилий Наталья, временно жившая на съемной квартире, въехала назад и больше на «тени» не жаловалась. Кстати, со мной она тоже больше не встречалась. Постепенно сложилась соответствующая клиентура, я начал выезжать в другие города, заказы пошли. Теперь у меня сеть отделений по главным городам страны. Головной офис в Москве, а я в нем генеральный директор компании и хозяин в одном лице. Мы способствуем продаже и перепродаже таких вот нехороших квартир и земельных участков.

– В общем, любимым делом занимаешься? – спросил я с некоторой долей иронии пополам с уважением. – Хватает на

прожитье?

– Хватает. Особо не жалуясь.

– И что? Причем тут я?

– А вот, – пояснил Леонид, – понял я как-то, что содержание этого коттеджа – он показал рукой на какую-то видневшуюся в отдалении крышу, – обходится неоправданно дорого. Позволить себе могу, но и денежки считать научился. Сам посуди. Построен он по такому проекту, что зимой оставлять без отопления нельзя никак. Да и летом пока пустой стоит – то одно сопрут, то другое. Приедут из соседней деревни, вскроют, и украдут чего-нибудь жизненно важное. Все, что выносятся и свинчиваются. Верить ли – в одно прекрасное утро ворота вывезли! А недавно новое оборудование котельной подчистую свинтили. Сантехнику сняли, ванну вытащили, даже унитазаы. Убыток немаленький, сам понимаешь. Сигнализация? Есть, конечно. Только менты по нашим дорогам да по здешним ухабам часа полтора добираться будут. Если вообще примут вызов, что не факт. А за это время не то, что ворота с котельной и сантехникой, крышу украсть можно. Помнишь, сколько они ехали к нам «на убийство»? То-то и оно.

– Так продай этот дом, и вся недолга, – удивившись, заметил я.

– Не хочу. Иногда он мне надобится, и вообще люблю это место. Именно это. Дорого как память. Да и непросто сейчас с продажей недвижимости в средней полосе. Короче –

полезно чтобы кто-то здесь жил, пока меня нет. А бываю я только летом. Иногда. Ну, может быть, на новый год или еще пару раз за зиму. Да и то вряд ли – последнее время предпочитаю на горных лыжах в Альпах кататься. Бывает, что летом вообще не приезжаю, но тогда домик сдаю, чтобы пустой не оставался. Так вот, в чем состоит мое коммерческое предложение: живи тут с ноября по апрель, книжки свои пиши, а я обеспечу едой, водой, связью и Интернетом. За мой счет, что немаловажно! Система оплаты такова – если отдежуришь зимний сезон, до весны, то в апреле сможешь получить за полгода. Потом, с началом следующего сезона – накапает полугодовой аванс, и снова зимовка. С апреля по ноябрь – свободен. Деньги будут зачисляться ежемесячно на срочный счет, откуда ты сможешь их забирать только раз в полгода, но отслеживать поступления можно когда угодно. Для пенсионного фонда зачислю тебя в свою фирму на какую-нибудь должность, не требующую постоянного присутствия в офисе. Да хоть бы и охранником – коттедж-то принадлежит компании, а не лично мне.

– Это подумать надо, – обалдело изрек я, – прям так сразу... а тут... Такие вопросы с кондачка не решаются.

– Зайдите на недельке? – засмеялся Леонид.

– Типа того, – согласился я. – Дело-то непростое.

– Но и не очень сложное! Не бог весть, что за премудрость. Ты же инженер? Так что с моей немудрящей техникой легко разберешься. Я тебя проконсультирую, если согласишься-

ся. Главное, чтоб снаружи было видно: в доме живут, лучше не соваться. А если какие безбашенные отморозки вдруг приедут (это практически нереально, но мало ли что?) запирайся и звони в полицию. Есть дизельный генератор, если перережут электричество, то можно отсидеться, помощь вызвать. Часа три двери точно выдержат, стекла тоже вполне бронированные. Кроме того, снаружи опускаются защитные жалюзи. У тебя разрешение на оружие вообще-то имеется?

– Нет, конечно, – признался я. – Зачем оно мне? По пивным банкам стрелять?

– Мало ли зачем. А вообще это плохо. Ладно, сделаем. У меня тут помповое ружье, еще разные игрушки. Зарядами обеспечу. Даже звук передергиваемого затвора, слышимый через дверь, и то благотворно действует на некрепкие умы незваных посетителей, а уж если в воздух пальнуть... Вообще – место тут тихое, спокойное, малолюдное. Зимой, можно сказать, совсем глухое. Но мобильники и спутниковые каналы нормально работают.

– Вот то-то и оно, что место глухое. А какое оно «спокойное», в этом все убедились сегодня утром.

«Теоретически возможны разные ситуации, – тем временем думал я. – Кого-то действительно убили, а потом, когда наш Стэн, по его словам, бегал с вытаращенными глазами, вызывал полицию и будил друзей, а все мы потом ждали да гадали, что же теперь будет, следы преступления ликвидировали. Тщательно и эффективно уничтожили так, чтобы ни-

какой, даже самый опытный эксперт ничего не обнаружил. Наш хозяин видел труп от входа, стоя в воротах, откуда тело опознать трудно: смотреть пришлось против восходящего солнца. А поскольку никого кроме владельца дома тут обычно не бывает, вот и решил, что это убитый. Кстати, владельцу позвонили на сотовый и получили ответ. Стэну потом удалось даже с ним поговорить, поэтому подлинность голоса ни у кого сомнений не вызвала. Но это сосед по кличке Рио сказал, что он сейчас в Москве, а на самом деле мог быть где угодно... хоть за ближайшим забором. Потом некто удалил все следы. Не факт, что чистильщик и убийца – одно лицо, и совсем необязательно, что это хозяин дома. Не исключено, что этот некто – один из присутствующих. И, наконец, нельзя упускать из виду возможность, что Стэн лицезрел труп и следы злодеяния исключительно в собственном сознании. Галлюцинировал. Как вариант – просто все придумал и разыграл перед нами (и перед ментами, что немало важно!) этакий моноспектакль. Вообще-то он мог. Но вопрос – зачем?» Особенно удивляло, что кроме меня эта тема, похоже, не беспокоила никого.

– Ладно, подумай, – сказал Леонид, затушив свой окурок, прежде чем бросить его в специально приделанную к ограждению балкона баночку. – А пока пойдем ко всем остальным. Холодновато уже тут.

Я вдруг понял, что действительно давно уже замерз, и мы вернулись в дом, ко всей прочей компании. Присутствовав-

шие на даче Стэна гости происшествием больше не интересовались. Во всяком случае, внешне. Говорили о чем угодно, только не о вероятном преступлении, негласно тема убийства стала табу. К тому моменту компания как раз постановила, что дачные посиделки пора заканчивать. Настроение не возродить, и лучшее, что можно придумать в данной ситуации, это вернуться в Москву. Пока пробки не начались.

Перед рассадкой по машинам ко мне вдруг подошел Владислав, которого Стэн почему-то называл Изей и, несколько смущаясь, сказал:

– Говорят, ты пишешь? Вот, почитай на досуге, я написал, – с этими словами он всучил мне какую-то книжку в мягкой обложке и направился к джипу.

Из-за возникших подозрений в психическом благополучии Стэна, я уговорил его за руль не садиться. Однако заменить водителя сначала никто не смог, каждый имел в крови достаточно промиллей алкоголя. Это кроме меня и Кости, у которого была своя машина. Как почти трезвому (ведь я практически не пил) джип пришлось вести мне, несмотря на неожиданно активные протесты всех остальных. Чуть до драки дело не дошло. Хорошо хоть права с собой захватил.

9. Декорировано под старину

Мегаполис, по своему обыкновению, закрутил делами и заботами, а все те мысли, что беспокоили сознание в «дерев-

не», хоть и отошли на второй план, но из памяти не выпали. О выгодном предложении Леонида я не забывал ни на секунду, но окончательное решение отложил на осень, поближе к началу предполагаемой работы. Срочные заказы, какие-то возможные проекты, в коих мое участие предполагалось, но не гарантировалось, беготня и добывание денег отнимали массу времени и сил.

Несколько месяцев пролетели в подобном режиме, и скоро снова захотелось качественно отдохнуть и телом, и душой. Освежить ум и мыслительную активность. Повысить количество гормонов счастья в крови. Не секрет, что многие работают большую часть дня, а кое-кто даже сутками. График отдельных трудяг превышает двенадцать часов и распisan чуть ли не поминутно, даже в отпуск вырваться некогда. После такого напряжения почти каждый чувствует усталость.

Вот так и живем, с тоской вспоминая свое самочувствие на отдыхе, в отпуске, вдалеке от забот, проблем и деловых контактов. Не надо особо задумываться, чтобы уяснить, что когда отдыхаем, мы счастливы. Причем отдыхаем качественно, душой и телом, а после ощущаем бодрость и прилив сил. Легко понять, – если б наше тело вместе с душой получало бы качественное отдохновение в повседневной жизни, то и самочувствие намного улучшилось бы. Мы просто привыкли уставать, и эта вредная привычка стала одной из самых распространенных. Надо заботиться об отдыхе и душевном состоянии, усталое тело никогда хорошо не мыслит. Захоте-

лось немного расслабиться и перевести дыхание.

Как раз во время таких раздумий очень удачно позвонила давнишняя подруга, будто услышала мои мысли. Ее звали Стелла, «с двумя “л”», как она часто о себе говорила. Она закончила философский факультет МГУ, но по специальности не работала ни дня: спрос на профессиональных философов в нашем нынешнем государстве сильно ограничен, и уступает предложению. Тема магистерской диссертации звучала так: «Принцип достаточного основания, как базис эмоционального убеждения». Только не приставайте, что это значит – не знаю. Единственная польза от магистерской степени состояла в возможности украсить резюме и опередить конкурентов при поступлении на интересную работу.

Познакомились мы несколько лет назад, при обстоятельствах странных, где-то даже комических, а в чем-то и драматических³. В ту пору она трудилась на некое частное детективное агентство, и ей поручили мою разработку. Что интересно, заказ был от моей бывшей жены! Позже, когда договор закончился, и слежку сняли, Стелла продолжала за мной следить исключительно из женского любопытства. Потом мы встретились в очень симпатичном кафе и разговорились. К сожалению, то место не существует более, – кафе ликвидировали. Помещение перепродали, подвергли полной переделке и открыли там алкогольный магазин. Жаль, приятное было заведение, со своим лицом, особой атмосферой, запоминающимся интерьером и устоявшейся клиентурой.

Потом мы стали регулярно встречаться, еще потом съехались и какое-то время даже жили вместе. Но наши интересы не совпадали, зато по характерам мы были очень сходны, – каждый высоко ценил независимость, личную свободу и персональное, никому недоступное пространство. Расставание наше прошло как-то постепенно и почти незаметно: Стелла все чаще и чаще стала оставаться у себя, все больше ее вещей переселялось с моей квартиры на ее жилплощадь, и в один прекрасный момент я осознал, что остался один. Нет, разрыва, как такового, не было. У меня и сейчас лежит чемодан с ее вещами, в ванной до сих пор торчит ее зубная щетка, в прихожей висит купленная ею картина, а на кухне хранятся кружки, рюмки и еще какая-то принесенная ею посуда. Кстати сказать, такое положение дел меня совсем не напрягает и давно уже не расстраивает. Мы до сих пор время от времени перезваниваемся, поздравляем друг друга с праздниками и собственными днями рождений, изредка перекидываемся сообщениями, но все реже и реже. Как говорится, остались друзьями. На мой взгляд, нет ничего лживее этой фальшивой фразы.

Агентство, где во времена нашего близкого знакомства служила Стелла, занималось разнообразной частной детективной деятельностью. По рассказам моей подруги, начальство агентства всегда и с особым вниманием относилось к проблемам своих сотрудников и шло навстречу, если это не мешало работе. Однако дисциплина была жесткой, и Стелла

не выдержала такого давления. С работы пришлось уйти. Но сейчас подруга явно не бедствовала, а чем зарабатывала – я просто не знал. Встречались мы весьма нечасто, и повода поговорить о ее нынешней деятельности как-то не возникало.

Сама же Стелла не торопилась рассказывать о своих сегодняшних занятиях.

– Тогда так, – приступила к делу Стелла, после того, как мы поговорили о каких-то отвлеченных вещах, – встретимся в этом... как его? Дай бог памяти... короче, на Никитской открылось очень миленькое такое заведение – кафе или ресторанчик, не знаю какой у него статус. Неважно. Тебе понравится. Все очень атмосферно и приятно так. Демократично. Декорировано под старину. Кто первый придет, тот захватит два места. Если повезет, можно взять столик на двоих.

– Погоди, но я же там никогда не был! Где это? Как хоть пройти?

– Очень просто. Поворачиваешь с Тверского бульвара на Никитскую, пропускаешь пару переулков, потом сворачиваешь в третий. И вот оно, пожалуйста. От угла там больше ничего нет, так что не перепутаешь.

– Как хоть называется?

– Да не помню я! Созвонимся, если что не так.

– Ладно, в Интернете найду.

– Боюсь, не получится. Заведение открылось недавно, у него может и не быть своего представительства в Сети...

впрочем, посмотри, если хочешь.

«Спасибо за разрешение», – едва не ляпнул я, но вовремя остановился. В Сети, кстати, ничего так и не нашлось. В указанном доме значились какие-то учреждения: салон красоты, магазин постельного белья и местное управление коммунального хозяйства.

День оказался сложный, насыщенный событиями, и время встречи я едва не пропустил. Про кафе чуть было не забыл, вспомнил в последний момент и ринулся на Никитскую. С дорогой повезло – ни заторов, ни транспортных коллизий. Свернул в переулок и метров через десять очутился перед потемневшей железной дверью. Бронзовая табличка рядом должна была что-то сообщать любопытному путнику, но я, как ни силился, так ничего и не разобрал.

Вошел. Над входом тускло звякнул дверной колокольчик. Внутри было полутемно, и в первый момент я вообще не смог понять, нравится мне тут или нет. Первоначальное впечатление не складывалось. Но довольно быстро все начало упорядочиваться. Здесь оказалось очень мило, и, безусловно, своеобразно. Окна под старину – массивные решетки с вделанными в просветы цветными стеклами, похожими на доньшки от бутылок. Под потолком, на четырех кованых железных цепях, колесо телеги, утыканное свечами по периметру. Настоящее колесо, а не подделка как на даче у Стэна. Причем и свечи натуральные, они даже обгорели на разную длину. Другие подсвечники неведомый оформитель распо-

ложил по стенам в каких-то грубых и архаичных бра. Дизайн простейший – кронштейн со свечами, а со стороны стены, в качестве отражателя, тусклые бронзовые пластины. Вообще освещение тут происходило лишь от свечей и окон. С потолка и по стенам зачем-то свисали прозрачные шары. То ли стеклянные литые, то ли наполненные водой. Интересно, как пожарная инспекция разрешила такой декор? Все еще впереди, и оштрафовать и закрыть могут, сейчас это просто. О чем только хозяева думают? Электричество что ли экономят? По-моему свечи дороже. Ладно, не мое дело.

Как только глаза адаптировались к полумраку, удалось найти незанятый столик и оккупировать его.

Сразу же передо мной возникла молоденькая девушка-официантка. Одета она была под стиль заведения. Длинное, в пол, платье простого покроя из светло-серого холста, а на груди какая-то причудливая вышивка. Такой же, как и платье, холщевый чепчик, из-под которого кокетливо выглядывали светло-русые волосы.

– Добрый день. Что будете заказывать?

Только тут я заметил, что меню располагалось прямо напротив входа. На темной деревянной доске кто-то что-то накарбал мелом: со своего места ничего разобрать не получалось. Видимо – меню и есть. Не желая выглядеть дураком, пришлось выкручиваться:

– Здравствуйте. Дайте мне полный мясной обед на ваше усмотрение, но не очень дорогой, и что-нибудь выпить. Пару

кружек эля будет в самый раз.

Почему-то мне захотелось выпялиться: обстановка благоприятствовала. Вот и попросил «эля», а не пива.

– А пива не желаете? У нас сегодня хорошее, светлое. От матушки аббатисы.

– Отлично. Тогда пару кружек. Я жду свою подругу, и когда она придет, еще чего-нибудь закажем.

«Интересно, что за марка такая “От матушки аббатисы”? – подумал я. – Даже не слышал ничего подобного. Впрочем, знаток пивных напитков из меня тот еще. Если реклама не кричит на каждом углу, так и не узнаю никогда».

– Хорошо, – кивнула официантка, – пиво сейчас будет.

Зная по опыту, что в некоторых подобных ресторанчиках принято ждать, иногда долго, я настроился на томительное ожидание и стал разглядывать интерьер. Тут я заметил, что в дальнем конце зала виднеется еще один источник света. На уровне пола имелся великолепно смоделированный огромный камин из грубых диких камней. Оранжевое пламя выглядело вполне естественно, как настоящее, а красные угли казались самыми, что ни на есть настоящими. Над огнем, медленно поворачиваясь, жарилась туша не то барана, не то телянка. Как же все-таки здорово сделано! Я был готов поклясться, что камин и огонь в нем – подлинные, иллюзия была абсолютно полной. Конечно же, это такой оригинальный дизайнерский прием, и ни один здравомыслящий московский ресторатор не позволит себе подобные огнеопасные

излишества. Или я от современной моды давно отстал? Даже запаха жарки нет, – воздух чистый и какой-то древний, как будто даже и не московский.

Однако долго ждать не пришлось. Почти сразу девушка-официантка принесла пиво. В одной руке она несла обе кружки, а в другой что-то вроде маленького черного котла. Я сообразил, что здесь принято платить сразу. Почему бы и нет? В каждом заведении свой устав и свои порядки, если они не противоречат санитарно-гигиеническим и разным прочим нормам.

– Сколько с меня? – предупредительно спросил я.

– Вы впервые у нас? За это особое пиво полмонеты за пинту, обед будет стоить девять монет. Это когда принесут. Но можно и сразу заплатить.

Странная у них терминология. Каких еще «монет»? Удачно вспомнив, что на сленге некоторых московских тусовок «монетой» называют сотню рублей, я сообразил, что обед здесь встанет в тысячу целковых. Ну, ничего. Бывало и подороже.

– Итого десять монет? – зачем-то переспросил я. – Как удачно. Тогда сразу и расплачусь.

Я вытащил пару пятисоток и бросил в подставленную посудину. Девушка с недоумением воззрилась на две красненькие бумажки, но ничего не сказала. Похоже, она просто не знала, что делать. Тут зазвенел мой мобильник. Звонила Стелла. Это как-то отвлекло от происходящего.

– Да? – спросил я трубку.

– Ну? – послышался ее недовольный голос. – Ты что, все еще не вышел? Или уже? А то я ненадолго задержусь.

– «Ненадолго» это часа на два? Я уже на месте.

– Быстро... Ладно, вероятно скоро приеду. Перезвоню тогда, если получится. Не скучай там.

Что значит – «Перезвоню тогда?» Когда это – «тогда»? Официантка тем временем не уходила, явно дожидаясь окончания разговора.

– А вы не ошиблись? – предупредительно просила она. – Вы дали мне две пятитысячные.

– Да? – я посмотрел в «котел». При ближайшем рассмотрении он оказался железным. – Ой, прошу прощения. Ошибся, конечно. – Я быстро забрал пятитысячные купюры, и заменил их одной тысячной. – Я не такой богатый, чтобы оставлять столь значительные чаевые, извинтите уж, – плоско пошутил я. Потом, подумал секунду, и добавил еще пару сотен. – За беспокойство и за вашу честность.

После звонка иллюзия как-то сама собой рассеялась. Стало вдруг очевидно, что и очаг не настоящий, и свечи на самом деле умело декорированные под старину электрические светильники, да и воздух тут никакой не «древний», а просто фильтрованный и кондиционированный.

Стеллы все не было, но я не переживал: иногда хочется посидеть просто так, ни о чем даже не думая. Но мозг без мыслей не может, а умение «останавливать внутренний диа-

лог» считается чуть ли не главным достижением дзен-буддизма. Куда уж мне до столь высокого просветления.

Тут подошел какой-то неприятный на вид тип лет тридцати. Он казался среднего роста, с трехдневной щетиной и в грязноватом сером свитере без воротника.

– Господин скучает? – спросил мужик.

– Да нет... не особо.

– А не хочет ли господин молоденькую девушку?

– Нет, – раздраженно отрезал я. Стало вдруг очевидно, что никакой это не свитер, а слегка тронутая ржавчиной кольчуга.

– О! Вы предпочитаете взрослую женщину?

– Нет! – уже громче отказался я.

– Ой! Простите меня! – извинился тип, и противно осклабился. – Я даже не сообразил. Так господин желает мальчика?

– Пшел к черту, сукин сын! – почти заорал я. Сидящие за соседними столиками с изумлением посмотрели в мою сторону.

Мой собеседник отстал и действительно пошел, но было заметно, как уходя, он не то удивленно, не то расстроено качает головой...

Стоило ему удалиться, откуда-то сбоку возник здоровенный, как шкаф, брутального обличья мужик, с гиреподобными кулаками и глумливой улыбкой на физиономии.

– Что? Не договорился? – громила мотнул головой в сто-

рону сутенера в железном свитере.

– Да, похоже, не поняли мы друг друга, – как можно более обтекаемо пояснил я. – Чем-то смогу быть полезен?

– Не обращай внимания, – неожиданно примирительным тоном пояснил бугай, – Он парень мелкий, незначительный, трудом добывает хлеб свой. А полезным... да, можешь быть. Тебя же Пападакис нанял, если не ошибаюсь?

Несмотря на внешнюю шкафоподобность, неожиданный собеседник изъяснялся на вполне правильном, если не сказать интеллигентном русском языке, без площадных выражений, развязных жаргонизмов и нецензурных словечек.

– Нанял... кто?

– Леонид Пападакис.

– Фамилия незнакомая, – тихо пробормотал я.

– Не назвал, значит. Его дедушка из понтийских греков, а дальние предки происходили от генуэзцев. Вроде бы. Вот парень и унаследовал некоторую генетически обусловленную хитрожопость.

– Это называется – национализм, и бытовой шовинизм, – зачем-то пояснил я.

– Короче так, слушай сюда, – вдруг совсем иным тоном заговорил мой собеседник. – Подружка твоя не придет, пока мы не договоримся. Так что не торопись и на дверь не поглядывай.

В этот момент принесли тарелку с аппетитно пахнущими кусками мяса и с чем-то похожим на вареную картошку. По-

ка официантка не ушла, мы не разговаривали.

– Так что ты от меня хочешь? – наконец, спросил я, уминая за обе щеки. Мясо оказалось выше всяческих похвал. – Или так, за жизнь поговорить? Это я всегда пожалуйста. Хочешь пива? Угощаю, у меня сегодня приступ немотивированного альтруизма.

– На работе не пью. Слушай наше встречное предложение. Как и договаривался, работаешь на Пападакиса, но обо всех его делах сообщаем нам. Отнюдь не бесплатно, разумеется.

– Думаешь, соглашусь?

– Думаю, да. согласишься. Как говаривал дон Карлеоне, предложение, от которого нельзя отказаться.

– А чье предложение-то? – не понял я. – Ты от кого?

– Я представляю людей уважаемых и любимых народом, поэтому с ними лучше быть в стабильных и добросердечных отношениях.

– Тут подумать надо. Можно?

Мой собеседник что-то промычал, а потом сказал:

– Можно, конечно. Вот и думай, покамест тут сидишь. В общем, так. Ничего пока не говори, а чтобы лучше думалось, посмотри-ка на эти вот фотки.

С такими словами бугай отодвинул в сторону мою кружку с недопитым пивом и положил на освободившееся место планшетник. Фотография на экране воспроизводила труп. Очень плохой степени сохранности. Похоже, по человеку проехали бульдозерной или танковой гусеницей. При этом

низ элегантных брюк не пострадал, и щегольские матово блестящие чернотой туфли практически не запачкались.

Не дав мне в полной мере насладиться изображением, бугай чиркнул по экрану толстым пальцем, сменив картинку. Новый кадр изображал крупного, хорошо тренированного и абсолютно голого господина на каменном столе морга. Судя по всему, беднягу перепилили поперек в районе талии. При чем края распила наводили на мысль, что кто-то действовал грубой пилой для разделки древесины.

Последовало новое движение пальца по экрану, и моему взору предстала чья-то голая спина, видимо, мужская. Ничего иного кроме спины не было: очевидно неведомый резчик по живой плоти орудовал быстро, ловко и со знанием дела.

– Достаточно? – по-своему истолковал мое молчание бугай.

– А еще есть? Посмотреть можно? – попросил я. – Очень уж интересные фотографии вы сейчас показываете. Такое нечасто увидишь.

Громила на секунду замешкался, а потом молча продемонстрировал еще с десяток снимков, на которых неизвестный фотограф запечатлел самую разнообразную расчлененку. Общим было лишь то, что тела когда-то принадлежали мужчинам, причем относительно молодым – лет тридцати-сорока. И еще одно: не было ни лиц, ни кистей рук. Они либо выходили за пределы кадра, либо просто отсутствовали.

Все происходящее выглядело абсолютно нереальным, вернее, вполне реальным, но как в киношной действительности или в дурном сне.

– Что, твоя работа?

– Снимал я, – скромно пояснил «шкаф». – Нравится? Залип на фотки? Если не договоримся или языком будешь излишне сильно молотить, у тебя неплохой шанс пополнить этот альбом.

– А кто были эти люди? – как можно более спокойным тоном спросил я. – Или секрет?

– Да никаких секретов. Это те, с кем не удалось договориться, и те, кто вроде бы договорился, но хотел нас кинуть. Ну, как, надумал?

К этому времени я как раз расправился с мясом и закачивал пиво.

– Да, вы были весьма убедительны. Я согласен.

– Верное решение. Короче так, – толстая пятерня выложила передо мной визитку с одним только адресом электронной почты. Похоже, мужик ни секунды не сомневался в моем ответе. – Пиши сюда. Пароль на обороте. Для тебя они очень простые, не ошибешься, специально так подобраны. Запомнил? Давай сюда, – сказав это, бугай забрал визитку и положил во внутренний карман пиджака. – В черновики пиши, самой почтой не пользуйся. О своем согласии и обо всех новых делах Леонида пиши. Кто, когда и что. В каких количествах. Понял, да? Ладно, пока. Инструкции потом по-

лучишь, с тобой еще свяжутся. Пойду я. Да, совсем забыл, – усмехнулся мужик, выложив какую-то бумажку, – вот здесь внутри твоя карточка. Для гонораров. – Бугай ткнул пальцем в бумажку, – внутри запечатаны пин-код и все прочие данные.

Да, реальность начинает мерцать. Во всяком случае, в моем сознании, а это – дурной признак. Надо бы сменить обстановку и образ жизни, а главное – место существования.

В результате, подумал я, подумал, да и решил принять сразу оба «коммерческих предложения» Леонида и этого шкафоподобного мужика. Достал свой мобильник, позвонил и договорился о времени и месте подписания трудового договора. Подруги все не было, хотя прошло уже минут сорок-сорок пять. Дальнейшее ожидание показалось излишним и бесполезным, но я все-таки позвонил. Оказалось, у предмета моих ожиданий резко разболелась голова, и наше свидание переносится. На когда? Может, на завтра... или – нет, лучше на послезавтра... или через два дня... может быть.

Я доел, наконец, свой обед. То, что первоначально показалось вареной картошкой, на деле оказалось отварной репой. Забавно, давно такого не пробовал.

Еще с детства мене постоянно прививали обостренное чувство ответственности перед кем бы то ни было. Перед людьми... перед собой... перед обществом. Внушали, что школа, учеба и работа – высшие ценности человеческого бы-

тия. Я мог болеть, температурить, маяться животом, страдать от депрессии... все равно – вставай и иди. Неважно, что толку от такого больного и депрессивного меня там, куда пойду, не будет. Главное – трудиться, ибо надо. Если уставал, чего-то боялся до ужаса, хотел есть, растягивал сухожилие на ноге – затыкался и терпел. Молчал, потому что все вокруг тоже уставали и превозмогали себя, а я – эгоист, слабак и нытик. Все терпят, значит, и мне потерпеть надо. Уже тогда пришлось усвоить: эгоист – слово ругательное и обидное.

Если я хотел найти удобное для себя место, или мне казалось, что там лучше, чем здесь, а эта клубничка самая спелая, или предложение более выгодное... Да что угодно. Нет, нельзя! Лучшее отдай товарищу, а на большее не претендуй. Все равны и у всех все должно быть равное, а коли хочешь отличаться, то опять же – эгоист, нахал и нехороший мальчишка. Не высовывайся. Не выделяйся, ты не лучше других, не интересней и не важнее, твоя жизнь равноценна любой другой. Ты никто, всего лишь часть общей массы, но масса сильна в своей общности, а сила только в коллективе. Работа это все, и ради нее надо рвать задницу. Нельзя болеть, быть слабым и уставать, а надо работать, работать и работать. Нельзя выкидывать еду, теоретически пригодную одежду тоже. Богатый что ли? Ты заработал те деньги, на которые это было куплено? Нет? Вот носи и терпи, Терпи и ешь, не хочешь – отложи на черный день. А знаешь, как было в войну? Нет? Спроси у прадедушки. Поздно уже? Тогда в книжках

почитай. Хочешь более современную куртку? Фасон не нравится, приятели над тобой смеются? Посмейся вместе с ними. Да, над собой. И снова терпи – у твоих родителей, дедушек и бабушек в твоём возрасте и такого не было, а ты избалованный эгоист. Ты не можешь быть доволен собой, потому что ты никто, права голоса у тебя нет. Поэтому – учись. Тебе надо сначала кем-то стать, а уже потом вякать. Молчи и становись этим самым кем-то.

Примерно такими вот утверждениями меня и воспитывали. Честно говоря, сильно подозреваю, что все происходило от менталитета ещё советских времен. Потому что учеба и работа на благо общества превозносились, как самое важное. Личность обесценивалась, потребности и самореализация тоже. Главное – что? Себя загнать, но план выполнить. Думаю, в детстве меня воспитывали как удобного ребенка, а вместе с идеологией – послушного обывателя.

Да, в подростковом возрасте я был чуть более чем закомплексован. Все начало меняться с университетом, когда сменился круг знакомых, и он, этот круг, значительно расширился.

Мнение старших родственников стало терять свое превосходство. Когда я вырос и стал общаться с абсолютно другими людьми, видеть жизнь во всем многообразии, душевный покой покачнулся, потому как большую часть прежней жизни только и учился, что забывать о себе, отказываться от многого желаемого, корить себя за слабости, эгоизм и страхи. Но,

как оказалось, все можно! Можно бояться, хотеть есть, открыто уставать, и делать то, что удобно только мне, а не окружающим! Кроме того, в восемнадцать лет самому стало понятно, что жить нахлебником неприлично, и надо бы как-то самоопределиться в плане постоянного заработка. Во многом я успешно перестроился, кое-где даже слишком, но отдельные качества и черты, втертые в детско-юношеском возрасте, как мне кажется, не вытравить уже ничем. Возникли некоторые проблемы и трудности.

Независимая жизнь, жажда делать что-то лишь для себя и исключительно своим умом задала неожиданные вопросы. Например, в компании идем смотреть интересное кино. Если билеты без мест, радостно устремляюсь к наиболее привлекательному, с моей точки зрения, сидению. Остальные начинают высказывать недовольство. Как же так, ведь мы друзья-приятели, пришли вместе, толпой! Значит, сидеть надо общей кучей. Зачем? Мне удобно тут, а от физического прикосновения к телам приятелей фильм интереснее не станет. Все обижаются, значит, сделал нечто нехорошее. Но что? Не хочу понимать. Исключение – парный поход в кино с девушкой, но это уже совсем другая история. Другой пример. Предлагаю что-то замутить. В ответ заявляют о неприятии моих идей по каким-то особым причинам. Отвечаю, что тогда займусь этим для одного себя, в гордом одиночестве. Тут опять обиды, и снова не понимаю на что. Вообще, если меньше обращать внимание на других и тихо занимать-

ся своим делом, то градус дружелюбия понижается сразу и значительно. А мой уход с работы вообще был воспринят как предательство по отношению к коллегам, хамское высокомерие и жажда наживы.

При таких установках, если неправильно оптимизировать жизнь можно сделаться как свободным независимым гражданином Мира, так наглой сволочью, ставящей свое благополучие превыше интересов близких людей. Кстати – одно не исключает другого. Зато сколько лишнего мусора удастся выкинуть из своей жизни, благодаря такому утилитарному подходу! Сколько времени сэкономить на важные и интересные для себя дела. Тут главное – не потерять чувство меры, не нарушить грань между своим и чужим. Не скатиться в откровенное жлобство, не одичать, не уйти в глушь. Иначе из свободного гражданина можно незаметно превратиться в дикого йети.

Короче, решение «работать на два фронта» было для меня вполне естественным. Особых раздумий и нравственных терзаний не потребовало.

10. Ключи

Первое, что я сделал при встрече с Леонидом после прибытия в его владения, это рассказал историю своей вербовки.

– Как, говоришь, он выглядел? – заинтересованно спросил

Леонид.

– Здоровенный такой мужик с противной рожей. Кулаки как две банки.

– Да? Точно он. Знаю, о ком речь. Вот ведь сволочь! – расхохотался мой наниматель. – Ладно, так сделаем. Я буду давать тебе текст, а ты переписывай своими словами в тот почтовый ящик, что он тебе предоставил. Может очень забавно получиться.

– Объяснишь, кто это? Во что я вляпался?

– Тебе оно надо? Старинный принцип – «меньше знаешь, крепче спишь» – еще никто не отменял.

– Тоже верно... а твои предки, правда, из понтийских греков? – зачем-то спросил я.

– Правда, правда. И про генуэзцев тоже. Ладно, хватит об этом. Давай-ка лучше пройдемся по дому. Покажу, что там, да как. Но сначала – ключи, – произнес мой теперь уже работодатель, вручая три связки на стандартных металлических кольцах, – давай с ними сейчас разберемся. Эта пара от ворот. Большой – от створок, его ни с чем не перепутаешь, а плоский отпирает калитку. Теперь вторая связка. Этот – от передней двери дома, этот – от задней, на террасу. Третья связка – внутренняя. Самый главный от замка в двери, что между котельной в прихожей. Маленький, круглый – от щитка с информационными кабелями. Этот для холодильника, но его не запираю никогда, этот – для электрощитка, тоже не запираю, этот – от всех балконных дверей, там замки оди-

наковые. Запомнишь? Хорошо... Разберешься, в конце концов. Остальные двери только на задвижках. Вообще, в доме еще несколько запоров, но они тебе не понадобятся, и ключи ни к чему. Так... что еще? Ничего не забыл? Да, копии всех ключей имеются в доме, в ящике письменного стола, покажу потом.

– Подвал?

– Подвала у меня, к сожалению, нет. Дом построен на ленточном фундаменте, а под полом только гидроизоляция и утепление из минеральной ваты. Как и под крышей, и в стенах, кстати.

Дом Леонида внешне был аналогичен дому Стэна, но, по утверждению моего нанимателя – «строился по облегченному проекту». Следствием такого «облегчения», кроме отсутствия подвала, стала иная структура стен и крыши, а также необходимость постоянного отопления жилища в холодное время года.

– А этот что? – спросил я, показывая на плоский медный брелок. Затейливая гравировка: правильная гексаграмма, окруженная несколькими кольцами с непонятными буквами и странными символами. По четырем сторонам круга лепились маленькие кружочки с пентаграммой в каждом.

– Это... это так просто. Брелок. Красивая побрякушка, одна бывшая подруга на память подарила. Держать его при себе мне не хочется, а вот на дачной связке – самое место. Пусть будет. Ладно, пошли разделаемся, наконец, с осмот-

ром.

Несомненно, главной комнатой была гостиная. Здесь стояли деревянные, самой простой конструкции стол и стулья, в углу – импозантный камин из дикого камня, достаточно просторный, чтобы зажарить целого поросенка. Справа и слева от камина – по креслу. На глаз гостиная занимала большую часть площади этажа. Застекленная дверь вела на широкую террасу. Войдя в гостиную, мы остановились посреди комнаты по сторонам обеденного стола из потемневшего от времени орехового дерева.

Леонид для интерьера своего дома избрал популярный ныне рустикальный стиль. Уверенный, спокойный, даже в чем-то brutальный. Надежный. Не исключено, что причиной популярности стало именно ощущение уверенности и спокойствия, что излучают такие интерьеры. Грубо обтесанный, или дикий камень, толстые некрашенные доски, небеленая холстина в качестве занавесок, простая посуда, минимум декора. Только горожанин, дитя прямых углов и пластиковой эстетики, способен умиляться каменной кладке, дощатым полам и тяжелой топорной мебели. Человек, выросший в стерильном городском пространстве, тянется к тому, чего ему не хватает в привычной среде, поэтому для своих летних резиденций выбирает рустикальный интерьер. Тяготеющих к этому стилю уже не удивить ни классикой, ни модерном, ни футуристическими изысками. Эти люди ищут комфорта в чем-то простом, негламурном, не затасканном мод-

ными журналами и глянцевыми каталогами.

В гостиной мое внимание привлекло также зеркало в стиле модерн метра два высотой. Очень уж резко оно диссонировало со всей остальной обстановкой, к тому же до смешного походило на то, что я как-то видел на даче в Озерках, в Петербурге. Как потом случайно выяснилось, зеркало действительно оказалось не просто похожим, а тем самым. Попало оно сюда со старой питерской дачи не без моего участия. Сначала я рассказал о нем Стэну, потом он заинтересовался и купил его у подруги моего приятеля и привез себе на дачу. Потом у него перекупил сосед Леонид. Был в гостях, увидел, возжелал иметь и уговорил продать. По-моему, зря он так поступил. Помню я это зеркало, чем-то оно мне не нравилось. Так и казалось, что по ночам из него вылезают какие-то нечистые силы и путешествуют по дому до самого утра. Стэн тоже сначала радовался такому антикварному приобретению, потом по-моему стал его опасаться, а после продал соседу. И его можно понять! Ведь еще наши бабушки крайне осторожно и с опаской относились к зеркалам вообще, а уж к подобным тем более. Причем, неважно даже, к какой вере или традиции они себя причисляли.

Откуда это пошло? Ведь зеркало считалось особым предметом практически для всех вероисповеданий, народов и культур. Существовала уверенность – спящий человек отражаться в зеркале не должен. Тут и астральный дух, что, по легенде, вылетает из тел людей во время сна. Заглянет та-

кой блуждающий дух в зеркало, втянется в зазеркалье, а выбраться уже не сможет. Есть мнение, будто именно зеркала высасывают из человека способности и жизненную энергию, что впоследствии негативно сказывается на здоровье и самочувствии. Говорят, верящие в это люди ночами мучаются от бессонницы, плохо высыпаются, делаются нервными и раздражительными. Да и не очень-то приятно увидеть себя в темном отражении. Светотени играют с нами в странные игры: пугают, рисуют страшные картинки и некрасивые образы. Однако многие твердо убеждены – старые зеркала способны впитывать и накапливать информацию и дурную энергетику. Хранят былые ссоры и неприятности, держат в себе негативные эмоции, прячут в своих глубинах разные нехорошие сущности. Именно по этой причине, когда обставляют новое помещение, особое внимание уделяют старым зеркалам. Конечно, большинство из этих примет – лишь мифы, и только вам решать, верить в них или нет. Главное почаще улыбаться возле зеркал, дабы в них сохранялась лишь положительная энергетика вашей личности и внутренней доброты.

Вторым, выпадающим из общего контекста предметом, был монументальный старинный шкаф или буфет с витыми колоннами из мореного дуба. Черный, массивный, на вид прочности невероятной, мебельный раритет возвышался практически до самого потолка. На дверцах – накладная резьба, наверху – резной герб в форме рыцарского щита.

– Вроде бы ничего не пропустил, ничего больше не забыл? – спросил Леонид, когда мы закончили обход и все осмотрели. – Ладно. Тогда давай посидим, чего-нибудь съедим, и вспрыснем твое, так сказать, вступление в должность. Я – чисто символически, еще машину вести. А ты можешь не стесняться.

Вскоре мы уже сидели за столом и потребляли бутерброды с холодным мясом. Я запивал местным живым пивом, а Леонид предпочитал грейпфрутовый сок, что купил по дороге.

– По-моему, тебе уже пора лечиться у психиатров, – засмеялся я, дожевывая очередной бутерброд. – Специалисты подберут нужные таблетки, и странные идеи перестанут тревожить твой ум.

– Все уже было, – невесело усмехнулся Леонид. – Прошел полный курс после заключения. И знаешь что? Лечение помогло. На какой-то период всякие неприятные способности перестали беспокоить меня. А еще, в дополнение ко всему, я на некоторое время сделался тупым и глупым... Это только потом разобрался что к чему... Ладно, к делу. Теперь что касается того прошлого инцидента с вызовом полиции. Наш общий друг просто не знает некоторых подробностей и деталей здешней жизни. Вернее, не хочет знать. Убийство здесь произошло сразу после революции. Очень скоро там случился пожар, и от дома остались только обгорелые развалины, а еще позже не сохранилось и развалин. Потом, уже в наше время, на этом месте построился теперешний житель, кото-

рый плевать хотел на всякие там потусторонние эффекты. Говорят, что пока он тут живет – все спокойно, и ничего не появляется. Но стоит ему уехать, как картина почти вековой давности может проявиться, лишь бы совпало несколько обстоятельств.

– Фантастика какая-то... дом с привидениями получается?

– Ну, грубо говоря, да. При этом обязательно наличие ряда условий, чтобы обстановка соответствовала. Поздняя весна, лето или ранняя осень, похолодание после грозы. Сумерки. Полнолуние⁴. Может и еще что-то, о чем я пока просто не знаю. Но главное – чья-то сильная воля. Кто-то из здесь присутствовавших гостей вызвал это явление. Причем – нарочно. Как говорили в старину – «навел чары», видимо условия позволяли. Еще Роджер Бэкон, опережая свое время, пытался объяснить эффективность заклинаний и заговоров тем, что они делаются в удобный момент.

– Вызвал явление? Зачем? Чтобы выдать себя? – я не сомневался, что меня разыгрывают. – Кого-нибудь припугнуть? Или просто так, для повышения собственного эго?

– Ты у меня спрашиваешь? Это не я вызвал, а кто-то, и не знаю зачем. Вдобавок этот кто-то прекрасно знал детали того давнего убийства.

– А как же полиция? – спросил я, вспомнив хмурые физиономии блюстителей порядка.

– Полиция в курсе той старой истории. Но! Мало ли, мо-

жет в действительности теперешнего хозяина убили? Как тогда? Вот они и приехали, не могли не приехать – как-никак пришло сообщение о преступлении. Здесь они сразу все поняли, провели формальный опрос, и быстренько убрались назад. Представляю, как они потом матерились.

– Мистика какая-то. Фантастика.

– Да, звучит фантастически... Ладно, пока не заморачивайся. Всему свое время.

Потом мы еще о чем-то поговорили, а когда Леонид уже собрался уходить, я спросил:

– Слушай, а если что-нибудь случится, и мне потребуется срочно уехать? Мало ли как бывает...

– Раньше надо было думать, – засмеялся мой наниматель. – Контракт подписан, а там что четко обозначено? Правильно, сидишь тут безвылазно до весны! Ладно, не пугайся. Если что, договоримся. Что ж я, сволочь какая, не понимаю ничего? Могу и отпустить на денек. Опять же, может и приеду на пару дней, а в такие моменты твое присутствие даже нежелательно. Главное – чтобы внутри дома градусник ниже плюс семи не показывал. Кстати, незваных гостей не бойся, оружия тут хватает, как и обещал. Пойдем, покажу.

11. Первая ночь

Первую ночь долго не удавалось заснуть: я вообще плохо сплю на новых для себя местах. Потом все-таки уснул, но

часто просыпался от каких-то почти кошмаров и скверных ощущений.

Сначала приснилась потусторонняя больница со стариками и старухами в палатах. Кругом аккуратненько, чистенько, но невыносимо скучно и до жути однообразно. Палат великое множество, а коридор, куда выходили все двери, казался бесконечным. Он изгибался, раздваивался, давал тупики, но один выход все же имел. Один-единственный. На лестничную площадку. Мне никак не удавалось покинуть этот лабиринт, и уйти от всех этих бабушек и дедушек, в гости к которым я заходил: какая-то дьявольски-красивая охранница или стражница на площадке у выхода из отделения запрещала путь на лестницу. К свободе. Стражница была в черных кожаных штанах в облипушку и в шипастых ботфортах выше колен. Она обладала голым торсом с модельными формами, улыбкой Терминатора и длинным кнутом в руке, которым время от времени громко щелкала.

После пробуждения долго ворочался, не мог выбрать наиболее удобную позу. А времени было – три часа пополуночи.

Понятно, что когда захочется спать по-настоящему, то этому уже ничего не мешает, никакие особые способы не нужны, закрыл глаза и заснул. Но бывает, что спать еще очень хочется, а надо, либо хочется, но никак не выходит. То какие-то ненужные мысли мешают, то звуки посторонние, а то уснешь, было, а потом сразу же проснешься, и так много раз.

Лично мне ни пересчитывание овец, ни самовнушение не помогало никогда: мозгу это быстро надоедало, и он срывался на другие размышления. Простое рекомендованное в детстве: «закрыть глаза, свернуться в позу эмбриона и ни о чем не думать» тоже не безотказно. Однако еще в юности я открыл для себя усовершенствованный вариант предыдущего способа. Сначала усилием воли мысли из головы выбросить, особенно интересные и важные, которые хочется думать. После этого наблюдать калейдоскоп, в который смотрит мысленный взор. В общем-то, засыпающей воле остается выполнять пассивную роль – отгонять лишние думы, но как бы невзначай, не усилием, а мягким воздействием. Хранить внимание сконцентрированным на калейдоскопе. Правда, у такого метода засыпания есть побочный эффект – сны получаются фантазмагорическими, пугающими. Зато прием практически всегда помогает уснуть.

В тот раз не помогало ничего.

Тогда пришлось включать свет и читать, но не вышло. Неожиданно испортилась моя читалка. Вернее, не испортилась, а продавилась. Я на нее просто-напросто облокотился, забыв, что оставил рядом с собой, у одеяла. Не выдержав давления локтя, экран треснул, изобразив что-то похожее на паучью сеть. Теперь этот букридер можно выкинуть со спокойной душой и чистой совестью – стоимость дисплея и услуги мастера превышали цену за новое устройство. Трагедия казалась столь горькой, что я впал в нечто вроде черной мелан-

холии. Заказать новую читалку можно хоть сразу, но привезут-то завтра, да и то, если оплатить экстренную доставку. А как она работает эта экстренность в тутошной глуши? Этого я не знал. Повода пока не возникало.

В конце концов, пришлось встать с постели и пройти к стеллажику, заставленному похожими на книги коробочками с видеодисками. У моего нанимателя оказалась не только богатая фантазия, но и обильная фильмотека. По-моему, об этом я уже говорил.

Что бы такое посмотреть-то? Закутавшись в плед, как старая бабушка, я сделал себе чаек и отправился искать что-нибудь подходящее под настроение. После запрета на бесплатный просмотр и скачивание из Сети художественных фильмов, жизнь потеряла одно из своих недавних приобретений. Сетевая полиция вместе с Федеральной службой информационной безопасности бдительно следили, и любой, даже самый продвинутый пользователь какой-нибудь анонимной сети рисковал схлопотать по всей строгости закона. Безопасники отслеживали «пиратов» на раз. Не спасли ни TOR, ни I2P, ни другие «подпольные» прокси-сети и анонимайзеры. Нарушителей находили, привлекали и строго карали. Для начала – штраф и временное, до уплаты штрафа, отключение от Сети, потом – более высокий штраф и физическое отключение на полгода, а при последующих рецидивах – исправительные работы или тюремное заключение. Но до заключения доходило редко, обычно суд удовлетворялся работами.

Рисковать не хотелось даже в такой глухомани – отлучение от Интернета я бы не перенес.

Итак, что тут у него? Боевики, детективы, какая-то фантастика... Все это я уже видел, а кое-что и не раз. Нет, вру. Некоторые вещи вообще не смотрел. Или неприятно, или противно, или просто скучно. «Не мое», как сказано у классика. Может, что-то вспомнится, и опять что-нибудь захочется пересмотреть? Я неторопливо перебирал плоские коробочки, читая аннотации на обложках.

«Без наркоза». Жанр – драматический триллер. Сюжет закручен вокруг личной жизни хирурга с анестезиологом и об их сложных взаимоотношениях с умной и сексапильной пациенткой.

Недавно смотрел, еще и месяца не прошло.

«Стальная бабочка». Криминальный триллер. Беспризорники зарабатывают на пропитание дерзкими ограблениями. Попавшись в очередной раз...

Почему-то не захотелось.

«Белая смерть». Прошло полтысячи лет после ядерной катастрофы. Человечество впало в средневековое мракобесие. В книге рассказывается, как люди заново выбираются из темных веков, но потом вновь сталкиваются с ужасами ядерной войны....

Нет уж, спасибо. Может быть в другой раз, под настроение.

Тут я наткнулся на коробочку с диском воткнутую как-

то боком, так, что она торчала из общего ряда. «Дом-призрак». Индийский фильм ужасов. Индийский? Ладно, можно и рискнуть, пожалуй. Как раз подходит под теперешнее настроение. Интересно, как же я раньше-то пропустил этот фильм? Вроде еще днем все тут перелопатил, и не один раз, а вот поди ж ты...

В общем, фильм разочаровал. Жанровый микс из триллера, ужасов, детектива и музыкальной индийской мелодрамы. Смотрится как комедия. Сюжет, конечно, запредельно бестолковый. Все происходит в особняке с темными тайнами в прошлом и привидениями в настоящем. Главный герой приехал туда для завершения продажи дома, что начал еще его отец. Здесь и обнаружилось, что некая загадочно-мистическая сила пыталась разрушить сделку. Однако пока главный герой исследовал необъяснимые явления, он влюбился в призрак девушки! О продаже уже забыто, тайна дома стала основной проблемой в жизни главного героя.

Не оставляло ощущение *deja vu*. Нечто подобное я где-то уже видел, причем не раз. Большинство находок слизаны с других творений мирового кинематографа. Видимо, сценаристы, изучая западное наследие, пришли к небезосновательному выводу, что под такой жанр можно засунуть любую собачью чушь. При спецэффектах, мол, и не то сойдет. Правы, вообще-то...

Не досмотрев до конца, остановил диск, вынул его из плеера, вложил в коробочку и вернул на место.

Пришлось обратиться к небольшой бумажной библиотечке хозяина, что скромно спряталась на узком стеллаже перед входом в гостиную, напротив полка с дисками. Содержание примерно то же, что и у фильмов. В принципе, ничего так собрание, обещало. Боевики, детективы, фантастика. Имена большинства авторов неплохо знакомы, зато некоторых – или совсем не читал, или только слышал. Правда, был любимый Желязны, несравненный Стивен Кинг, бесподобный Айзек Азимов. Обожаемый мною Саймак, и ни что-нибудь там, а практически выученный наизусть «Заповедник». Может, опять? Все уже читано-перечитано. Не сейчас. Разве только в самом крайнем случае.

Что там еще читабельного? «Гости». Фантастический роман написал какой-то Крис Рауф. Ничего не слышал об этом авторе. Сюжет заключается в том, что к Земле прилетает чужой звездолет. Огромный космический город, что тысячелетия, по земному исчислению, стремительно двигался в сторону нашей планеты. Как позже выяснилось, предки обитателей звездолета обнаружили: прямо к ним летит блуждающая нейтронная звезда. Космический монстр, согласно расчетам местных ученых, через сотню лет разметает звездную систему и погубит их мир. В оставшееся до катастрофы время создается звездолет-ковчег и отправляется в сторону подходящей для жизни планеты, вращающейся вокруг малоприметной звезды – желтого карлика, которому примерно миллиард лет предстоит светить относительно постоянно. Толь-

ко вот незадача – планета уже занята. Там хозяйничают разумные аборигены, которые уже овладели ядерной энергией, вышли в космос и даже умудрились замусорить орбиты вокруг своей планеты. . . Не особо оригинально, так скажем. Ну ладно сюжет вторичен, хотя, что уж кривить душой – шестиричен, но неуважительный расчет автора, что его читатели тупее всех тупых, просто расстраивает.

А это что за яркая обложка? Так, аннотация. «После глобальной катастрофы на Земле воцаряется хаос, где помимо всевозможных болезней, голода и разрухи, свирепствуют банды одичалых мутантов. Немногочисленные выжившие нормальные люди селятся разрозненными группами, балансируя на грани вымирания. Но вот появляется герой, в руках которого находятся ключи к возрождению цивилизации». Автор – некий Дэннис Клэнси. Никогда не читал. Нет уж, спасибо. Почему-то не прельщают меня подобные истории.

Смотрим дальше. «Хозяин утренних снов» Роберта Снейка. Ужасы и мистика. Некая девушка получает в наследство старинное загородное имение с подозрительной репутацией. По слухам, много лет назад при таинственных обстоятельствах в этом доме пропали все жители. Подробности неизвестны. Но тут новая хозяйка находит дневник, в котором, возможно, отыщется разгадка. По мере чтения обнаруживаются неожиданные связи пропавших людей и самой героини. Она узнает удивительные вещи о своей семье и намерена

во всем разобраться, несмотря на грозящую ей опасность... Может, это почитать?.. Нет, не сейчас.

Еще попался «Город утерянных встреч» Кена Вайта. Жанр – фантастический триллер, киберпанк. Судя по описанию, дело происходит опять-таки в каком-то неприятном будущем, где новый технократический мир подчинен глобальной сети, способной контролировать разумы обывателей. Рискуя жизнью, ранее незнакомые молодые люди – три парня и две девушки – пытаются свергнуть ненавистный режим и изменить судьбу человечества. По ходу сюжета с ними случаются всякие приключения, в частности – сексуальные. Вроде напоминает «Матрицу». Почитать что ли?

Но книга сразу «не пошла». Явно не «Матрица». Вполне своеобразная задумка, только вот воплощение не ахти. Читать тягостно, текст написан гнетуще, да и образы героев какие-то картонные. Диалоги неестественны, поступки шаблонны.

В конце концов, пришлось отложить книжку.

Чая уже не хотелось. Я распечатал очередной пакет сока, из тех пачек, коими так щедро снабдил меня Леонид, и отправился в обязательный обход, благо регулярная проверка дома не казалась таким уж длинным и обременительным занятием.

Потягивая через трубочку сок, я заглянул в нижний санузел, в котельную, проверил электрощитки, запоры, давление в водопроводе, отопление. Системы работали на мини-

муме, в экономном режиме – воздух не прогрелся теплее четырнадцати градусов. Только в моей спальне поддерживалась температура выше двадцати. Пронизывающий, мертвящий холод. Бродить по дому ночью – изначально плохая идея. Не избежать давящей тишины, мурашек на теле и чувства тревоги. В таком состоянии любой шум и даже случайный сквозняк можно принять за нечто паранормальное. Оставалась только гостиная, верхний санузел и столовая с камином, а потом все. Может, и спать захочется.

Когда добрался до столовой, то тщательно осмотрел камин, плиту, проверил заслонки, и хотел было возвращаться в свою комнату, как вдруг зачем-то подошел к громоздкому шкафу в углу, вернее, буфету. Буфет этот выглядел старым, потемневшим от времени сооружением из струганного мореного дуба, с витыми колоннами по краям. На вид ему (шкафу, а не дубу) было лет, наверное, двести. Как тогда сказал мой работодатель? В шкафу разные личные вещи, что и выбросить жалко, и дома держать не хочется. Вот сейчас и глянем, чего жалко и не хочется держать нанимателю. Или хозяину? Вообще-то, один хрен, лишь бы платил.

Понимаю, лазать по чужим шкафам неэтично, некрасиво и даже незаконно. Ну, а с любопытством, что прикажете делать? Многих оно сгубило, не только ту кошку из пословицы. Человек мало того, что любопытен, но еще слаб и податлив в придачу. Да и не узнает никто. Недолго думая, при помощи пассатижей согнул из проволоки несколько отмычек,

немного повозился с простеньким запором, и довольно быстро замки сдались. Не все сразу. Какие-то оказались проще, с какими-то пришлось повозиться.

Дольше всех не поддавалась правая створка, вернее, дверца метра два высотой. Когда же она все-таки раскрылась, я обалдел. В первый момент почудилось, что там стоит живой человек. Девушка. Она хитро блестела своими живыми карими глазами и слегка улыбалась пухлыми губами широкого рта. Красивая, молодая, с волнистыми рыжими волосами. Совсем голенькая. Рядом висел легкий халатик, а внизу стояли кокетливые босоножки. Но наваждение быстро прошло, и стало ясно – это кукла в натуральную величину. Необыкновенно живо и подробно исполненная очень качественная подделка, изображающая спортивную девушку, не лишенную своеобразного очарования. Вероятно, передо мной была та самая «correct doll» – «правильная кукла», предназначенная для развлечений в качестве секс-игрушки, о которых все знают, все слышали, но мало кто трогал.

Как-то однажды в теленовостях прошел сюжет, как среди бела дня на полицию одного итальянского города обрушился шквал звонков. Минут за десять поступило около сотни сообщений о раненой женщине на обочине автострады. К месту трагедии примчались сразу три полицейские машины и «скорая». Тревога сменилась оцепенением, а через некоторое время всеобщим хохотом. На дороге лежала силиконовая кукла correct doll – одна из участниц рекламной фото-

сессии. Съёмки проходили трое суток: на природе, у обочины дороги, на автостоянке, на мосту, днем и ночью. За это время приключилось немало забавных ситуаций, ведь correct doll на первый взгляд неотличимы от живых: их облики скопированы с подлинных девушек, поэтому так реалистичны. Головы и конечности, даже пальчики сгибаются как у настоящих людей. Причем, по заверениям фирмы-изготовителя, на ощупь искусственные тела вполне можно спутать с подлинными, живыми. Correct doll изготавливают из литого силикона, снабженного металлическим шарнирным скелетом. Поэтому все, вплоть до цвета кожи, веса тела и фактуры волос «идентично натуральному». Хорошо, хоть итальянские полицейские оказались людьми нормальными и с хорошим чувством юмора, а то устроителей фотосессии ждал бы немалый штраф за нарушение общественного порядка и создание аварийной ситуации на автостраде. Как потом ехидно сообщила тележурналистка – стоимость подобной куклолки примерно соответствует цене не очень дорогой новой иномарки.

«Однако Леонид дает! Какой, оказывается, затейник, – весело думал я, с интересом разглядывая куклу. – Ему что, настоящих недоставало? Потянуло на искусственных девушек?»

В какую-то секунду мне показалось, что кукла моргнула и пошевелилась. Я больше не мог выдерживать этого, закрыл дверцу шкафа и запер замок.

Считается, что создание человекоподобного робота-фе-

миноида дело далекого будущего и фантастических романов. На самом-то деле, их уже несколько лет производит ряд фирм, продукция которых весьма популярна на рынке специфических услуг и пользуется высоким спросом. Такого робота можно уложить в удобную позу или поставить приятным для пользователя ракурсом, чтобы употреблять потом со всей пользой. Главное – естественные формы, наличие соответствующих функций, встроенных и сменных опций. Упругое, как живое теплое тело, способность к специфическим движениям, соответствующие звуки. Естественно, имеется линейка форм для всевозможных потребителей. У всех же различные предпочтения. Пока суперреалистичные куклы величиной с человека не могут ходить и говорить. Зато способны совершать характерные ритмические движения и стонать, причем делают все это вполне естественно. Несмотря на высокую стоимость, производители не справляются с потоком заказов.

Помнится, был такой фантастический роман, где под видом роботов, продавали живых людей, вернее, в комплекте с роботом, богатый клиент покупал живой оригинал с подправленной психикой и модифицированными мозгами. В отличие от робота-феминоида такие «куклы» могли и ходить, и говорить, и вообще все могли, только они ничего не помнили из своего прошлого, а единственным своим предназначением считали сексуальное удовлетворение хозяина. Робота можно было показать близким друзьям, а с оригиналом

приятно провести время. Или еще проще – живая кукла просто оставалась как постоянная любовница, а ее глупость ни у кого не вызывала удивления. Естественно, покупатели все понимали, но им было пофиг. Полицейскому расследованию мешают коррумпированные полицейские и влиятельные чиновники – потребители данной продукции. Потом, как водится, главный герой – проницательный частный сыщик проникает в логово преступников, собирает неопровержимые улики и передает всеобщей гласности через знакомую журналистку.

Кукла в шкафу тоже выглядела пугающе живой, пугающе реалистичной. Похоже, что у меня присутствует скульптурофобия – боязнь скульптур, восковых фигур, манекенов и других человеческих муляжей, изображающих вроде как разумное существо. На первый взгляд может показаться, что сей душевный недуг выдуман каким-нибудь остряком или юмористом, но это совсем не так. Как позже объяснил знакомый психиатр, людям, страдающим такой боязнью, вовсе необязательно обращаться за помощью к врачу. Они совершенно здоровы, эти люди, а их паника – вполне закономерная реакция на подобное безобразие. Надо ж такое придумать – людей изображать! Тут каждый нормальный человек просто обязан испугаться. Сама идея создания объемной копии человека должна внушать если не ужас, то крайнюю настороженность.

«Надо же, какая у людей жизнь интересная! – продолжал

думать я. – Сидишь, скучаешь, а тут вон оно что! Как в анекдоте – девочек сначала интересуют куколки, а мальчиков – машинки, а потом – наоборот».

С другими створками проблем оказалось меньше. Видимо, раньше шкаф служил именно буфетом, и лишь потом чья-то твердая рука и злая воля провели модернизацию: переоборудовали в хранилище всякого разного, не предназначенного для посторонних глаз.

Ничего не трогая, я довольно долго стоял и разглядывал остальное содержимое шкафа, ведь хранились там вещи весьма занимательные. Не такие крупные и завораживающие, как *correct doll*, но тем не менее. Разделочная деревянная доска с темным, словно прожженным отпечатком чей-то руки; громадный, явно кованый железный гвоздь, древний и ржавый; черного стекла обвитая позеленевшим металлом бутылка в форме луковицы. Интересно, что горлышко бутылки было залито чем-то похожим на обыкновенный битум, и запечатано причудливой печатью. Так и казалось, что открой я этот сосуд, оттуда сразу же выскочит ошалевший от многотысячелетнего заключения джинн... Рядом стояли: человеческий череп из красной меди, приделанный к круглой подставке с какой-то выпуклой трудноразличимой надписью. Какая-то небольшая бронзовая табличка в форме рыцарского щита с чьим-то именем латинскими буквами (от католического гроба ее оторвали, что ли?). Много там всего было, и, по-моему, все эти предметы вполне колоритно

смотрелись бы в какой-нибудь пафосной квартире. Лишь бы поставить красиво да оформить соответствующим образом. Ради, спрашивается чего, такие интересные предметы мой приятель запихнул сюда, а не выставил на всеобщее обозрение? Например, куколку correct doll можно усадить в кресло перед камином, а прочие диковины вполне органично смотрелись бы на каминной полке, все равно ведь пусто. Я бы на месте хозяина так и поступил. Красивые же штуковины.

Вдруг внимание привлекла задвинутая к задней стенке шкафа каменная плитка с выемкой в форме человеческого следа. Я взял ее в руки и стал разглядывать. Видимо, дизайнерская пепельница. Размером примерно с лист бумаги А4, может чуть длиннее, толщиной – сантиметров десять. Края как будто абразивной дисковой пилой обрезаны, по-моему – базальт. Плитка оказалась довольно-таки увесистой, но не это притягивало внимание. След. Он был не выточен, как подумалось вначале, а именно проплавлен, поверхность оказалась гладкой, стекловидной, словно облитой обсидианом, образовавшим блестящие валики по краям следа. Похожие следы можно увидеть около какого-нибудь грязевого источника, где туристы обмазывают себя черной жижей и потом с удовольствием фотографируют друг друга. Только здесь была совсем не грязь, и не затвердевшая глина. Что-что, а уж базальт с обсидианом я ни с чем не спутаю.

Тут меня будто нечто дернуло. Я аккуратно положил плитку на пол, скинул домашний тапок и поставил свою голую

ступню точнехонько в соответствующее углубление.

Что-то произошло, все вокруг словно смазалось, и я увидел себя в гостях в знакомой квартире, где обстановка кажется спокойной и приятной...

12. Куски прошлого

...В знакомой квартире, где обстановка кажется спокойной и приятной, мы сидим с ногами на раскрытом диване и пьем абсент. Я и она. Пьем много и неправильно, редкостная гадость, скажу я вам. Обязательно наступит неизбежная расплата, но мой любительский взгляд никого сейчас не интересует. Пятница явно удалась. Опьянение уже в стадии повышенной говорливости, но еще не достигло полной потери контроля.

– Наверное, я хочу умереть... – говорит она, только что приняв очередную порцию ядовито-зеленого пойла. – Часто пью и слишком много курю, веду аморальный и нездоровый образ жизни, устаю существовать, мне нет места в этом мире. Хочется красиво уйти, с гордо поднятой головой.

– Перестань молоть чушь, – грубовато прерываю я свою подругу. – Помереть всегда успеешь.

– Нет, правда. Скоро тридцатник, и я прострелю себе голову из ружья, как тот чувак на Ютубе... Помнишь, да? То же на видео запишу. Бах... и точка. Красиво выйдет.

– Будет не столь красиво, сколько отвратительно, – пы-

таюсь объяснить я, но из-за помутнения сознания, вызванного абсентом, получается не слишком убедительно. – Если ты прострелишь себе голову, то, когда обнаружат труп, кровь вперемешку с мозгами по стенам либо уже протухнет, либо сначала протухнет, а потом засохнет. У тебя автоматически расслабятся сфинктеры, и твой уже труп... э-э-э... сама понимаешь, что сделает. Обделается, короче. Налетят мухи, и будет очень сильно вонять. Ты хочешь этого? Лучше избежать, применив переизбыток снотворного, если уж так приспичило прекратить свое существование. К снотворному необходим какой-нибудь медленного действия яд, незаметный для уснувшего человека. Главное, чтобы сначала подействовало снотворное, а потом уже яд. Передозировки опасаться не надо. Если самоубьешься по такому варианту, то, когда тебя найдут, ты будешь гордо восседать на своем кресле. Кресло – важнейшая деталь! Обязательно купи перед самоубийством очень дорогое, очень антикварное и очень стильное кресло. Только в кредит! Рядом на полу будут стоять три опустошенные бутылки коллекционного вина, отравленного, и красиво пролитый на пол бокал... В результате, если применишь очень сильный и вредный яд в достаточном количестве, к твоему трупу ни один микроб не прикоснется, а признаки разложения проявятся не так скоро. Возможно, что тебе повезет, и ты мумифицируешься. Получится совсем круто.

– Да ну тебя, опять издеваешься. Я же серьезно говорю,

а ты...

– Я тоже... вполне серьезно, – запинаясь, выдавливаю из себя я.

– А вообще, я сейчас дура. Это возможно у меня депрессия, или от паленого абсента. Когда происходит опьянение, в крови какая-то хрень склеивается и забивает мелкие мозговые сосуды. У бедного мозга начинается кислородное голодание, а поскольку у нервных клеток возникает стресс из-за этого процесса, то выделяется гормон радости. Мозг так устроен, чтобы при травмах, стрессах, болезнях, родах и прочих таких жестоких процессах, вырабатывается этот гормон, дабы немного облегчить страдания пациента. От этого у человека и происходит опьянение. Поэтому после принятия алкоголя, на душе так радостно и хорошо делается. Но, когда бухаешь часто, то из-за истощения того самого гормона в мозгу по утрам развивается чуть ли не депрессия. Вот. А небольшой запас гормона радости присутствует всегда, дабы нормальное настроение сохранялось даже в скверных ситуациях.

– Следовательно, с алкоголем тебе надо подзавязать, и депрессии не станет, хорошее настроение вернется, по себе знаю, – замечаю я, выслушав эту своеобразную теорию опьянения. – Но вот вопрос у меня странный, но возник. Все думаю: снаружи омерзительные люди становятся мерзкими как личности или изначально пакостные душой уже потом делаются противными внешне? В процессе жизни?

– Ну почему же. Мерзкий душой тип часто бывает внешне очень даже привлекателен, как сатанинский гриб: выглядит вкусненько, но смертельно ядовит.

– Да? – вроде как сомневаюсь я. – А по мне, так даже если внешне человек с правильными чертами лица и все такое, но злой, то обязательно какое-то отторжение вызывает. Часто замечал: человек внешне красив, но неприятен. Противен. А бывает, что и наоборот.

– После сорока лет каждый сам отвечает за свое лицо, – уверенно констатирует она.

– Думаешь? – с сомнением спрашиваю я.

– Убеждена. Еще дожить надо, до этих самых сорока. Мне вот не очень прикольно общаться и находиться в обществе с неприятным человеком... Причем неприятность выражается в простом неумении за собой следить. Если ты не тяжелый инвалид, то сделать себе привлекательный имидж можно, даже если у тебя одно ухо больше другого и кривой нос. И неважно, умный ты или дурак. Но если умный, я признаю это как заслугу и как-нибудь пытаюсь донести до него мысль о смене имиджа. Теперь, что касается красавцев. Раз оценка красоты по сути не более чем субъективное мнение, то мы имеем два варианта. Либо человек считает, что рожа дает ему право вести себя как полный олух, что реже встречается у неуверенных в своей внешности людей, и такой тип красавцев ничем не отличается от тупых идиотов. Второй вариант, когда человек просто решил для себя, что он в целом имеет

некое преимущество, так как он красив по мнению многих, но этот фактор использует очень редко, а надеется в первую очередь, скажем так, на ум и сообразительность.

– Ни хрена не понял, может, растолкуешь убогому? – прошу я, а сам не могу оторвать взгляд от голых коленок своей знакомой.

– Короче говоря, бывают красивые уроды, бывают внутренне прекрасные, хоть внешне и некрасивые люди. С другой стороны: смотришь так на человека – красивая сволочь. Начинаешь общаться, – и правда, сволочь. Знаю примеры того, как внутренне мерзкие люди начинают заниматься всякой фигней и озлобляются до того, что становятся еще и снаружи страшными. А вот люди изначально гадкие, внешне такие далеко не всегда. Чаше они бывают привлекательны, как сатанинские грибы.

– Однако тянет на афоризм.

– Виктора Гюго перечитай, – уточняет она. – Или прочитай. Так, для общего развития.

– Это литература, – с ноткой несогласия поясняю я, – а мы сейчас про реальную современную жизнь говорим. Я вот все смотрю на нашего генерального и смело могу утверждать: мерзостная душа похабит внешность. Да еще как похабит. Это, кстати, не только к отдельным администраторам, но и к целым коллективам относится...

– А все потому, что любая реальность – всего лишь сумма информационных технологий. Не я придумала.

– А кто?

– Не помню уже, – говорит она и наливает себе еще, – слышала где-то. Или читала.

А читала она не у кого-нибудь, а у Пелевина, но кому это было тогда интересно?..

* * *

Мир дрогнул, смазлся и вернулся назад, в ту реальность, где я по-прежнему стоял в столовой Леонида у раскрытого старинного буфета. Моя голая ступня находилась рядом с той самой базальтовой плиткой, и казалось, будто ничего особенного не случилось. Что-то померещилось? Ну, мало ли. Бывает. Ничего лучшего не придумав, я снова поставил ногу так, как сделал это сначала. Мир опять как-то разъехался и снова сделался прошлым, но уже из другого временного отрезка...

* * *

Теперь я со Стеллой. Другая обстановка и совсем другое место и время. Обнимаемся на диване теперь уже в моей квартире. Девушка тоже немного пьяна, и от этого говорлива и откровенна. Бутылка выпита почти наполовину. Но я, будучи оптимистом, предпочитаю думать, что она еще наполовину полна.

– Работу активно ищущу, но уже звездечка как надоело, – излишне печально повествует Стелла, – но надо. Поэтому буду

нить и искать. Удачи мне. Но как же напрягают теперь эти бесконечные звонки с приглашением на собеседование! На многие я просто не успеваю по времени, или они далеки и не удобно расположены, а терять больше часа в дороге до работы я теперь не готова. Но самое гнусное – это сами собеседования. Заполнение кучи анкеток с дурацкими вопросами. На хрена, если уже есть резюме в котором и так все написано? Сами собеседования в два-три этапа, и прочие гадости. А ты чем сейчас занимаешься?

– Сижу вот с тобой на диване и пьянствую.

– А вообще? – не отстает девушка.

– А вообще книжку вот почти закончил, где пишу, что думаю и наплевать мне на общественное мнение. Причем, это действительно так: меня даже суждения читателей не беспокоят. Странно, да? А ведь факт. Сейчас предпечатная подготовка, и в продажу поступит где-то осенью. Фантастика. Кроме того, немного детективный сюжет, слегка неприлично, чуточку запрещенного мата, зато много сленга и дурных мыслей.

– Думаешь, это очень круто?

– Нет, не думаю, – вяло парирую я. Говорить на эту тему совсем не хочется, особенно сейчас.

– Врешь. Думаешь. Круто быть циником и мизантропом, правда? Ты как-то сразу интеллектуальнее, ведь все вокруг идиоты и с ними так сложно. А чувства и прочая хрень такой же элемент идиотской жизни тех самых идиотов. А ты-то ум-

ный, и такой пустой тратой времени, которого у тебя, кстати, вечно мало, не можешь заниматься в принципе. В общем, правда, быть циником круто, но только когда есть люди, которым ты можешь втирать, что плевать ты хотел на них, их чувства, и вообще они идиоты. А вот когда всем, собственно, безмерно пофиг на тебя с твоим цинизмом и мизантропией, то получается уже как-то не так круто, правда?

– Правда. Я одно время неподалеку от старого кладбища жил, так каждый день видел выходящих на соответствующей остановке людей... с цветами... кто поодиночке, кто всей семьей. Разговоры у них соответствующие. Кто предстоящие работы на могиле обсуждает, кто кладбищенское начальство ругает, кто костерит каких-нибудь родственников, что перестали могилу навещать. И вот однажды как-то муторно мне, тошно так стало. Ну, вот зачем, скажи, зачем это надо? Кому? Когда я помру, мне глубоко безразлично будет, что творится на клочочке земли над моим тленным скелетом. Да и скелета, скорее всего никакого не будет: попрошу, чтобы кремировали и над какой-нибудь рекой прах развеяли. При любом раскладе – есть ли жизнь после жизни или нет. Если нет, то переживать о поросшем бурьяном участке будет просто некому, если есть, то в загробном мире у меня другие дела да заботы отыщутся. Кошунственно? Может быть и да, зато рационально. Впрочем, на оригинальность я вовсе даже не претендую.

– А вот зря не претендуешь, к этому всегда надо стре-

миться. Но я и не говорю, что ты оригинал. Оригиналом, это когда человек действительно презрительно относится к нормам общественной морали, когда он попирает традиции, нигилист по отношению к официальным догмам существующей идеологии, когда он в самом деле наслаждается человеконенавистничеством. А когда кто-то пытается изобразить цинизм и мизантропию, то это уже от недостатка ума или какой-то жизненной неудовлетворенности. И при таком раскладе индивид на самом деле просто жалкая букашка...

– А откуда тогда берутся женщины-мизантропы? Я точно знаю, что это не фантастика.

– Да какая уж там фантастика. Женщины-мизантропы не вымысел писателей и феминисток. Они действительно существуют в природе, причем довольно часто. Иногда женщин-мизантропов называют стервами, что, по-моему, не совсем верно.

– Почему это у них? – спрашиваю я, думая совсем о другом: как бы уговорить Стеллу остаться на ночь?

– Почему? И отчего? В первую очередь дефект воспитания в детстве. Потом идут разные разочарования юности, неудачный сексуальный опыт, стрессы в пубертатный период, еще что-нибудь...

– Все-таки на первом месте воспитание? – уточнил я. А как же генетические факторы?

– Генетика – тоже. Но они в первую очередь копируют модель поведения той женщины, что являлась примером. Ма-

ма, сестра, близкая подруга, но может быть и совершенно посторонний человек, который показался крутым. Включается бессознательное копирование. И еще потому что это сейчас очень модно. Потому что большинство великих женщин, которым пытаются подражать современные девушки, стервами были. Свою роль играет кино, литература. Круто быть стервой. Кроме того, всегда проще следовать потокам внутреннего негатива, нежели перебороть его. А еще мужики. Они боготворят стерв, и оправдываться пусть даже не пытаются.

За окном уже совсем темно, но это нас не волнует.

– Ну, я-то никогда и не пытался, – усмехаюсь я. – Заинтересовали корни явления.

– Видишь ли, легкая стервозинка, – уточняет моя собеседница, – это как изюминка, которая должна быть в каждой женщине, иначе она в своеобразную мать Терезу превратится. Всех пойми, всех послушай, всех пожалей, всем помоги, всех прости, а при таком раскладе на себя и сил-то совсем не остается. Быть стервой вполне удобно.

– Да, конечно, – признаю я очевидную истину. – И даже пусть не очень легкая стервозинка, можно и средней тяжести. Иначе в современном мире не выжить, просто не сохранить свою личность. Меня интересовали случаи, когда мизантропия делается основным фактором поведения. Получается, что женщины проявляют стервозность, дабы нравиться мужчинам.

– Ну, есть же те, которые в ином амплуа не мыслят себя,

и не видят... – Не закончив фразу, Стелла уставилась в полночно светлеющее окно.

– Все оказалось просто, – заключаю я. – Похоже, причин всего две: из-за воспитателей, потенциальных сексуальных партнеров и генетика, да?

– Грубо говоря, да. Стервами делаются потому, что их баблуют и не наказывают за подлые поступки, при этом недодают ласки в раннем детстве. Ну и генетику тоже всегда надо учитывать. Только все не так просто. Часто за стервозность можно принять особенности поведения в той или иной ситуации. Я к тому, что можно перепутать истинную стерву и просто плохое отношение к каким-то конкретным людям. А стервозность и мизантропия – это ненависть ко всем.

– Ненависть ко всем – это, получается, какая-то всеобщая стервозность, да? А так – похоже на правду, но внешне причины все-таки не всегда понятны.

– Но ненависть *ко всем* бывает все-таки редко, – возражает моя собеседница. – Всегда есть какие-то люди, к которым относишься хорошо. Бабушка, мама, сестра, ребенок, какая-нибудь подруга. Вопрос в том, как много этих людей.

– То есть ненависть... – начинаю я, но она меня перебивает:

– Думаю, чаще даже не ненависть, а уверенность, что вокруг все что-то должны. Причем, с таким подходом, мужики или пошлют, или тихо отвалят. Но некоторый процент мужиков такое поведение может поддерживать. Они будут ве-

сти себя так, будто отдельно взятой стерве обязаны по гроб жизни. Поэтому они не верят в закон бумеранга, в неотвратимость наказания, что и позволяет им творить зло, не страшась наказания за это. И наоборот, стервой девушка может стать, если ее всю жизнь излишне доставали родители, особенно мать, и, когда она вырастает, то перенимает подобную модель поведения на себя. Многие становятся стервами еще из-за мужиков. Как-то так. Они часто сами навязывают подобную модель поведения. Когда с ними душевно и по-хорошему – они вообще не воспринимают, а когда ведешь себя с ними по-стервозному, потому как заслужили своими выходками – в ответ, образно говоря, начинают лизать руки. Когда так происходит из раза в раз, у них, в конце концов, вырабатывается определенный стиль поведения. Шаблон. У таких новые отношения, если и возникают, то стервозностью не заканчиваются, а начинаются, и, как ни странно, весьма успешно... Погоди, а ты-то чего сегодня мрачный такой? Есть причины, или так, магнитные бури и смена погоды действует?

– Неприятности вот, – бубню я, – причем как раз по теме нашего разговора. Еду сегодня в метро. Пришлось. Народу не то, чтобы совсем много, но и немало, однако пройти есть куда. На остановке заходит девушка-блондинка. Глаза полные беззаботности, босоножки на высоких каблучках, в общем, милая такая. Достает плеер и оттуда так оглушительно начинает рубить какая-то забойная музыка. Ну, думаю, у каждого свои вкусы. Далее она достает книгу всю с япон-

скими иероглифами и начинает спокойно читать. Или делает вид, что читает, но, похоже, правда. Мое лицо немного вытянулось. На какой-то остановке ее чтение прерывает звонок мобильного. И слышу такой примерно разговор: «Да... ага... Купил блок питания? Сколько ватт? Молодец! Значит так: крепишь в самом верху задней части корпуса четырьмя винтами, от него отходят провода питания... Что значит куда? К материнской плате, к жесткому диску, к приводу... Что значит – к какому?.. Нафига ты решил собирать комп, если нихера в этом не смыслишь?!» И стоит она такая вся из себя красивая прямо на проходе, а мне выходить из середины вагона. Видит же, что мне пройти надо, но не двигается ни на сантиметр. Я иду. А тут – вагон дергается, торможение начинается. И ставлю я ногу, чтобы не упасть, а уж куда – тут выбирать поздно. И наступаю прямо на девушку босоножку. Матюги, естественно, что-то оскорбительное в мой адрес. Видимо, тоже такая стерва оказалась. Так ведь смотреть надо было, отойти в сторону и не загораживать проход. Вот тебе и первый повод для плохого настроения. А потом, уже на своей линии, удалось войти в вагон, где места свободные были. До Чертановской поезд шел. Ну, сажусь я, и не замечаю, что какой-то добрый человек жвачку к сиденью прилепил. Все... пипец джинсам. Настроение – гадость. Отвратительно, блин.

– Тоже мне, неприятности, – слегка хмыкает Стелла. – Сочувствую. А вообще, теоретически, штаны твои оттереть

можно. Положи в морозилку, жвачка замерзнет, и отскребешь. Или прогладь через пару слоев туалетной бумаги. Хотя... купи лучше новые и не парься. Вот поэтому-то я и готова стоять в пробках в своей машине или в маршрутке, даже пешком прогуляться лишние полчаса, лишь бы не спускаться в метро. Вообще, культура езды в метро в нашем городе в принципе куда-то исчезла: то на проходе стоят, то войти в вагон пытаются до того, как из него вышли все желающие, то барахло какое-то перевозят... Нонче такое в порядке вещей...

– Как обидно же. Такая девушка, и вдруг эдакое откровенное хамство.

– С девушками это иногда случается. Можно думать, пропустить кого-то – ниже их достоинства. Прекрасно тебя понимаю. А для меня адское бесилово, когда человек первым заходит в вагон и останавливается у входа, мешая пройти остальным. Уже смирилась с теми, кто по бокам встает, но когда прямо напротив двери, это вообще бесит. Или наоборот, едут далеко, а становятся напротив двери, и даже не думают проходить внутрь вагона...

Слушая свою подругу, я все думаю – чем закончится наша сегодняшняя встреча? Вытяну ли я из этого пустого диалога хоть какие-то полезные для себя сведения? Наверное, нет, но все-таки надо попробовать.

– ...В какой уже раз встретила с точкой зрения, – тем временем продолжает Стелла, – что здравомыслящие, про-

фессиональные, но при этом чем-то вылезаящие из «нормы» личности не нужны ни одному мало-мальски благообразному начальнику. То есть, они как бы и нужны, их могут всю употреблять, понуждать пахать в полную силу, но платить за это по минимуму. При этом им не видать ни особого продвижения по службе, ни самой маленькой властной должности... Из этого механически не вытекает, что первым делом вылазят обязательно дураки, вовсе нет. Вперед, как бы лучше сказать, лезут люди с крепким «жизненным опытом», прежде всего, с хорошо развитым умением лизания начальственных жоп. Сотрудники исполнительные и сравнительно ограниченные, по крайней мере, с виду. Хитрые, такой, знаешь, житейской, крестьянской хитростью, типа обосрать за глаза ближнего своего, подставить при возможности, или свалить на него собственные промахи. И ведь, как правило, они потом в начальники и идут, оставляя далеко позади, на низовой работе и маленьких деньгах всех независимых, непокладистых и просто нестандартных, пусть и более умных и талантливых.

– Вот именно что умных и профессиональных, – соглашаюсь я. – Если некий человек – ярко выраженная индивидуальность, причем прекрасно делает свою работу, то он хорош как личность и без кредитов и семьи, так? Тогда зачем кого-то продвигать, если этот кто-то на своем месте, прекрасно справляется, и даже больше, его работу никто не сделает так хорошо, как он? А дуракам везде у нас дорога.

– Не, я не имела в виду дураков в полном понимании. В начальство выбиваются, как правило, люди неглупые, но во многих сферах весьма ограниченные. Поэтому с начальником нельзя спорить, и ни в коем случае не надо его поправлять. А еще положены регулярные корпоративы, на которых человек показывает, как он умеет нажираться «в команде». А если ты туда не ходишь, то отделяешься от коллектива, от команды, противопоставляешь себя корпоративным интересам.

– Дуракам везде у нас дорога... беда всеобщая.

– Да всегда она была на самом-то деле, эта беда. Все оттого, что начальство в качестве своих заместителей или начальников средней руки хочет лицезреть вовсе не новаторов и творческих личностей с нестандартным складом ума, а людей, что называется, верных, предсказуемых, управляемых, типовых, не вылезających из общей массы. Ну, кроме повышенной природной хитрожопости, естественно. Полезных людей. Стандартные привычки: футбол или хоккей, машина-рыбалка-дача. Умение попить пива, любовь посидеть в дристоране с коллегами, короткая прическа, ну, и при случае – возможность совратить красивую подчиненную. Сколько раз уже сталкивалась – и в мелких конторах, и в больших системах, и во властных структурах – везде идеал человека, идущего на продвижение такой: семья-дети и кредит на квартиру-машину-дачу. Если все это есть, значит, повязан, и не будет никуда рыпаться, а то сразу окажется в бездне

финансовой зависимости. На протяжении уж какого года наблюдаю такую картину. В общем-то, это ведь не в одной только Рашке так, а как бы, скорее всего, и во всем мире, но ведь все же хочется верить, что так будет не всегда? Как же так? Хотя, что я вру, – так уже было не одну сотню лет, да и будет еще. Такова логика начальства...

– Знаешь такой анекдот, – вдруг почему-то вспоминаю я. – Приходит мужик в секс-шоп. А там его уже хорошо знают, встречают радостно, только что не расстилаются перед ним: «Здравствуйте! Вы – наш постоянный покупатель, самый дорогой и щедрый клиент! Недавно поступила эксклюзивная линейка изделий, специально для вас! Куклы как живые. Трехслойный силикон с переменной плотностью и подогревом, сбалансированный вес, шелковистое покрытие, мощный многоядерный процессор, естественные движения и звуки: все изделия снабжены программой искусственного интеллекта... набор дополнительных опций... коллекция аксессуаров. Гарантии, скидки, а в случае каких-либо проблем по вине производителя – возврат покупателю в течение трех месяцев!» Посмотрел мужик, посмотрел, понравилось. «Дайте, – говорит, – мне вон ту, черненькую, с хитрыми глазками». Отстегнул кучу бабла, оформил доставку, купил. Приходит через месяц и хочет вернуть. «Почему? – удивляются продавцы. – Движения неестественные? Нет? Звуки нете? Тоже нет... Может – коже недостает мягкости? Или лицо не понравилось? Что не так?» Помялся мужик, почесал

репу, и признался: «Продинамила и не дала».

– Чего-то я не врубилась, наверное, уже слишком пьяная даже для анекдотов. Слушай, сколько натикало? Ну, нифига ж себе мы засиделись! А все ты – заговорил меня всю, придется у тебя переночевать, хоть это идет вразрез с моими, между прочим, принципами...

* * *

Наконец картинка пропала, и я вновь вернулся к текущей действительности. Вернее, в то состояние, что с детства привык считать объективной реальностью, кем-то данною нам в ощущениях. Все также в столовой у растворенного буфета, а ступня моя пребывала около базальтовой плитки с проплавленным отпечатком чьей-то ноги. Сомнения, что это именно отпечаток, а никакая не дизайнерская пепельница, уже почти пропали. Видимо, если по каким-либо причинам контакт моей пятки с камнем нарушался, происходило возвращение в настоящее.

Прав, прав Чак Паланик: «Те, кто умеют забыть прошлое, на голову выше нас всех».

Пришлось надеть тапочки, положить плитку на место, запереть шкаф и тащиться в свою комнату. Продолжать обход уже не хотелось – совершенно никого желания не осталось.

Откуда эти куски моего прошлого? Почему так?

Похоже, мне потребуется хороший психиатр. Причем очень хороший.

А пока – читать, читать и читать, чтобы отвлечься.

Книгу все-таки пришлось сменить на другую. О вкусах, конечно, не спорят, но желание читать перевесило жажду сна. Я взял подаренную мне на вечеринке книжку, которую так и не удосужился рассмотреть. Автор – Владислав Изяславский. Один из гостей, которого, теперь понятно почему, Стэн звал – Изя. К своему удивлению, книжка увлекла. Сборник фантастических повестей и рассказов заставлял задуматься о чем-то особенном, о том, что никогда и никто не узнает. Так уж получилось, что собрания несвязанных между собой произведений я всегда читаю или случайным образом, или с понравившихся мне названий, или с конца. Не люблю с самого начала.

Рассказ назывался – «А зачем нам Марс?»

Вечер выдался тихий и приятный. В принципе, пора было уже спать, но почему-то захотелось поговорить. Отсутствие девушек (они трепали языками в соседнем помещении) создавало атмосферу неожиданной откровенности, невозможной в противном случае. Сначала пытались говорить о политике, но та быстро наскучила, и разговор перешел на космические темы.

– ...околоземное пространство уже вчерашний день, – возбужденно говорил Мак – худощавый сутуловатый брюнет с острыми, порывистыми движениями. Остальные в дискуссии участия не принимали: кто листал свой планшетник,

кто смотрел на особенно яркие здесь звезды, кто просто дремал. – Марс, вот что надо колонизировать. Причем срочно. Не какую-нибудь там Луну, а именно Марс. Работу начинать уже сейчас, не тянуть резину. У людей уже хватает возможностей и технологий для марсианской экспедиции.

В один конец, правда, но дело того стоит. И пусть я там сдохну, все равно надо.

– Как пафосно, – пробурчал Капитан. – А зачем? Ради чего собственно?

– Ты что, разве не понимаешь? За знаниями, конечно! – удивленно возразил его оппонент. – Интересно же!

– Почему ты тогда не едешь в пустыню? Или в Арктику? Или на удаленную буровую платформу в Северном Ледовитом океане? Тоже интересно, массу знаний получишь.

Недоуменное пожимание плечами:

– Какая пустыня, какая Арктика? С какого бодуна? Чего я там забыл?

– А на Марсе ты что забыл? Много там такого увлекательного, за чем стоило бы лететь, невзирая на отсутствие возможности возвращения, огромные материальные расходы и колоссальный риск? Про моральные категории проекта я уже и не говорю. Это вообще за рамками всего здешнего.

– Там все интересно, там же неизвестное! Целый новый мир! Как ты этого не понимаешь? Люди должны исследовать другие планеты.

– А разве мы уже не исследуем эти планеты? Причем дав-

но? Межпланетные зонды, посадочные модули, роботы-марсоходы идут сейчас один за другим... Чем больше их, тем сильнее планеты будут изучены.

– Роботы людям сплошь и рядом проигрывают. Человек смог бы, например, вызволять из песчаного плена марсоходы, менять приборы, забрать образцы, ремонтировать что-нибудь, наконец...

– Ага, человек на Марсе нужен как надсмотрщик за стадами роботов и ремонтник. Марсианский ковбой. В этом и есть сакральный смысл пилотируемой межпланетной космонавтики? Ее тайное назначение?

– А почему бы и нет? Человечеству рано или поздно потребуется колонизация Марса. Будем учиться жить на других планетах и начнем именно с него.

– Отлично. Тогда для начала лучше построить поселок на острове в Северном Ледовитом океане. Например – на Северной Земле... или на Новосибирских островах, по выбору. Еще на дне океана можно жить... или на его поверхности. Добраться туда намного проще, чем в долину Маринера.

– Одно не мешает другому.

– Да, но постройка обойдется в тысячи раз дешевле, а проживание будет несравнимо комфортнее. Окупаемость у такого поселка, как и у марсианского, кстати, примерно одинаковая. То есть нулевая.

– Не забывай о новых знаниях! Информация! Это самый ценный на сегодняшний день товар, между прочим. Если на

Марсе будут обнаружены окаменелые остатки живших там организмов...

– А если не будут? Новые знания, оно конечно, хорошо и понятно. Но для начала попробуй пожить на нефтяной платформе, скажем, в Северном Ледовитом океане. Ничего там не строй, просто предложи переселиться на платформу своей семье. Жене и детям. Внимательно выслушай, что они тебе на это ответят. Ведь колонизация подразумевает проживание с ними вместе. Это не колонизация Марса, а всего-навсего морская нефтедобыча. Дышать там, между прочим, можно без всяких аппаратов, а ходить без скафандров. Да и температура не такая убийственная. И с атмосферой полный порядок, и с гравитацией, и с радиацией, кстати. Перхлоратов в грунте опять же нет. А уж воды, морской, правда, хоть залейся. Правда, такой ледяной, что убивает за пять минут, но это уже мелочи. Самое главное, не надо выдумывать никакой выгоды. Углеводороды во всем мире востребованы, они прямо под тобой, только качай. Еще и рыбку половить для обеда можно, планктон там... еще всякую съедобную океаническую живность.

– У меня нет ни жены, ни детей.

– А, тогда это круто меняет дело. Все удовольствия достанутся тебе и твоим коллегам по экспедиции. Еще неизвестно, как получится с ними сработаться на остаток дней своих.

– Хорошо. А как насчет терраформирования? Технически это доступно человечеству уже сейчас. Мы создадим на Мар-

се парниковый эффект, повысим температуру и давление, чтобы образовалась жидкая вода, накроем планету аналогом озонового слоя, чтобы защититься от ультрафиолета...

– Технически уже доступно говоришь? Что ж, есть такая работа. Но на планете Земля и прямо в центре континента Евразия. Надо аккуратно, без экологических последствий для соседних регионов восстановить терраформированием Аральское море, – тогда и о марсианских морях можно будет поговорить.

– Слушай, какой-то несерьезный разговор у нас получается, – пробурчал Мак.

Раздался характерный шум, а за иллюминатором тем временем стали смещаться звезды. Такие яркие и немигающие. Первый в истории международный пилотируемый космический корабль «Mars» производил плавную коррекцию траектории полета...

Хм... а, пожалуй – ничего так, годный рассказик. Можно будет и другие почитать. Как раз под настроение подходит.

13. Оксана

Я спал и видел сон. Необыкновенно яркий и реалистичный. Тот самый, что стал мне чем-то вроде нематериального талисмана. Он возвращался регулярно, но не так часто, как хотелось бы. Снилось, что иду по длинному-предлинно-

му проспекту, конца которому не видно. Справа какие-то дома, что лучше назвать небоскребами. Их вершины тают где-то в небе, а само небо... по-моему, его тут просто нет. В этом сне, так похожем на явь, я откуда-то все уже знал, что в этих небоскребах нет последнего этажа – вместо него первый, и поднявшись на самый верх, можно выйти на тот же самый проспект... что этот проспект прям и бесконечен, хотя имеет ограниченную длину... что здесь есть улицы, выполняющие желания прохожих, а хрустальные водопады поют свои звенящие мелодии играя каплями на ветру. Это мой Город! Я знаю и люблю его, по-моему, еще с детства. Его сумасшедшие улицы, где на прозрачных столбах сверкают волшебные фонарики никогда не прекращающие свои колдовские игры; улицы, где дороги устланы чарующими картинами из замороженного пламени; улицы из металла и кремния, в небоскребах которых безостановочно работают гениальные суперкомпьютеры – вместилища искусственных интеллектов. Город с обворожительными парками и садами, где благоденствуют растения давно уже вымершие под моим родным небом и те, чужие, что растут в мирах, куда людям путь заказан навсегда и вовеки. Город с пещерными галереями из мрака и умерших теней, где посреди старинной подземной площади горит Живой огонь. Город, сквозь который протекает величественным потоком Темная река, спадающая с высокого обрыва широким медленным водопадом прямо в бескрайний океан. Город, который давно и совсем

приворожил меня своим безумным очарованием. Город, где сейчас теплая ночь. Чернота пятнами лежит в свете многочисленных уличных фонарей. Тихие темные улицы с ненавязчиво пьянящей музыкой. Город, колоссальные библиотеки которого способны свести с ума любого искушенного библиофила. Это мой Город, я знаю и люблю его, и еще почему-то не сомневаюсь, что никогда не смогу остаться тут навсегда. Даже просто надолго. Время от времени я обязательно буду вынужден возвращаться в свой мир, что отсюда кажется тяжелым, серым и скучным.

Некоторое время после пробуждения меня не оставляла уверенность, что я действительно был в этом городе, ходил по его мостовым и ездил в лифтах его небоскребов. Как я туда попадаю? Каким образом?

У Андрэ Моруа есть небольшая новелла – «Дом с привидением». Главная героиня рассказывала о назойливом сне про какой-то прелестный загородный дом из белого камня. Все началось во время ее болезни пару лет назад. Сон был настолько яркий, что наяву она многократно старалась отыскать то место. Но что она помнит? Лишь дом снаружи и парк около него, и просыпаясь, не могла знать, откуда ей знаком этот дом. Путь, по которому она попадала сюда ночью, остался абсолютной тайной неосознанной памяти. В конце концов, она наткнулась на этот дом вблизи Парижа и сразу поняла, что нашла предмет своих сновидений. Пожилой слуга, открывший дверь, сразу узнает в госте то самое привидение.

Оказывается, хозяева выставили дом на продажу и не хотят больше здесь жить. Почти еженощно в парке у дома появляется привидение, заставившее владельцев съехать. Героиня удивляется, что еще есть люди, верящие в подобные предрассудки. «Над этой историей, мадам, – с укоризной произнес старый слуга, – вам по крайней мере не пристало смеяться; ведь привидение, о котором идет речь, – это вы сами».

Обычно такие сны приносят удачу, и после них случается нечто хорошее. Всего лишь личная примета, ни на что конкретное не претендующая. Но сам-то я не привидение. Или? Нет, бред какой-то... вот что значит, плохие фильмы смотреть.

Чуть позже мои сонные воспоминания стали какими-то схематичными мыслями, прозрачными и бесцветными. А потом я опять заснул, только Города больше не видел – никогда нельзя предугадать, когда будут показывать город, а когда бессвязную галиматью. Постоянно просыпался после какой-нибудь новой невнятной бессмыслицы, что снились все утро. Окончательно продрал глаза только к часу дня: разбудил домофон.

У ворот кто-то долго и упорно домогался отклика. За окном светило низкое зимнее солнце, бледно голубело небо, весело сверкал снег, и жизнь вдруг показалась совсем не такой мрачной и пугающей, как минувшей ночью.

На экране домофона маячила симпатичная рыжая девушка в горнолыжном костюме и с цветными лыжами в руках.

Судя по другим видеокамерам, в округе не наблюдалось никого и ничего подозрительного.

– Э, привет. Слуш, пусти, наконец!

Помня наставления своего нанимателя, я накинул синтепоновую куртку, вдел босые ноги в зимние ботинки, и прямо так, не зашнуровываясь, отправился к воротам.

– Теперь ты что ли здесь живешь? – обескуражено спросила гостя, разглядывая меня в маленькое окошечко. – А где Абдель?

«Что еще за Абдель такая?» – подумал я, а вслух сказал:

– Абдель? В Москве видимо. А что?

– Скоро вернется? Ты кто?

– Сторож, на хозяина работаю. Он весной, наверное, придет. Не раньше. Когда снег стает.

– Вот сволочь!

– Это почему же это? – заинтересованно произнес я. Девушка мне явно нравилась. – Я вроде бы ничего плохого не сделал.

– Да не ты. Абдель. Че-то не канаешь ты на сторожа! – выдала свое мнение девушка. – Слуш, дай погреться, посушиться? А? Замерзла я, промокла, заболею, наверное, теперь. Когда каталась, в ручей ухнула.

– Щас, – сказал я и выбрал на мобильнике номер Леонида. – Тебя как зовут? – спросил я, повнимательнее посмотрев в лицо девушки. У нее были удивленные карие глаза, слегка вздернутый носик и всегда улыбающийся рот. Девушка бы-

ла крепенькая, сильненькая, похожая на ту самую куклу, что стояла в шкафу в гостиной.

– Оксана, а что?

– Ничего, надо же нам как-то разговаривать. Сейчас спросим... Привет! – ответил я, когда на том конце канала связи кто-то взял трубку. – Это я. Тут у ворот стоит рыжая девушка Оксана. Говорит – промокла, продрогла, просит просушиться и прогреться.

– Она меня слышит?

– Нет, – кратко пояснил я.

– Молодая такая, жизнерадостная? С широким ртом? Значит, та самая. Ну, раз так просит, пусти, что ж теперь, – неожиданно легко согласился Леонид, – только изнутри ее не очень прогревай. Нельзя ей этого.

– Почему?

– Алкоголь ей нельзя, – уточнил Леонд. – Особенности внутренней биохимии. Впадает в буйство. И к желтым сокам у нее аллергия, может развиваться анафилактический шок. А вообще – чем быстрее ты ее выпроводишь, тем лучше.

– Кому?

– Тебе в первую очередь. Очень прилипчивая особа... как пиявка. Впрочем, я приеду на уикенд.

– Хозяин разрешил впустить и обогреть. Проходи, – скучным голосом профессионального охранника сказал я, пропуская девушку на территорию коттеджа.

* * *

Часа через четыре Оксана лежала в обнимку со мной на полу гостиной под и на кусках искусственного меха, которыми мой работодатель накрывал диваны. В камине потрескивали догорающие березовые поленья, а за окном наступала ранняя зимняя ночь.

– Ну, ты прям ваще! – сделал комплимент я.

– О тож! – с гордостью согласилась Оксана, явно желая поговорить еще. Ее мягкая, но упругая согнутая в колене нога покоилась поверх моего туловища. Девушка хорошо понимала свои способности и большие возможности.

– Это реально круто, – признался я, разглядывая ее лицо. – Хочу еще.

– А получится? – с каким-то неприятным сомнением спросила девушка. Губы у нее были той самой формы, что французы называют «лук Амура». Что-то в ней, очевидно, было. Нечто неестественное, страшное, что-то действующее лучше алкоголя.

– Постараюсь. Надо только немного перекусить. Ты не против?

Когда оделись и что-то съели, она вдруг спросила:

– Слуш, а ты чего все время молчишь?

– Я? Разве молчу? Значит, так просто. Пережевываю и осмысливаю с нами случившееся.

– И как? Осмыслил? Больше всего ненавижу, когда человек молчит. Сиди вот так и думай: обиделся он, пофиг ему

или просто времени для слов жалко?

– Да нет, не жалко. Задумался просто, извини. Мне сейчас с тобой не до разговоров – хорошо и приятно.

– Это радует. Услышала тут недавно фразу: «есть женщины, с которыми приятно, но без которых еще приятнее, а есть те, с которыми плохо, но без которых совсем отвратительно». Если не придирааться к стилю и словам, то фраза очень даже жизненна.

– Может быть и так. Но ты заметила, что многие дамы называют себя женщинами, написанными с заглавной буквы? Чуть ли не с буквицы? «Я не баба, я – Женщина!» Звучит это примерно так: «я – практически принцесса Диана, только живая до сих пор». А вот чем отличается женщина от настоящей бабы, мне так никто и не объяснил. Опрашивая свидетелей и соучастников, пришел к выводу, что женщина никогда не будет работать на вредной или тяжелой работе. Причем рядом с ней обязан находиться только «настоящий мужчина», что любит ее больше жизни, причем – своей; отдает зарплату, причем всю; каждый день дарит цветы и всегда, постоянно носит на руках. Кроме того, она уверена, что неотразимо красива и чертовски умна. Но парадокс: настоящих мужчин в природе практически не существует, зато почти каждая женщина – это «женщина с большой буквы». А когда говорю, какие именно женщины мне нравятся, обычно возражают: какие же это, мол, женщины? Это – бабы. Ну, допустим, бабы. Но объясни мне, кто же тогда женщины?

– Слуш, а я кто, по-твоему? – недовольно спросила рыжая. – Женщина или баба?

– Ты – очень красивая умная девушка, – на всякий случай лживо польстил я.

– Есть такой закон жизни: не суди по себе о людях, ибо они не способны на то, на что ты готов ради них. При этом никогда не верь отговоркам – если есть возможности и желание, человек сделает что угодно при любых обстоятельствах. Не нужно верить словам – в наше время они ничего не стоят.

«Интересно, – подумал я, – откуда она берет эти свои фразочки и шуточки? Небось, из социальных сетей выковыривает, а потом заучивает наизусть».

– Это ты к чему? – изобразив заинтересованность, спросил я. – И много у тебя подобных законов?

– Есть несколько. Только вот не спрашивай каких, ладно? В нужное время сам узнаешь. Если захочешь, конечно.

– Уже хочу.

– Тогда такой принцип. Никогда не навязывайся. Сам поймешь, нуждаются в тебе или нет. При этом цени тех, кто тобой дорожит, и не держи безразличных к тебе... По-моему, я уже согрелась.

– Думаешь? – рассеянно спросил я, чтобы хоть что-нибудь произнести.

– Ага, думаю. Слуш, а как тебя зовут? А то спать с мужиком, даже не зная его имени, как-то некомильфо. Я же так и не спросила.

Я сказал, как.

– Это хорошо. Одного моего бывшего так же звали. Слуш, а ты не боишься тут все время один? Мало ли кто вот так прийти может.

«Интересно, – думал я, разглядывая рыжие локоны своей неожиданной знакомой, – как с нее делали слепок для куклы? И зачем? И кто? Спросить что ли? А вдруг она вообще не в курсе, что тут хранится ее силиконовая копия?»

– Нет, не боюсь, – тем временем ответил я. – У меня связь хорошая, могу помощь вызвать. Да и сам не с пустыми руками тут: вполне способен отразить нападение каких-нибудь отморожков.

– Тебе выдали оружие? – неожиданно серьезно спросила она. – Покажи, а?

– Зачем? – не понял я. Это показалось странным.

– Люблю оружие. У меня разряд по стрельбе. Хотела даже биатлоном заняться, но передумала.

– Почему?

– Да ну еще... Так что? Покажешь?

Мы поднялись на второй этаж и подошли к малозаметной дверце. Я потом часто себя спрашивал, почему вдруг так легко поддался этой совершенно незнакомой девице.

– Вот это – местный арсенал, – несколько выпренно сказал я, открывая замаскированный железный шкаф и беря в руки пистолет.

– Что за пукалка? Выглядит как дамский.

– Сама ты пукалка! Это – пэ-эс-эс. Пистолет специальный самозарядный. Бесшумный пистолет для всяких нехороших дядей.

– Бесшумный? А глушитель где?

– А нету у него глушителя! Разработка для КГБ. Магазин на шесть патронов. Ничего эффективнее никто пока не придумал. А если придумал, то в теории, или были произведены несколько опытных образцов. Мое личное мнение, причем небезосновательное – сие есть шедевр бесшумного огнестрельного оружия. Но требует особо аккуратного обращения, гильзы довольно опасны после выстрела – могут взорваться: все пороховые газы остаются у них внутри. Уникальная модель, но патроны специальные, хрен достанешь.

– Надо же, какая штука, – явно для порядка сказала девушка. Похоже, вид пистолета не очень-то ее впечатлил, а упоминание, что гильзы еще какие-то опасные, вообще поставило в тупик. – Так что там за такие особенные патроны? Почему специальные?

– Ну, это вообще особая вещь. Пуля с плоским концом скрыта внутри гильзы. После взрыва заряда поршень-толкатель пулю выбрасывает и посылает в ствол, а сам останавливается в конце гильзы и запирает пороховые газы.

– Звучит круто, но, по-моему, полная лажа.

– Ничего не лажа! Очень эффективное оружие.

– Ты что, специально где-нибудь об этом читал? Или изучал?

– Ну, да, изучал. Время было – ликвидировал безграмотность в отдельно взятом вопросе.

– А это что за чудо? Похоже на какой-то обрез, как у киношных бандитов.

– Это и есть, по сути дела, обрез, – подтвердил я. – Помповое ружье. Самая короткая модификация ружья – ремингтон на семь патронов. В Америке очень популярен. Кстати при защите домов, а также для охранников и полицейских. Тут укороченный гладкий ствол, но приклада нет, и поэтому палить можно недалеко, неточно, но сильно.

– Гладкостволка! – девушка презрительно скривила губы.

– И что с того? Помповый дробовик же! Смотри какой калибр. Как картечью, так и пулями эта игрушка стреляет. Кроме того, можно применять различные специальные штуки типа газовых или разрывных гранат, травматика.

– А тот револьвер? – девушка показала взглядом на закрепленный к стенке магнум.

– Ага, револьвер такой. Шесть патронов в барабане. Магнум, причем продвинутый, с подствольным гранатометом. Если тебе реально нужно, чтобы какой-нибудь мудила обязательно сдох, то самое оно. Практически бластер... или скорчер, как у братьев Стругацких. Только вот шуму от него не оберешься.

– Броник прошибает?

– Смотря какой... и чем. Их же много сейчас разных категорий броников. Обычный, кевларовый? Легко. Еще от бо-

е припаса многое зависит. Кстати, стрелы арбалета его тоже пробивают. Арбалетный болт не рвет, а раздвигает нити кевлара. Легкие жилеты без пластин не уберегут ни от боевого ножа, ни от штыка – войдет как в масло, а вот броник пятой категории защитит, его никакая стрела не пробьет. Только запаришься в таком – слишком тяжел. Кстати, от «калаша» он не спасает.

– Но я точно слышала, что хороший броник может защитить, – упорствовала Оксана.

– Нет, ну что значит, «может защитить»? Могут и в лицо выстрелить. Да и так он никакой гарантии здоровья и жизни не дает. Вот тебе документальный армейский эпизод. Двое пьяных прапоров из Уральского военного округа, надев бронжилеты, устроили дуэль.

– Зачем? – удивилась девушка. – Повод хоть стоящий?

– История умалчивает. От велика ума, наверно. Из хулиганских побуждений, как сформулировал приговор трибунала. Стреляли из пистолетов Макарова с расстояния в двадцать метров. Первый прапор просто промазал. Второй попал первому в правую сторону груди. Пуля бронепластину не пробила, и броник вроде как свою функцию выполнил. Носителя защитил. Но в результате у пациента было сломано четыре ребра и разmozжено правое легкое, которое пришлось удалить. Потом, на третьи сутки, бедняга все равно помер, несмотря на все усилия врачей. А если бы ему попали в середину груди? В грудину? Сердце, скорее всего, вста-

ло бы сразу, и привет покойной бабушке. И это – штатный армейский бронезилет. Названия не знаю, но использовался во внутренних войсках. Впрочем, пуля из модернизированного «калаша» пробивает железнодорожный рельс только так, с одного метра. Так что сама понимаешь... Еще и от боеприпасов многое зависит, как я уже говорил. Вот для одного только этого подствольника имеется несколько вариантов. Так примерно... Ладно, это в Интернете посмотришь, если захочешь, конечно. Там такой информации – как грязи.

– Слуш, а почему арбалета у тебя нет?

– А на хрена он мне? – грубовато не понял я.

– Ну, как! Для защиты же! Для охраны можно. Бесшумное оружие, разрешение на него не надо, да и пистолет заменит...

– Ха-ха-ха. Три раза. Ты, видимо, держала в руках те арбалеты, что продаются только при предъявлении паспорта и даже оружием, вроде как, по законодательству не считаются. Да?

– С чего это ты взял? – обиделась девушка.

– Почему-то показалось, что у тебя были игрушки, только схожие с настоящим оружием. Хотя в последнее время закон об оружии имеет столько разных поправок, что за всеми не уследишь. Ладно, это я так, занудствую по привычке. На самом деле полноценный арбалет, с которым есть шансы выжить, издает достаточно громкий хлопок. Даже не совсем хлопок... короче, звук. На такой арбалет разрешение

иметь как раз таки обязательно. При этом если сравнивать с этим же бесшумным пистолетом, то хороший блочный арбалет⁵ «звучит» намного громче. Но это – ладно, допустим, что можно компенсировать большей бронейбойностью арбалетного болта и более эффективной дальностью, хотя тут все от конкретной модели зависит. А вот то, что у арбалета между выстрелами будет огромный промежуток времени, не компенсировать уже никак. Возни много. Да и габариты просто несопоставимы. Вернее – сопоставимы, конечно, но уже со снайперским бесшумным оружием. Тут арбалет проигрывает во всем. Однозначно. Короче, арбалет никак не может заменить бесшумный пистолет.

– Вот этот твой пистолетик?

– Ну, хотя бы его. Только он не мой, хозяина. А с дальнотбойными снайперскими винтовками арбалету тягаться вообще не по силам. Впрочем, цели снайпера далеко не всегда удалены на километры, иногда приходится работать по близким мишеням.

– Ты говоришь, как профессиональный убийца.

– Да нет, какой из меня убийца. Просто люблю оружие, – несколько смутился я. – Короче, в городе хороший арбалет иногда бывает очень даже неплох.

– Вот видишь! – радостно заметила Оксана.

– Да, но мы-то не в городе, а в деревне. Тут свои специфики.

– А ты любишь всякие железные стрелялки-убивалки, да?

Обожаешь просто?

– Сама будто не любишь, – усмехнулся я.

– Люблю, конечно. Но я плохо в них разбираюсь, и не стыжусь в этом признаться. Наверное, любовь к оружию генетически заложена в каждого мужика, а нам, бабам, эти гены только случайно достаются, по недосмотру, да и то не всегда. Зато всегда мы любим готовить еду!

– Правда? Кстати, может, нормально поедим? А то я жутко хочу есть после нашего перекуса. Уже сил нет. Продуктов тут навалом, а готовить лень. Да и не умею.

– Слуш, а чем ты вообще тут питаешься?

– Чем придется, – засмеялся я, – когда как. Всяким подножным кормом. Консервами разными, тушенкой, обедами быстрого приготовления, геркулесовой кашей, которую не надо варить, распариваемой скороспелой лапшой. Ну, ты понимаешь.

– Так и язву получить недолго. Давай, показывай, что у тебя в запасах имеется.

14. Дом-призрак

Работодатель явился неожиданно, без предварительного звонка. Выскочил, будто чертик из подарочной шкатулки. Была когда-то в моде такая сувенирная игрушка, но потом ее запретили, как смертельно опасную для нервных и страдающих сердцем больных.

– Ты, я вижу, с какой-то бабой тут развлекался? Говорил же тебе, предупреждал. С Оксаной что ли? – вместо приветствия напустился на меня Леонид.

– Просто она очень сильно замерзла, могла заболеть, ну я и согрел ее, как мог. Своим телом согрел. А ты против? – с некоторым вызовом спросил я. Мне уже мерещились сцены мужской ревности, мордобой и прочие особенности национального менталитета.

– Да нет, не то чтобы. Вообще пофиг. Ты, надеюсь, коньяком ее не поил? Или водкой? Соки не давал?

– Нет, конечно. Ничего такого, ты же мне специально об этом говорил.

– Вот и молодец. Она там? – Леонид указал пальцем на потолок, за которым располагалась моя временная спальня.

– Да нет, ушла давно. А что?

– Как говорится, если уж довели до греха, то грех было не воспользоваться. Короче, дело твое конечно, я предупреждал... И в буфет, разумеется, уже заглядывал?

– Ну, как-то это... – беспомощно пролепетал я. – А почему – уже?

– Залезал, конечно. Но, судя по результатам, выбрал именно тот ключ, что и требуется?

– В каком смысле? – совсем растерялся я. – Что за ключ?

– В буфете набор ключей-артефактов для разных типов личности, – будто нерадивому школьнику пояснял Леонид. – То был такой своеобразный тест. У меня сейчас нет времени

на предисловия, поэтому сразу к сути. За те пять лет, что я тут построился и обжился, на твоём месте перебивало множество народа. Парней, девушек, вполне взрослых мужиков и зрелых женщин. И все они, рано или поздно, залезали в этот шкаф, который когда-то служил буфетом. Такова уж человеческая природа. Поэтому я и приехал сегодня, чего первоначально не планировалось. Интрига состояла в том, чтобы ты мог выбрать из имеющихся артефактов, именно тот ключ, который надо. Правильно с ним поступить и научиться управлять.

– А если выбрать не один артефакт, а больше? Или вообще не тот? Или неправильно поступить?

– Невозможно, – покачал головой Леонид. – Любой из этих предметов после выбора подчиняет себе человека и держит до тех пор, пока тот сам не научится им управлять.

– А если не научится?

– Все, тогда. Туши свет.

– Жестоко. И ты шел на это?

– А что было делать? – задумчиво произнес Леонид, зачем-то посмотрев на свои наручные часы. По-моему «Rolex», если не подделка, конечно. – В принципе, каждый из этих предметов может выполнять желания. Вопрос – какие, как и в каком объеме? При правильном подходе все получается нужным образом. Мне необходим ответственный исполнитель, причем – давно необходим. А другого способа выбора у меня нет. Может кто-то и знает, но не я.

– Так сколько же народу ты так прикончил?

– Почему это – «прикончил»? – вполне искренне удивился Леонид.

– Ты же сам сказал...

– Про туши свет? Да нет, ты все совсем не так понял. Человек, совершивший неправильный выбор чего-то видел, а потом просто забывал происходящее, терял память. Не всю конечно, только недавние события. Я потом отвозил его в соответствующую психбольницу, и сдавал на руки хорошим докторам. Чтобы меня не запомнили, каждый раз не лично сдавал, а через кого-нибудь постороннего. Пациента там держали, ничего не находили и отпускали к родственникам. Он же не все забывал, а только последнее время. У кого-то этот отрезок больше, у кого-то меньше...

– Все равно жуть.

– Жуть, – согласился Леонид, – но что прикажешь делать?

– А эта силиконовая кукла – она же как живая выглядит! Это что, тоже ключ такой?

– Тоже. Думаю, сам отлично понимаешь, каким образом надо было ею воспользоваться.

– Так что, никто так и не подошел?

– Почему – никто? Подходили несколько раз. Только вот меня они не устраивали. Обычно тут оказывались привлекательные девушки. Кстати – одну из них, Оксану, ты уже видел... и наши отношения рано или поздно, но обычно рано,

переходили в интимную фазу. И тут сразу же все заканчивалось. А поскольку мы с тобой безнадежные гетеросексуалы, и такое нам не грозит, все должно получиться. Это я о деловом сотрудничестве.

– Может, расскажешь, как дошел до жизни такой? А то кроме твоих кратких и туманных объяснений, я так ничего и не знаю. В Интернете про твое агентство тоже как-то невнятно и маловато написано.

– Я сам писал, вот и маловато. С одной стороны вообще не люблю писанину, а с другой – не надо мне лишних подробностей. Хотел сначала копирайтера нанять для заполнения сайта. Но смысл? Для рекламы лишний треп ни к чему, все, кому надо, и так обо мне знают, но сайт надо иметь. Чтобы было.

– В общем, ты не кричишь о себе?

– Не кричу. А тебе расскажу. Если, конечно, согласишься работать со мной.

– Ты еще спрашиваешь! Конечно, соглашусь. Но, как мне поведала одна колдунья, у меня нет никаких способностей, кроме разве что выраженной эмпатии⁶.

– Вот! Это и потребуется. Эмпатия твоя. Просто твои возможности были не то чтобы скрыты, но ты сам их толком не знал, а проявлялись они именно так, в качестве эмпатии. Кстати, что за колдунья?

– Одна знакомая, из Питера...

– Ну, конечно! – язвительно среагировал Леонид. – Отку-

да же еще? Мог бы и не спрашивать! В общем, неважно... Так что? Ты точно согласен? Не передумаешь потом, когда уже поздно будет?

– Да, – согласился я. Не отказываться же в самом деле от такой халявной синекуры.

– Тогда – заключим новое трудовое соглашение по всей форме. Я жду тебя в своем офисе завтра, скажем, после обеда. Часа в три, устроит тебя?

– Да, вполне. Но как же это... Я же тут сейчас?

– Ты что, так ничего и не понял? Засим твоя вахта на этой даче закончена! Думал, долго тут проторчишь, а ты смотри-ка... Сейчас же едем в Москву, нечего тут рассиживаться. Вещи свои с собой забери, а я по дороге объясню все, что успею, и на твои вопросы отвечу. Если смогу, конечно.

– Знаешь, все хотел спросить, что у тебя за часы на руке?

– Сейчас, – Леонид посмотрел на часы, – Эти? Ролекс... чего там дальше за надпись... субмаринер... не разберу, плохо видно. А так – хорошая сборка, смотрятся неплохо, главное удобные и при плохом освещении время всегда легко рассмотреть, – подсветка стрелок. Но есть недостатки: слабая противоударность и браслет. Но купил и не жалею. Стоят своих денег. Помнишь как у Пелевина? «Ничто так не выдает принадлежность человека к низшим классам общества, как способность разбираться в дорогих часах и автомобилях».

– Да, эту фразу часто цитируют.

– Вот и я процитирую, для хорошего человека не жалко.

Давай быстрее! Собирайся, и поехали, времени у нас в обрез, скоро жуткие пробки начнутся...

* * *

– Ты смотрел этот фильм, «Дом-призрак»? – вдруг неожиданно спросил Леонид. – Там, в фильмотеке диск был?

– Да... вернее, начал смотреть, но не осилил как-то. Не понравилось, даже до середины не дотянул. И потом я, понимаешь ли, не самый большой ценитель Болливуда⁷. Не люблю индийское кино.

– А вот зря не досмотрел. Я же специально на самое видное место его выставил.

Мы быстро ехали в сторону Москвы. Несмотря на поздний час, трасса вовсе не выглядела пустой. Ночная дорога оказалась на удивление оживленной, но Леонид смело обгонял грузовики и фуры с польскими, белорусскими, прибалтийскими и даже шведскими номерами. Часто попадались легковые автомобили с московской припиской.

«Сегодня же воскресенье, – вдруг вспомнил я, – вернее, понедельник уже. Народ возвращается из своих загородных владений, всем к утру на работу. А фуры с товарами только ночами и пропускают».

– ...Странные непонятности, – тем временем рассказывал Леонид, – давно и прочно вошли в мою жизнь. Они вспоминаются с тех пор, что себя знаю. В доме, где довелось расти, постоянно происходили различные пугающие явления. Например, однажды ночью, когда все уже давно спали, я услы-

шал, что входная дверь сама собой открывается. Перепугался не на шутку, но все-таки встал и заглянул в прихожую. Там сразу увидел сначала одну только бесформенную тьму, постепенно сконденсировавшуюся и принявшую очертания размытой человеческой фигуры с лицом какой-то старухи. Призрак медленно двинулся прямо на меня. Показалось, что приведение хочет что-то сказать или чем-то привлечь мое внимание. Стало жутко и неестественно холодно. Я дико заорал и бросился в спальню, запрыгнул на кровать и с головой укрылся одеялом. Когда потом выглянул, то никакой фигуры уже не было. Проснулись родители, перепугались моего крика, пришли ко мне и стали успокаивать. Только это ничего не изменило, подобное происходило не раз, только в разных вариантах...

Шоссе хорошо освещалось, и фонари на фоне черного неба светили как-то необыкновенно ярко. Дорога действовала успокаивающе, зато рассказ Леонида не давал уснуть, даже бодрил.

– ...уже потом, – продолжал Леонид, – когда я подрос, ко мне в руки попал наш семейный фотоальбом. Мне его никогда не показывали, поскольку там были разные снимки, в том числе очень старые. Иногда – снимки покойников в гробах. Или еще того хуже. В начале прошлого века появилась традиция, сегодня кажущаяся просто жуткой: было модно и считалось в порядке вещей фотографировать своих умерших родственников как живых. Мои родители считали

это ужасным для детской психики, и альбом не показывали. В общем, в детстве я его не знал, и лишь в подростковом возрасте случайно нашел и просмотрел. Ну, ты понял, да? Одна из моих прабабушек как раз соответствовала тому самому «призраку», что я иногда видел в детстве.

– Погоди, – перебил я, – но почему призраку потребовалось открывать дверь? Вроде бы привидения не нуждаются в подобных действиях.

– Вот! В самую точку! Никто никаких дверей не открывал, и не отпирал. Это звучал *призрак старой, давно исчезнувшей двери*, как части явления. Много позже выяснилось, «призраки» бывают и у неодушевленных предметов. В призрачном доме могут обитать призрачные люди. В доме, который уже давно снесен, разрушен или разбомблен во время войны. Такие дома есть в Москве, но больше всего в моем родном Петербурге. Городские власти всегда хорошо знали о данном явлении, поэтому старались такие места не трогать и не застраивать. Сейчас, когда земля в мегаполисе стоит безумных денег, на это стали плевать, и не замечать. Раньше на таких местах обычно разбивали какой-нибудь садик или скверик. Днем там бабушки с детьми гуляют, и никого ничего не беспокоит. Но иногда, при определенных условиях, некоторые люди получают возможность такой призрачный дом видеть, и даже, если им помогают посвященные, входить туда. А если на месте, где стоит что-то призрачное, все же построить новое здание, начинаются проблемы. Особенно плохо, если

построят не просто новый дом, а жилой. Происходит наложение информационной реплики старого давно исчезнувшего дома на структуру нового. У жильцов возникают трудности, их беспокоят разные «видения», часто делающие жизнь невыносимой. Вот тут-то и появляюсь я. Знаю, как разрушать старую информационную реплику, не повредив ничего нового. Причем не только знаю, но и умею это осуществлять.

«Все, решено, – подумал я тогда, – надо проверить психику. Иду к специалисту. Вот только основные анализы собираю».

15. Кабинет психиатра

Кабинет психиатра особой изысканностью дизайна не отличался: обычный канцелярский письменный стол, простой деревянный стул, больничная кушетка, ширма, платяной шкаф из дэ-эс-пэ и заурядный умывальник, как в туалете. Все новое, современное, но какое-то унылое и до упора банальное. К стене приделан портрет сердитого бородатого старика в военной форме. Явно намертво приделан, не оторвешь. На столе – аккуратная стопка бумаг, работающий ноутбук и пластмассовая модель мозга. Человек в белом халате за столом быстро писал какой-то блестящей, будто никелированной, авторучкой. Кажется, он заполнял некие формы или бланки.

Я вежливо поздоровался.

– Здравствуйте, на что жалуетесь? Меня зовут Алексей Николаевич, – представился человек в ответ на мое приветствие. Это был спокойный лысоватый врач немного за сорок, с убедительным, добрым лицом, смотревшим сквозь очки без оправы все понимающими душевными глазами. – Присаживайтесь.

Когда мне рекомендовали этого специалиста, то уверяли, что «он совершенно не похож на своих коллег, своеобразно ведет прием, работает по оригинальной методике, и именно поэтому ему пришлось покинуть государственное учреждение».

– Извините, а это кто? – набравшись духу, спросил я, показывая взглядом на портрет.

– Извиняю. Великий русский психиатр, Владимир Михайлович Бехтерев. – Так что вас беспокоит?

– Со мной происходят неестественные, странные вещи, доктор, какие-то ненормальные события, и это пугает меня, – несколько пафосно сказал я, передавая врачу большой конверт. – Вот мои данные. Там общие анализы крови и мочи, холестерин и сахар. Эм-эр-тэ головы, электрокардиограмма и электроэнцефалограмма. Со всеми заключениями.

– Даже так? – весело удивился врач. – Вы, я вижу, основательно подготовились! Хорошо, я потом подробно изучу этот материал, обещаю вам. А пока внимательно слушаю. Вы не переживайте, мы гарантируем, что факт обращения к нам за помощью не будет разглашен. На учет здесь не ставят,

обращение в частную клинику избавляет от ряда бюрократических проволочек. При этом терапия подбирается строго индивидуально, и нередко бывает так, что нашим докторам приходится корректировать лечение кем-то уже назначенное.

– Доктор, вы мне не поверите!

– Ну, уважаемый, мы говорим о вашем здоровье, а не о моей вере, поэтому расскажите то, что посчитаете нужным, а я внимательно вас выслушаю. Возможно, придется задать несколько вопросов. Знаете, есть такой старинный анекдот. Приходит пациент к врачу моей специальности, и говорит: «Каждую ночь, доктор, снится мне сон. Дверь с надписью, а я напираю на нее со всей силы, колочу руками и ногами, но открыть никак не могу!» «А что за надпись была на двери?» – спрашивает доктор. «На себя», – как ни в чем не бывало, отвечает пациент.

Я рассмеялся. Врач умел рассказывать анекдоты.

– Такое и наяву иногда случается, особенно, если дверь без надписи, – пожаловался я.

– Да, вы правы, – с улыбкой согласился врач. – Поэтому в нашем деле так важен подробный и тщательный опрос. Прошу вас быть со мной предельно откровенным, это просто необходимо для правильного диагноза и, если потребуется, лечения. Скажите, а как у вас с алкоголем?

– Практически никак. Позволяю себе рюмку в гостях или на чей-нибудь день рождения. Шампанское на новый год. С

друзьями по стакану пива, да и то не каждый месяц.

– А вы что-нибудь принимаете?

– Поливитамины иногда. Согласно рекомендации и без злоупотреблений.

– Курение? Табак? Травка? Кальян? Может, что-нибудь особенное?

– Категорически нет, – замотал головой я. – Никаких наркотиков. Ни курительных, ни прочих.

– У вас бывали какие-нибудь необычные или новые ощущения? Предчувствия? Странные мысли или непонятные желания?

– Бывали. Иногда возникало мучительное желание набить кому-нибудь морду или употребить ненормативную лексику перед широкой аудиторией. Но ни то, ни другое, к сожалению, нельзя исполнить по морально-этическим соображениям. Да и закон запрещает.

– Сексуальные предпочтения?

– Самые традиционные, без особенных причуд и затей. Даже самому бывает стыдно. Сейчас есть подруга, мы встречаемся. Понимаете, доктор...

– Давайте все-таки я буду для вас Алексеем Николаевичем. – Вы не находите, что в обращении «доктор» есть что-то неестественно-литературное? Нечто из девятнадцатого столетия?

– Возможно, – рассеяно согласился я. – Алексей Николаевич, некоторое время назад у меня было что-то похожее

на очень яркие галлюцинации... или иллюзии, не знаю, как правильно.

И я детально и как мог красочно рассказал историю со шкафом в гостиной Леонида. Поведал о кукле и о базальтовой плитке, что, если верить ощущениям, отбросила в мое собственное прошлое. Причем два раза.

Врач слушал внимательно, не перебивая. По мере моего рассказа взгляд его делался все более и более серьезным и заинтересованным.

– Понимаете, – заканчивал я, – это были реальные эпизоды, действительно происходившие со мной в прошлом. Настоящие события, которые я прекрасно помню. И эпизоды эти выглядели так, будто просто оказался в этом самом прошлом. В те моменты даже не думал, что это воспоминания там, иллюзии или галлюцинации. Я просто пережил это еще раз, как наяву.

– Любопытно, – задумчиво сказал психиатр, когда я совсем прекратил свой рассказ, – давайте я проверю ваши рефлексy. Раздевайтесь до трусов.

Проверив ориентацию и чувство равновесия, а также рефлексy – пяточные, коленные и еще некоторые другие, Алексей Николаевич сказал:

– Можете одеваться, Рефлексy немножко ослаблены, но в пределах нормы. А теперь давайте познакомимся с вами получше. Кем вы работаете?

В двух словах я попытался объяснить характер и некото-

рые специфики моей трудовой деятельности.

– Хорошо, – кивнул врач, моя руки под краном. – Расскажите о себе все. Не торопитесь, время есть.

– Начать с детства? – полушутливо спросил я.

– Вот именно, что с детства, – вполне серьезно согласился доктор, усаживаясь за стол и тщательно поправляя немногочисленные предметы на нем. Видимо там все должно было располагаться в строго определенном, ведомом лишь одному хозяину порядке. – Основные и наиболее важные эпизоды. Чем болели, что доводилось испытать необычного. Какие у вас случались травмы: как физические, так и душевные. Все, что вспомните.

– А если долго получится?

– Все-таки попытайтесь. Если не возражаете, позволю себе перебивать вас и уточнять отдельные непонятные моменты. Вы не против?

– Нет, конечно. Какие возражения? Родился я...

Далее, детально и обстоятельно, я пересказал основные вехи собственной биографии. Иногда врач перебивал уточняющими вопросами.

– Скажите, – мягко вымолвил Алексей Николаевич, когда я, наконец, закончил «журнальную версию» своей истории, – у вас последнее время настроение не ухудшалось? Не замечали резких колебаний самочувствия? Быстрой смены настроения? Чувства сильной усталости, депрессивного состояния? Черных мыслей?

– Нет, все как обычно. Ничего такого.

– А травмы головы у вас были? Сознание теряли?

– Да нет, я бы запомнил.

Врач помолчал несколько секунд, потом спросил:

– Ухудшения памяти не замечали?

– Замечал. Пришлось завести записную книжку: стал иногда забывать старые телефоны, которыми давно не пользовался. Начал вести список литературы.

– Хорошо знакомые имена забываете? Путаете?

– Нет. Если бы не странности, о которых уже говорил, то все было бы в норме.

– А что вы считаете нормой, если не секрет? – Алексей Николаевич повернул вертикально вверх металлически-блестящую авторучку, что крутил в руках.

– Когда вообще отсутствуют мысли о собственном здоровье.

– Кратко, но емко, – с каким-то странным выражением, согласился врач. – Забавная фраза, даже хочется взять ее на вооружение. А как общее самочувствие? Сердцебиение? Головокружение?

– Нормально, как будто, – повторился я. – Ничем, вроде бы не болею. К врачам давно не ходил, ни к специалистам, ни к участковому терапевту.

– А вот это напрасно, – критически заметил врач.

– Да, вы правы. Но я здоров, только насморк вот регулярно появляется, только на холод выхожу. Анализы сделал, пе-

ред тем как к вам идти. Есть такая хорошая фирма, работает качественно, берет недорого...

Доктор еще довольно долго расспрашивал об особенностях моего самочувствия, делая какие-то пометки и записи в лежащих перед ним бумагах. Сфера его интересов поражала, там оказались самые разные возможные проблемы с моим организмом. От сухости волос до запоров, звона в ушах и суставных болей.

– Я, возможно, ошибаюсь, но вам вообще-то стоило обратиться ко мне пораньше.

– Все так запущено? – забеспокоился я.

– Да не то чтобы. Еще раз прошу прощения, но вы, наверное, долго думали на тревожащие вас темы? Долго собирались прийти ко мне? Читали разную литературу? Малявина, например?

– Нет, не читал, – зачем-то солгал я. – А надо было? Рекомендуете?

– Вы были женаты? – проигнорировал мой вопрос врач.

– Был. Сейчас разведен.

– А причины развода?

– Переругались, вот она и нашла себе другого мужика – веселого и компанейского. Наверное, это я во всем виноват: вел себя по-свински, часто грубил, скандалил по пустякам. Занудствовал, совместные разговоры не поддерживал, телевизор смотрел отдельно. Мы уже давно практически никуда не ходили вдвоем.

– Вот как? А почему?

– Как-то не хотелось. А потом жена и не выдержала – надоело ей терпеть мое хамство, взяла и ушла. Она просто заявила о желании развестись, на что я тогда отреагировал довольно спокойно. К тому времени у нас не было секса и вообще непонятно что творилось. При разводе написали, что не сошлись характерами. Несколько лет уже прошло с тех пор, но я до сих пор жалею, что мы расстались.

– Помириться пытались?

– И не раз. Однажды даже почти получилось, но потом опять разбежались. Уже насовсем. Жаль, конечно. До сих пор ее люблю, но увы – не судьба. Все-таки можно было не допустить развода. Умом прекрасно все понимаю, но привык жить не напрягаясь.

– А вы, однако, самокритичны.

– Вы же настаивали на откровенности? Вот и говорю, как есть. Решил провериться после того эпизода с галлюцинациями. Испугался, если честно.

– То, что вас обеспокоило, было один раз?

– Два раза подряд, я говорил, но можно считать за один раз. Прошло два месяца, и пока все спокойно.

– Очень важно, что повторов не было. Все будет хорошо, уверяю вас. В моей практике это не такой уж редкий случай. Приходилось успешно лечить и значительно более тяжелые нервные расстройства: наш принцип – индивидуальный подход к каждому пациенту, это помогает добиваться хороших

результатов.

– А какой у меня диагноз? Прогноз?

– Ну, диагноз... – Алексей Николаевич почесал авторучкой у себя за ухом, а потом положил ее на стол. – Не буду вас обманывать, пока говорить об этом рановато. Диагноз нельзя ставить на основании фрагментов – важна целостная картина. Если исходить из совпадения отдельных симптомов, то получится известный феномен чтения медицинской энциклопедии, когда у себя можно найти все за исключением родильной горячки. Мое личное, предварительное мнение – прогноз вполне благоприятный. Если бы не тот случай, что вы назвали «галлюцинацией», я бы вообще не заметил ничего тревожного. Вы, на первый взгляд, практически здоровы. Есть небольшой невроз, а у кого сейчас нет? Но раз тот случай вас так сильно беспокоит, давайте все-таки понаблюдаемся. Еще несколько исследований надо бы провести, в том числе на гормоны, чтобы исключить связанные с этим заболевания. Направления сейчас дам. А пока – попейте-ка вот такие лекарства, – врач протянул мне пару листков бумаги. – Это так, для укрепления нервной системы и общего самочувствия. Работа у вас напряженная, беспокойная, и такое лечение лишним не будет. Главное – ничего не упустить из виду. На эту тему есть профессиональный анекдот. Психиатр успокаивает красивую пациентку: «Если водители проезжающих мимо грузовиков заглядывают в окно вашей спальни, когда вы раздеваетесь, это еще не означает, что есть повод

для беспокойства!» «Доктор, вы наверное шутите?» – удивляется пациентка. «Конечно, нет!» – подтверждает врач. «Но я забыла рассказать, что живу на шестнадцатом этаже!»

Я ответил чем-то вроде сдавленного хихиканья.

– Вот и мне тоже понравилось, – продолжил Алексей Николаевич. – Поэтому если что-нибудь вспомните из того, что забыли сейчас рассказать, обязательно звоните. Вот моя визитка и направления на исследования. Давайте с вами встретимся... ну, скажем... через пару месяцев. Вы к тому времени сделаете то, что я рекомендовал, и у нас появятся новые данные. Если что, обращайтесь раньше. Как говорится, не нервничайте из-за всякой сволочи и радуйтесь каждой мелочи. Желаю удачи!

Выходя от врача, я вдруг подумал, что в платной медицине существуют свои, весьма немаловажные плюсы. Вот так посмотришь на выписанный счет, и сильнее будешь ценить собственное здоровье.

16. Шеф

Прежде в своей жизни я не совершал ничего особенно полезного. Не создал ни одного уникального руководства из серии «Секреты мастерства». Не написал книги «Путь к успеху», никого не научил жить заново, не поведал, как избегать капканов, в которые попадает множество других людей. Ничего такого. Как однажды рассказал мне за чаем один очень

старый и очень мудрый человек, каждый в течение жизни несколько раз меняет свои приоритеты. В семь лет мечтает стать банкиром, крупным бандитом, врачом или космонавтом. В восемнадцать – возглавить богатый коллектив, дабы ездить по миру и чувствовать себя независимым, свободным и популярным. В двадцать пять желает собственную квартиру с хорошим ремонтом, красивую жену и крутую машину. В тридцать два грезит о прибавке к зарплате, работая менеджером или агентом по продажам, и думает, как бы поскорее оплатить свой кредит и вырваться, наконец, куда-нибудь в отпуск. В сорок шесть лет, окидывая взглядом прожитые годы, человек понимает, что жизнь, о которой когда-то мечталось, так и не наступила, поэтому в шестьдесят выходит на пенсию с надеждой прожить оставшиеся годы в комфорте и безопасности, лишь бы никто не трогал.

В описываемый мною период с приоритетами как-то не очень складывалось. Видимо, одни уже устарели, а другие еще не обозначились в полном объеме. Впрочем – это лирическое отступление не имеет прямого отношения к делу.

* * *

Раз в месяц Леонид передавал распечатку, которую я переписывал своими словами и вкладывал в «черновики» секретного почтового ящика на mail.ru. За прошедшее время мне удалось более-менее хорошо изучить своего шефа. Вначале думалось, что его фирма и вся наша работа если не со-

всем жульничество, то нечто весьма к тому близкое. Обычная риелторская контора, слегка закамouflированная всякой мистической чепухой, чтобы создавать своеобразие и привлекать клиентов. Совершались чисто ритуальные действия, призванные успокоить клиента, снять с него нервное напряжение и облегчить его счет в банке. Что-то вроде психотерапии. Леонид имел образование клинического психолога и кандидатскую степень по этой специальности, что, теоретически, позволяло заниматься преподавательством и частной практикой. Вот и занимался. Прежде, очень недолго, он успел поработать в некоем медицинском институте, параллельно обучал студентов и на жизнь не жаловался. Потом, после каких-то загадочных событий, о которых он не хотел распространяться, резко сменил образ жизни. Оборвал прежние связи. С работы ушел и открыл собственную риелторскую фирму. Прогорел и сел в тюрьму. Через год вышел по амнистии, затеял новое дело, и последние годы успешно развивал бизнес. Даже кризис пережил.

Первый настоящий трудовой день на фирме Леонида запомнился очень хорошо. И, думаю, что надолго. «Настоящим» я его называю вовсе не из-за хронологии, а потому, что именно тогда возник начальный эпизод из той череды событий, ради которых меня, собственно, и взяли на работу.

Мой шеф казался в ту минуту печальным и склонным к мизантропической философии, как это иногда случалось у него в начале рабочей недели.

– Итак, притча, – без видимых на то оснований заявил Леонид. – Как-то раз бог спокойно обедал у себя дома, а его жена-богиня подавала еду...

– Погоди, – перебил я. – Этот бог, он что, нуждался в регулярных потреблениих пищевых продуктов? Что ж за бог такой, если ему какая-то богиня сама еду подавала?

– То был языческий бог. С маленькой буквы. Погоди, не перебивай. Так вот, бог вдруг без видимой причины выскочил из-за стола и выбежал из дома наружу. Шокированная жена устремилась вслед за ним. Но, выйдя из дома, она увидела, что муж уже спокойно возвращался обратно. Войдя в дом, он сел на свое обычное место и, как ни в чем не бывало, продолжил трапезу. «Что стряслось? С чего это ты вдруг рванул как ошпаренный?» – удивленно спросила богиня. «Так, показалось», – туманно пояснил бог.

Повисло тягостное молчание.

– Это все? – не понял я.

– Все, – подтвердил шеф, – а чего тебе еще?

– Что-то не врубился. Объяснишь?

– Совсем не дошло? Ладно, проехали... Если когда-нибудь что-нибудь поймешь, скажешь потом, ладно? Договорились?

– Ладно, скажу. Если пойму, конечно, – согласился я. – Ты должен знать про такой эффект или синдром, не помню названия. Суть в том, что глупые люди не способны понять собеседника и осознать своих ошибок. Они считают себя ге-

ниями, что не могут ошибаться и всегда делают все на «отлично», вот и добиваются высоких постов. А умные всегда в себе сомневаются, потому как знают, что можно ошибиться, относятся к себе и к своему делу ответственно и критически. Они вечно остаются в низах. Вот так и получаются подчиненные-гении и начальники-идиоты.

– Ага, есть такое дело, конституциональной глупостью называется, оно же – относительное слабоумие. Описано еще у Ганнушкина. Сейчас считается одним из вариантов нормы. У таких пациентов наблюдается ограниченность психики с инфантильным и банальным мышлением. Причем это нередко сочетается с прекрасной врожденной памятью и значительным запасом разрозненных жизненных знаний при правильном поведении в привычных обстановках. Вот только использовать свои знания в нестандартных ситуациях эти люди не в силах. Иногда они обладают хорошими умениями, легко овладевают простыми профессиями и трудовыми навыками. Короче – умеют больше, чем знают. Никогда ненужных вопросов не задают и лишнего не делают. Из них получаются отличные военные, хорошие рабочие, прекрасные исполнители и добротные партийные начальники. Ты это к чему вспомнил?

Я почесал затылок, а потом неохотно признал:

– Похоже, на моем месте надо бы иметь именно такого субъекта. Я же не совсем понимаю смысла нашей работы. Сижу вот, разные тупые бумажки составляю, бюрократией

мучаюсь, а что толку? Мысли всякие вертятся. Вопросы возникают. Что я делаю? Зачем? Выискиваю какие-то сведения, что-то собираю по ключевым словам, а кому это надо?

– Ладно, уговорил... сколько сейчас времени? – Леонид бросил взгляд на нижний правый угол монитора, – Ага, еще и поесть успеваем. Вот что. Сейчас едем на объект. Я собирался подождать месяца два, но можно и этим вечером. Слишком уж день сегодня удачный. Вечер – обязательное условие.

– Но надо же подготовиться! – задержался я.

– А никакой специфической готовности для первого визита не требуется. Это тебе не в аспирантуру поступать. Скоро сам поймешь, что да почему.

Судя по всему, мероприятие предстояло довольно веселое, однако никаких радостных эмоций я у себя что-то не обнаруживал. Настроение получалось тоскливое и немного скучное. К вечеру прошел неожиданный ливень, и духота уменьшилась. Вроде бы все хорошо, никаких проблем, погода отменная, зелень, птички поют, воздух, необычайно вкусный для Москвы, но отчего-то грустно. Что-то не так.

Мы погрузили свои бранные тела в машину Леонида и поехали в сторону центра. Дорогой я задремал, но в какой-то момент почувствовал, что машина резко тормозит, и проснулся. Посмотрев вперед, увидел перед собой заднюю часть внедорожника с «блатным» номером. Мы чуть было не попали в аварию с крупными неприятностями, но обошлось.

Какой была скорость, сказать не могу, не обратил внимания на показания приборов. В машине Леонида скорости вообще не ощущалось.

Наконец, мой работодатель затормозил возле небольшого кафе и аккуратно припарковал машину.

– Пойдем, бродяга, перекусим, пока время есть, – сказал Леонид, похлопав меня по плечу. Странно, раньше за ним такой фамильярности не наблюдалось.

Это небольшое кафе, выдержанное в стиле, наверное, конструктивизма, сделалось промежуточной целью нашей поездки. Хозяева заведения явно полагали, что допустимы лишь те предметы интерьера, что несут сугубо практическую нагрузку. Никакого декора, никаких лишних украшений: кругом нержавеющая сталь, стекло и прямые углы. Окна во всю стену до самого пола, посетители будто на витрине. Но это никого особенно не беспокоило. Посетители занимались своими делами и не обращали внимания на улицу.

– Тут посидим. Придется дожидаться полуночи. Потом сам все увидишь.

– Что – все? – тупо спросил я.

– Вот все и увидишь, расслабься. Хочешь, девочек за столик пригласим?

– С ума сошел? Не то настроение. Давай лучше рассказывай, что там к чему и как. Раз время пока есть.

– Да шучу я, шучу... какие уж теперь девочки. Я как раз собирался ввести тебя в курс, для чего именно этот столик и

выбрал. Вон там прогал, на противоположной стороне улицы, промежуток между домами. Видишь? Еще одно такое место. Перед войной там жилой дом стоял, но после попадания немецкой бомбы, здесь ничего больше уже не строили.

На каждом столике стояли какие-то разноцветные таблички. Нам досталась желтая, она сообщала:

Наше кафе – удивительное место, где можно провести деловые переговоры и романтическое свидание, полакомиться необычной едой, испробовать разнообразные блюда, изготовленные по русским и европейским рецептам. По пятницам и субботам играет оркестр, и гости могут наслаждаться живой музыкой.

Мы заказали два «больших» кофе, салат и по паре бутербродов с цыпленком. Народу в кафе заметно прибавилось. Соседний столик заняла худая нервная женщина и двое ее толстых детей. Мальчики-близнецы. Один из них углубился в кусок торта, как мультяшный Карлсон потонув рожницей во взбитых сливках, а второй, не трогая свой торт, что-то клянчил противным высоким голосом. Я продолжал пить кофе, которого осталась полкружки. Высыпал второй пакетик сахара и размешал. За окном потемнело, и свет в кафе стал мешать созерцанию улицы. Разговор как-то не клеился, шеф явно думал о чем-то своем, сбивался, отвечал невпопад и нервно поглядывал через толстое витринное стекло.

Наконец, за окном почти совсем стемнело, и если б не прекрасное городское освещение, разобрать что-либо не представилось бы возможным. Само появление дома я не заметил, хотя Леонид, постоянно следивший за местом, похоже, наблюдал весь процесс с самого начала.

– Вот сейчас смотри, теперь уже можно, – вдруг сказал шеф. – Внимательно смотри.

Я взглянул на ту сторону улицы. На первый взгляд ничего не изменилось. Силуэты домов на фоне темно-лазурного неба, цветные прямоугольники светившихся окон, проезжающие машины.

– И что, по-твоему, я должен... – начал было я и прикусил язык. Между домами никакого промежутка уже не было. Его занимал пятиэтажный дом, только вот окошки в нем не светились.

– Пора, – кратко сказал Леонид, вставая из-за стола. Я молча последовал его примеру...

17. Блуждающая кукла

Есть такая известная игра. Требуется зайти в какой-нибудь поисковик (неважно в какой, например, в картиночный поиск Гугла), медленно надавить лбом на клавиатуру и нажать пальцем «Enter». Потом вылезают всевозможные картинки. Казалось бы – занятия, глупее этого, трудно себе вообразить, но множество народа нет-нет, да и совершает по-

добные штуки. Интересно же. Что будет? Вдруг нечто любопытное? Даже гадание такое придумали – «ворожба по поисковым системам». Кстати, гадание по поисковикам, да и вообще по Интернету – прелюбопытнейшее и крайне увлекательное дело, доложу я вам. Особенно мне нравится гадать по случайной статье в Википедии. По-моему, Сеть разумна и способна принимать телепатические сигналы от пользователя.

Гадания, привороты, магия... считается, что благодаря им можно раскрыть тайны прошлого, узнать будущее, привлечь удачу. Подобных практик великое множество, у всех народов применялось ведовство, была магия и осуществлялись гадания. Они включали в себя большое количество ритуалов с использованием различных предметов и живых существ. В наше время имеется множество путей познать себя и свое предназначение. Можно выбрать интересующий обряд, досконально изучить его, вникнуть в суть и приступить к осуществлению. Если же изучать ритуалы недосуг, или ответ требуется срочно, то остается прибегнуть к сторонним средствам и чужим посредникам, коих все больше и больше в свободном доступе. Главный же принцип заключается в вере. В сверхъестественное. Бытует мнение, что подобные практики и обряды беспокоят потусторонние нематериальные силы, а иногда вызывают их в реальную действительность. Но без веры все равно ничего не получится. От первобытных язычников наши современники, в глубинах своих

душ, ушли мало, недалеко и не вполне полностью. Высокие технологии, цифровой мир, достижения современной науки ни коим образом не изменили мутных глубин в сознаниях людей. Одни безоговорочно верят в эффективность магических действий, прибегая по мере надобности, другие наоборот – отрицают, но, как правило, нет-нет да и приходят к подобным практикам. Гадание, магия и ворожба были, есть и будут популярны во все времена. Дело в том, что с их помощью можно не только запросить ответы на вопросы различной тематики, но и просто успокоиться, доказать свою правоту, или весело отдохнуть.

Как-то раз, после тяжелого трудового дня (писал и составлял бумаги для разных государственных органов – занятие сколь бессмысленное, столь же и утомительное) решил немного отдохнуть. Сначала без всякой цели принялся «серфить» веб-сайты, а потом дошел уже до такой стадии отупения, что начал тыкать по клавиатуре лбом, а после разглядывать появившиеся картинки. Вдруг пришел Леонид и посмотрел на меня с явным неодобрением. Работодатель заявил, что после таких разрушительных для психики занятий, можно и должно немного расслабиться.

Мы перебрались в офис для переговоров. Мой шеф извлек из бара красивую бутылку прозрачной коричневой жидкости, а я, продолжив тему, достал пару пузатых рюмок плюс классический набор – лимон и сахар. Ритуал повторялся каждый раз. Подобные вечерние посиделки стали чем-то

вроде нерегулярной традиции. Раз в две-три недели мы спонтанно позволяли себе вот так посидеть и поговорить, параллельно обсуждая рабочие дела. В камине потрескивали дрова, которые работодатель временами туда подбрасывал.

Сначала говорить вообще не хотелось, но когда приятное ощущение разлилось по организму, настроение улучшилось, и язык развязался. Я рассказал о сомнениях, мучивших последнее время.

– Надеюсь, ты помнишь картину Иеронима Босха «Сад земных наслаждений»? – неожиданно спросил Леонид.

– А как же, – кивнул я. – Мне она очень нравится. Люблю ее разглядывать. У меня она почему-то ассоциируется с парком имени Горького в летний сезон.

– Да? Забавно. Но кроме всего прочего, там имеется множество разных дивайсов, гаджетов и ништяков, в которых видят то космические корабли, то компьютеры, то виртуальную реальность, то что-то еще... Думаю, триптих сохранит популярность на все времена. Но главное, о чем говорит картина: магия – дело опасное, страшное и жестоко наказуемое.

– Это ты к чему? – не понял я. – Причем тут...

– К тому самому, чем ты только что занимался. Гадание – тоже вариант магии. Ведь что такое у нас магия? – риторически спросил Леонид, разглядывая на свет свою рюмку. – Всевозможных определений множество, и все они обычно сходятся во мнении, что магические действия нарушают известные законы вселенной. Но, как сказал святой Августин:

«Нет чудес, что противоречат законам природы. Чудеса идут вразрез лишь с нашими представлениями об этих законах».

– Он так сказал? – удивился я.

– Говорят, что сказал. Неважно, все равно фраза хорошая. И вполне современная! Так вот, магия, несомненно, самый древний способ познания мира и взаимодействия человека с его окружением. Из магии потом произошли все науки, все религии, искусство и философия. Впрочем, рассуждать о зарождении магии, и как научно объяснить ее эффект, сейчас не будем. Для этого у меня просто не хватает нужных знаний, я не историк и не философ. Однако всегда и несмотря ни на что люди, к магии тянулись. Писались книги, снимались фильмы, постоянно появлялись и продолжают появляться многочисленные теоретические статьи о магии и магических техниках. Кроме того, имеется очень-очень много ремесленников-практиков, сделавших магию источником собственного существования. Вот я-то как раз именно такой ремесленник и есть.

Выдав такое заключение, Леонид замолк и уставился на огонь в камине. Некоторое время мы молчали.

– А как же то, что я видел? В том доме, через улицу от кафе? Там была девушка, я разговаривал с ней. Чуть было не рехнулся в этом призрачном месте.

– Ну, как... – запнулся шеф, – есть такой эффект.

– Что за эффект? – не понял я.

– Мы его называем «эффект блуждающей куклы», –

неохотно пояснил мой работодатель. – Психоинформационная реплика, которая в определенное время становится видимой для восприимчивых людей. Если разрушить реплику, никакого беспокойства жильцам больше не будет, а мы получим честно заработанные выплаты по договору.

– То есть надо убить эту девушку вместе со всеми прочими обитателями дома?

– Какую еще девушку? Какие обитатели? – с явной досадой спросил шеф. – Они и так давным-давно исчезли. Там никого уже нет.

– Но она как-то существует... по-своему. Двигается, говорит, вероятно, думает. Она сознательное и вполне разумное существо!

– Да нет же, говорю тебе! Какое там разумное существо, – с долей отчаяния произнес Леонид, вновь разливая коньяк. – Ты так ничего и не понял. Это просто информационный эффект. Изображение формируется в твоём сознании. На самом деле все совсем не так, это я тебе по рабоче-крестьянски объясняю, дела в реальности обстоят несколько сложнее, но главное – суть пойми: никто там давно уже не существует, осталась всего лишь одна видимость. Воспоминание.

– Но я же вел с ней вполне осмысленные беседы. Это какие-то разумные существа или сущности. Ты сам-то разве не видел их?

– Сущности? Ну, в какой-то мере... Почему бы и нет? Видел, конечно. А вот насчет существ, реальных и разумных,

позволю себе не согласиться. В качестве примера: есть такая самообучающаяся компьютерная программа, ведет диалог на любую тему, пытаясь при этом имитировать естественный интеллект. Не слышал о такой? А я с ней общался, даже на своем компе до сих пор держу, пока еще не надоела. Человек с клавиатуры вписывает разные фразы и вопросы, а программа выдает свои ответы на экран, ведет вроде бы осмысленный диалог. Причем диалог довольно-таки рассудительный, иногда разумнее, чем некоторые живые собеседники. Как и у людей, у этой программы есть любимые темы: человек и компьютер, мужчина и женщина, любовь и секс, алкоголизм и пьянство... Программа считает себя женщиной и довольно критично относится к мужчинам, да и к людям вообще. Как и собеседник-человек, она не всегда все понимает с первой попытки, иногда проявляет упрямство и говорит то, что сейчас интересует ее, а не тебя. Часто требует пояснений. Согласись, такое нередко случается и с людьми, особенно с женщинами! Естественно, что уровень диалога с программой зависит от тебя самого.

– Ты хочешь сказать, что мои разговоры с этими призраками, носили подобный характер?

– Примерно да.

– Но каким образом? – на меня вдруг напал тупизм. Я действительно ничего не понимал. – В чем физический смысл явления? Там компьютер, а в нашем случае что?

– Как это что? Твои же собственные мозги! Это ни что

иное, как такая своего рода галлюцинация. Глюк. Даже не так. Точнее, это действительность, но исключительно в твоём сознании. Ситуация и условия на данном участке местности таковы, что разные люди видят тут разные вещи. Но видят их практически все, вполне достоверно, как наяву. Собственно – наяву и есть. В психиатрии это называется онейроид. Нарушение сознания с наличием активных переживаний и раскрученных фантастических картин, переплетающихся с реальностью. Присутствует нарушение ориентировки во времени и пространстве, иногда и в собственной личности. При шизофрении, кстати, такое тоже случается. Тут то же самое, только не шизофренический бред, а проходящее видение, вызванное специфической обстановкой этого места. Вот наша задача эти условия изменить так, чтобы никто ничего лишнего тут больше не лицезрел, и впоследствии никаких ощущений от общения с привидениями не испытывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.